

КАРОЛИНА
ЭРИКССОН

НАБЛЮ- ДАТЕЛЬ- НИЦА

*Для поклонников
триллеров
«Большая
маленькая ложь»
Л. Мориарти и
«Девушка в поезде»
П. Хокинс*

Annotation

Пытаясь пережить расставание с мужем, успешная писательница Елена снимает домик в маленьком шведском городке. Находясь на грани срыва, она не может ни писать, ни спать и все больше отдаляется от семьи и друзей. Но неожиданно для себя находит утешение, наблюдая за благополучной семьей, живущей через дорогу.

Чем больше Елена наблюдает за ними, тем сильнее убеждается, что в жизни ее соседей происходит что-то странное, и эта тайна одновременно завораживает и пугает ее. В ней просыпаются вдохновение и писательский азарт. Похоже, что за аккуратным фасадом разыгрывается настоящая драма.

Однажды Елена узнает от сына соседей, что его мать – женщина с темным прошлым, способная на ужасные поступки. Писательница становится одержимой этой семьей и начинает преследовать своих соседей, превращаясь в их тень.

Но по мере того как опасность возрастает, грань между воображением и реальностью начинает стираться. Теперь смерть угрожает уже самой Элене.

- [Каролина Эрикссон](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Каролина Эрикссон

Наблюдательница

*С благодарностью
маме и папе за то, что
было, за то, что есть,
за то, что осталось*

Caroline Eriksson
HON SOM VAKAR

Впервые опубликовано в Bokförlaget Forum, Стокгольм, Швеция. На русском языке роман выходит с разрешения агентств Bönner Rights и Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

© Caroline Eriksson, 2017
© Хохлова Е., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Муж

Неужели вот так все и закончится?

Я шатаюсь на краю, оборачиваюсь, встречаюсь с ней взглядом. Эти глаза когда-то встретились с моими перед алтарем крошечной деревенской церквушки. Тогда они были полны жизни, полны любви. Теперь же потемнели от ненависти. Выражение ее глаз говорит о жажде мести. И я вижу на ее лице решимость, целеустремленность, которой давно уже не наблюдал. И только сейчас меня посещает мысль: то, что происходит, то, что произойдет – никакая не случайность. Моя жена выжидала. Желала мне смерти.

Я столько волновался за нее... а теперь понимаю, что волноваться нужно было за себя.

Говорят, что в последние секунды вся жизнь проносится перед глазами – от начала до конца. И откуда только это знают? Но у меня все не так. Нет, мимо не проносится кавалькада дней рождения и праздников, успехов и поражений. Не видно лиц самых дорогих и близких людей. Только одна картина стоит перед глазами. Поразительно, но это церковь, в которой мы когда-то пообещали друг другу быть вместе и в горе, и в радости.

День свадьбы. Наши пальцы переплелись. Мы медленно идем по проходу к алтарю. Гости улыбаются на скамьях, шурша праздничными нарядами, в воздухе пахнет летними цветами. Я помню все, каждую деталь, так ясно, как будто это было вчера. Клятвы, которые мы сочинили сами, солнце, проникающее в витражные окна, благословение священника.

И что теперь? Где она меня захоронит? В церкви, где мы поклялись любить друг друга до гроба? Меня или то, что от меня останется?

Под ногами у меня бездонная пропасть. Пропасти неведомо милосердие. Все происходит быстро, но каждое мгновение длится вечность. Она подходит ближе, становится совсем рядом. Поднимает одну руку, потом другую. Сейчас я упаду и разобьюсь. Сейчас все закончится.

Раз, два, три.

Сейчас.

В районе четырех утра я встаю и накидываю халат. Я давно уже перестала, лежа в постели и страдая от бессонницы, считать часы и минуты. С момента разрыва не прошло и месяца, и я еще не привыкла спать одна в постели. Не знаю, привыкну ли когда-нибудь. Мне не хватает Петра. Не хватает его присутствия. В нашу первую ночь мы оба почувствовали, что наши тела будто созданы друг для друга. Они были словно две части одного целого. Впервые наедине с мужчиной я испытала нечто подобное. И Петер тоже это почувствовал. *Мы как пазл, шептал он мне на ухо, пазл из двух фрагментов.*

Лестница, ведущая на первый этаж, угадывается в темноте. Ступеньки узкие и крутые – на них легко поскользнуться. Зажмурившись, я наклоняюсь вперед, смещая центр тяжести в сторону лестничного проема. Что, если пойти, не открывая глаз, отдавшись на волю судьбы? Удалось бы мне спуститься вниз невредимой? Или я бы оступилась, сломала шею и осталась лежать внизу на полу? Жизнь, погасшая в ночи, одинокая капля в мировом океане.

Я вытягиваюсь еще дальше. Мне не нужно испытывать судьбу. Есть и другая альтернатива. Просто броситься вниз, приземлиться на голову и свернуть себе шею. Не впервые эта мысль меня посещает, и, как и раньше, я тут же начинаю думать о сестре: ведь это она нашла бы меня, ей пришлось бы заниматься похоронами. Из всей семьи нас осталось двое. *Я не могу так с ней поступить.* Рука тянется к выключателю. Свет заливает лестницу, и я спокойно спускаюсь вниз.

Я иду через пустой дом – мое новое жилище, которое мне вообще-то не принадлежит. Я – лишь тень, я здесь транзитом по пути в другие места. Аренда на три месяца оплачена вперед. Что потом – мне неизвестно. Мне стоило бы испытывать тревогу, но я ничего не чувствую. Ничего.

На кухне я набираю стакан воды и пью, прислонившись к раковине. В доме напротив свет не горит. Во всех окнах темно. Его обитатели наверняка спят, как все нормальные люди в это время. Спят спокойным сном рядом с любимыми – в постели или в соседней комнате. В спальне меня ждет чужая односпальная кровать. Холодная и неудобная. Некому согреть ее для меня. Нет ног, о которые можно согреть мои ледяные ступни. Нет спины, к которой можно прижаться.

Пазл из двух фрагментов. Однажды я использовала это выражение в рукописи. От редактора она вернулась с двумя красными чертами поверх этой строки и «банально» в комментарии на полях. Она не могла знать, как много для меня значат эти слова, она просто выполняла свою работу. Я приняла правку. Может, мне стоило настоять на своем и не отказываться от этих особенных для меня слов. Редакторская правка – это только предложение от издательства, обычно разумное, но в конечном итоге автор сам решает, каким должен быть его текст. В следующий раз надо об этом помнить. В следующей рукописи... фраза вытекает в пустоту, я допиваю воду и качаю головой. В следующий раз? Следующая рукопись? Кого я пытаюсь обмануть? Я не написала ни строчки за два года.

Иду дальше по дому тем же маршрутом, что и обычно в эти бессонные ночи, и оказываюсь в гостиной. Она небольшая, и здесь я сложила вещи, которые забрала из нашего с Петером дома. Вдоль стен выстроены коробки с вещами, которые я не стала распаковывать. Бессмысленными вещами – реликвиями времен, которые никогда не вернуться. Только один предмет еще имеет для меня значение.

Медленно подхожу к книжному шкафу. Вытягиваю руку и осторожно провожу ладонью по корешкам тесно прижавшихся друг к другу книг. Под обложками таится так много рассказов, так много судеб. Там описана радость и боль человеческой жизни, жестокость, которую мы совершаем и причиняем друг другу. У всех этих рассказов есть общие темы, как и у всех жизней. Я знаю, что не я одна переживаю то, что переживаю. Но все равно в это трудно поверить. *Мама, если бы ты только могла меня видеть.*

Руки сами делают выбор, словно живут своей жизнью, словно мне они не принадлежат. Книга за книгой поднимается в воздух и опускается на новое место: иногда на той же полке, что и раньше, но чаще на другой. Сперва это происходит медленно и бесцельно, затем быстрее и сосредоточеннее. Книги переезжают с места на место: ниже, выше, ближе к центру, ближе к краю. Сегодня я сортирую их по названиям, но система тут не важна, важно само занятие. Оно меня успокаивает, не дает сорваться в пропасть.

Не на всех полках хватает места, я прижимаю стопку книг к груди одной рукой и продолжаю работать другой. Пустоты образуются и снова заполняются. Одна связь обрывается, возникает другая. Но это, разумеется, не помогает. Ничего не помогает. Закончив, я стою перед шкафом и оглядываю результат. Все по-другому, но ничего не изменилось. Я медленно выхожу из гостиной.

В какой-то момент меня возвращает к реальности холод. Мне холодно,

ноги заледенели, я вся продрогла. Что-то плачет рядом с лицом, и я просыпаюсь. Видимо, во время бессонного брожения по дому я все-таки вернулась в спальню на втором этаже и заснула, поскольку проснулась я именно здесь. Одеяло соскользнуло на пол, в комнате холодно – я забыла закрыть окно. Я подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. *Если бы можно было просто не просыпаться. Что-то снова плачет.* Я вслепую шарю по тумбочке, на которой лежит мобильный. На дисплее два сообщения от сестры. Первое из четырех слов:

Ты же придешь вечером?

Второе такое же короткое, но тон другой.

В семь вечера. Не опаздывай!

Заставляю себя встать с кровати, накидываю халат и спускаюсь по лестнице. Те же движения, халат, лестница, все как вчера и позавчера. Те же движения, халат, лестница, как завтра и послезавтра. Я беру чайник и завариваю чай не потому, что позавтракаю я или нет имеет какое-то значение, а потому что так положено, так все делают. И это помогает мне заполнить время и мысли. Чем-то другим.

Я опускаюсь на стул и дую на чай. Между глотками смотрю в окно, окидываю взглядом сад дома напротив. Птицы шумят в кустах. На кухне того дома мужчина в костюме завязывает галстук. Напротив него за столом сидит женщина с медовыми волосами и пьет что-то из чашки. Солнце еще не поднялось над крышей, мусоровоз пытит по улице, люди спешат по тротуару. У них есть цель, их шаги полны решимости.

* * *

Снова осматриваю кухню, где я сижу, отмечаю пустые голые стены, местами ободранные обои, стертые ручки шкафов. Из мебели тут только стол и два простых стула. За этими четырьмя стенами меня ждет еще один день, состоящий из бессмысленных ритуалов и натуженного дыхания. Еще один день тишины и одиночества. Сестра – единственное, что еще связывает меня с миром за этими стенами. Так уж вышло, я сама так хотела.

Ты же придешь вечером?

Я встаю из-за стола и выливаю остатки чая в раковину. Не знаю, думаю я. Я правда не знаю.

2

Сестра нагибается и заглядывает в духовку сквозь засаленное стекло.

– Готова, – решает она и поправляет рукавицы-прихватки, прежде чем открыть дверцу.

На столе передо мной оказывается блюдо с лазаньей. В дополнение к нему простой зеленый салат и пакет красного вина. То же самое, что и во все прошлые пятницы. Сестра так сильно любит лазанью или же почему-то решила, что мне она нравится. Сестра наливает нам вина, садится напротив и протягивает мне приборы.

– Бери, не стесняйся, – говорит она.

Мы сидим с двумя кусками лазаньи на тарелках, от них идет пар. Сестра ест с аппетитом. Болтает о погоде, о том, что весна заставляет себя ждать. Бросив попытку обсудить со мной новый сериал, о существовании которого я даже не догадывалась, она спрашивает, как мне живется в доме. Я отвечаю, что все будет хорошо, просто я еще не успела освоиться.

Слова какие-то пустые, искусственные. Я чувствую себя странно. Точно так же я чувствовала себя пару часов назад, когда стояла в коридоре перед дверью. Я была одета и готова к выходу, когда на меня вдруг нахлынуло. *Ничего не получится, я не могу.* Я хотела позвонить и отменить встречу, я чувствовала, что не смогу участвовать в этом уже успевшем войти в традицию пятничном ужине. *Сидеть там и болтать, притворяясь, что все в порядке. Нет, только не это. Никогда больше.* Но я все равно поехала.

– Да-да, – кивает сестра. – Конечно, я просто так спросила.

Дом мне сдала одна из подруг сестры. Она сейчас совершает кругосветное путешествие. Это то, чем занимаются приятели сестры, они путешествуют и наслаждаются жизнью. Сестра с мужем тоже много путешествовали в прошлом, одни и вместе с другими парами. Но это было давно.

– Тем более что это всего на пару месяцев, – продолжает сестра, и до меня доходит, что речь все еще идет о доме. О моей жизни.

Она вертит бокал в руках, задумчиво смотрит на меня. Раньше сестра предлагала мне пожить у нее с мужем, и у меня появляется ощущение, что она готова предложить это снова.

– Все будет хорошо, – отвечаю я на невысказанный вопрос.

Краем глаза я вижу, как сестра бросает взгляды на мою тарелку с

нетронутой едой. Виновато сую вилку с куском лазаньи в рот и запиваю вином. Вкуса я не чувствую. Спрашиваю сестру о работе и внимательно ее слушаю. Разговор идет лучше, когда все внимание обращено не на меня.

Мой бокал пустеет, сестра подливает еще. Алкоголь делает свою работу – сглаживает острые углы, одурманивает, успокаивает. Я чувствую себя реальной.

– А ты? – спрашивает сестра, закончив рассказ.

– Что я?

– Ты начала думать о будущем?

Я опускаю взгляд в тарелку, тереблю вилкой листья салата. Будущее? Мое будущее уже в прошлом, думаю я, зная, что вслух эти слова произносить не стоит. Вместо ответа пожимаю плечами, но сестра не сдается. А как дела с писательством? Есть новые проекты? Я облизываю губы и отвечаю, что нет, у меня нет новых проектов. Сестра наклоняется ближе.

– Ты должна вернуться к работе, – решительно заявляет она. – Работа – лучшее лекарство.

Я цепенею. *Работа – лучшее лекарство.* Мамины слова, ее мантра. Слова, которыми она с улыбкой встречала все наши попытки заставить ее отдыхать. Слова, которые она повторяла до тех пор, пока у нее не оставалось больше сил, пока боль не лишила ее возможности говорить, сидеть в постели, писать и читать.

Сестра говорит будничным тоном, словно это выражение не имеет для нее особого смысла. Не выдает себя голосом, не показывает, что помнит. Может, и правда забыла. К моменту болезни мамы сестра уже уехала из дома. Она долго жила за границей и редко навещала маму. Только под самый конец она осталась надолго.

Я набираю в грудь воздуха и задерживаю дыхание. Только когда воздух начинает до боли давить на ребра, и больше сдерживаться я не в состоянии, я выдыхаю.

– К твоему сведению, я вообще-то работаю. Все время.

Это правда. Я беру столько лекций и заказов на перевод, сколько могу.

– Я рада, что ты не сидишь без дела. Но ты писатель, Елена. Писатель должен писать, не так ли? А не ковыряться в чужих текстах.

Бокал пуст. Снова. Я смотрю на пакет вина.

– Мне не о чем писать.

Сестра подливает и поднимается, чтобы достать из холодильника кетчуп.

– Что твой издатель любит повторять о писательском деле? Что-то о

могиле?

Странный звук, похожий на смех, вырывается у меня из горла. Сестра поднимает брови, я снова отвожу взгляд. Я чувствую, что пьянею.

– Копай там, где стоишь, – тихо поправляю я.

– Да-да, – говорит сестра и снова берется за приборы. – *Whatever*^[1]. Ты это много раз упоминала. И использовала этот метод при работе над прежними рукописями.

Я медленно киваю. Большую часть жизни я была наблюдательницей, той, кто смотрит со стороны, сам не принимая участия в событиях. Это пригодилось мне в писательском деле. Я рассказывала о событиях, свидетелем которых была или о которых слышала. Персонажи в моих четырех книгах имели прототипы из моего окружения, хотя не всегда это было очевидно для тех, с кого я писала своих героев. Писателю достаточно напустить туману – изменить возраст и профессию, и люди уже не догадаются, что книга вообще-то о них. Я писала о друзьях и коллегах, о близких людях и случайных знакомых. Я писала о маме и папе, даже о сестре. Не думаю, что она в курсе.

– Помнишь, – расплывается она в улыбке, – как я читала твои рукописи перед отправкой в издательство? В самом начале, до того, как тебя начали печатать? И немного потом тоже. Во всяком случае, твои первые две книги. Ты говорила, что мои комментарии весьма разумны и что я помогла тебе улучшить тексты.

Я только что опустила бокал на стол, но тут же снова поднесла его к губам. Вино льется мне в горло, терпкое, пьяное.

– Я бы снова хотела этим заняться. Помогать тебе с вычиткой, – заканчивает сестра.

У нее на подбородке кетчуп, я говорю ей об этом, и она вытирает лицо салфеткой.

– Как я уже сказала, – говорю я, пока она вытирается, – читать нечего.

– А как же этот совет? Копай, где стоишь. Раз он раньше работал, может, стоит снова попробовать?

Я откидываюсь на спинку стула.

– Почему тебе так важно, чтобы я писала?

– Потому что мне кажется, что тебе нужно по-настоящему во что-то погрузиться. Полностью сосредоточиться на чем-то, пока ты проходишь через... все это.

Мы смотрим друг на друга. Наконец сестра всплескивает руками и бормочет: «О'кей, о'кей». Она спохватывается, протягивает мне кетчуп и говорит, что я к еде не притронулась.

Я отвечаю, что не голодна, и отодвигаю тарелку.

– А где Вальтер? – спрашиваю я, чтобы сменить тему и поговорить о чем угодно, только не обо мне.

– В боулинге, по-моему.

Я всегда думала, что у сестры с мужем прочный брак, но теперь не уверена. Супруги проводят каждый вечер пятницы отдельно, разве это не странно? И почему они больше не путешествуют вместе?

Я изучаю сестру. Может, она о чем-то умалчивает? Может, их отношения с мужем не так хороши, как кажутся?

– Как у него дела? Вы...?

Я не успеваю закончить. Меня прерывает шум из квартиры над нами. Крики, топот, грохот.

– Недавно переехали, – криво улыбается сестра. – Трое детей. Всем меньше семи.

Она поднимает глаза к потолку, я делаю вид, что тоже смотрю вверх, но на самом деле изучаю ее лицо. Форму лба, контуры губ... сходство поразительное. Интересно, в курсе ли она, видит ли в зеркале, чьи черты унаследовала, и если да, то что об этом думает. Если бы наши отношения были другими, я бы задала этот вопрос, но сейчас не могу.

Снова грохот сверху, за ним крики детей и увещевание родителей. Слов не разобрать, но в тоне слышны любовь и нежность. Я потираю глаза обратной стороной ладони. Когда снова смотрю на сестру, она скомкала салфетку и внимательно ее рассматривает.

– Знаешь, – говорит она, – можно жить счастливо и без детей.

Снова меня охватывает ощущение нереальности. Все возвращается и одновременно исчезает. Сестра говорит что-то еще, о себе и Вальтере, о том, что это был их выбор, но... Она понимает, что это горько, но...

– Я хочу сказать... прости, если я перегибаю палку, но неужели ты правда бросишь его из-за этого? Вы же любите друг друга?

Она кладет скомканную салфетку на тарелку и смотрит мне прямо в глаза. Потом протягивает руку и накрывает ей мою. Ее теплая, немного влажная рука лежит поверх моей – сухой и холодной. Я смотрю на ее пальцы, напоминающие мне о маме. В горле растет ком. Я не могу выдать ни слова.

Наконец она медленно убирает руку и поднимается, чтобы собрать тарелки. Пока она загружает тарелки в посудомоечную машину, я закрываю глаза и чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. *Что я здесь делаю? Зачем я вообще сюда приехала?*

Стол убран, остался только мой пустой бокал. Сестра закрывает

дверцу посудомоечной машины.

– На десерт будет мороженое, – сообщает она.

Как в замедленной съемке я встаю, беру бокал и иду к раковине. Мне стоит огромных усилий не выронить его. К горлу волнами подступает тошнота. Поставив бокал, я поворачиваюсь к сестре:

– Думаю, мне пора вызывать такси. Я подумаю об этом завтра.

3

Поездка из квартиры сестры в центре города в дом на окраине занимает сорок минут на автобусе и вдвое меньше на такси. В своем нынешнем денежном положении я не могу себе позволить ездить на такси, но мне плевать. Особенно сегодня вечером.

Я бросаю взгляд на курчавую голову шофера, потом перевожу на окно и в тишине наблюдаю, как городские огни проплывают мимо машины.

Я ушла до десерта, сославшись на усталость. Я сказала, что, возможно, заболеваю, но по лицу сестры видно было, что она мне не верит. Но она промолчала. На прощание мы обнялись в прихожей.

– Увидимся в следующую пятницу, – пробормотала я ей в волосы и поспешила к такси, ждущему снаружи. В следующий раз будет моя очередь приглашать на ужин.

Машина затормозила на светофоре. Красные блики на моем лице сменились желтыми, потом зелеными, и мы едем дальше.

Можно счастливо жить без детей. Неужели ты правда бросишь его из-за этого?

Сестра многого не понимает. Начнем с того, что она сама никогда не мечтала о детях. Но дело не только в этом. Нас разделяет целая пропасть. Я вспоминаю наше совместное детство, когда между нами еще не было этой невидимой преграды. Сестра была частью меня, а я – частью ее. Тогда жизнь была легкой и беззаботной, а мы были невинными и полными надежд на будущее. Как все дети. Потом мы выросли, сестра уехала из дома и все изменилось.

Если бы я только осталась у сестры и открылась ей. Рассказала бы о бессоннице, пустоте и отчаянии, заполнивших мою жизнь без Петера, после Петера.

Но такими вещами мы с сестрой не занимаемся, мы не переворачиваем камни, не тревожим невысказанных слов. Может, у нее есть свои причины для того, чтобы держать эту дистанцию между нами, свои внутренние демоны. Или это все из-за меня, проблемной сестры, ее зеркальной противоположности.

Кожа на сиденье скрипит, когда я пытаюсь поменять позу. Во рту кислый привкус винной отрыжки. Шофер мигает поворотниками и сворачивает в последний перед моим домом поворот. Темно, фонари стоят вдоль обочины как поникшие спящие великаны. Я смотрю в ночь и чувствую, как темнота проникает глубоко внутрь меня.

* * *

Я снимаю туфли и на цыпочках пробираюсь через прихожую, не зажигая свет. Это мой дом, и у меня полное право быть здесь, но я все равно чувствую себя так, словно вторгаюсь на чужую территорию. Умом я понимаю, что мне очень повезло. Это хороший дом в хорошем районе, и условия договора неплохи, но мне все равно кажется, что со всех сторон из темноты на меня подозрительно смотрят чьи-то глаза.

Дому не нравится мое присутствие. Нам неуютно друг с другом, но такие вещи сложно объяснить моей сестре. Она бы недоуменно уставилась на меня, покачала головой и пробормотала, что я несу всякую чепуху. Или решила бы, что я неблагодарна, и в какой-то степени была бы права. Сестра – единственный человек, который помог мне найти дом на такой короткий срок. И единственная, к кому я могла обратиться за помощью в этом вопросе. У меня не осталось подруг, и прошло много месяцев с тех пор, как я в последний раз общалась с кем-то из моих коллег-фрилансеров.

Я замираю на пороге и вглядываюсь в темную кухню. На столе ничего нет, кроме моего компьютера. Никто не заварил чая и не накрыл чайник полотенцем, чтобы тот не остыл до моего прихода. Никто не сделал бутерброды и не завернул в пластиковую пленку свежее испеченный бисквит. Никто не оставил записку, чтобы я прочитала ее по возвращении из библиотеки или встречи с писателем в книжном магазине. Записку со словами любви – свидетельство того, как много я значу для него.

Я могла бы вскипятить воды и сама себе приготовить чай. Могла бы сделать бутерброды или испечь пирог. Но это совсем не то. Но что бы я ни делала, я не могу обмануть себя и других и забыть, что больше никто не оставляет мне записок. На кухонном столе, на обратной стороне дверцы шкафчика в ванной, под подушкой. *Как пазл из двух фрагментов.*

Я опускаюсь на один из стульев, смотрю в окно и пытаюсь привести мысли в порядок. Стараюсь помешать им обратиться к прошлому. Но и смотреть вперед нет возможности: все дороги туда закрыты. Мир сжался,

мое существование теперь состоит лишь из того, что я вижу в этом доме. Мне стоило бы подняться и пойти в спальню, попробовать заснуть. Если я не встану сейчас, то, наверное, не встану уже никогда. Останусь здесь в темноте навсегда. Застыну, превращусь в камень. Или в прах. А может, я обречена сидеть здесь и смотреть в окно до конца вечности.

Я сижу, погружившись в свои мысли, часы тикают на стене, темнота за окном сгущается. Я сижу как в трансе, пока мое внимание не привлекает какое-то движение в саду. Там кто-то есть, тень, освещенная слабым светом фонаря. В следующее мгновение свет фонаря выхватывает мужчину, идущего в дом напротив. Должно быть, это тот же человек, которого я видела на кухне раньше, в костюме. Но сейчас его волосы растрепаны, а пиджак помят. Руки чем-то заняты – поправляют брюки или рубашку. Он идет неровно, шаркая ботинками по земле. Внезапно он спотыкается и почти падает, но удерживается и продолжает свой путь.

Когда он вставляет ключ в скважину, фасад освещается. Свет идет из окна на втором этаже. Из-за тяжелой шторы выглядывает длинноволосая женщина в ночной сорочке и смотрит вниз на мужчину у двери. Одно мгновение – штора задергивается, дверь открывается, и мужчина скрывается в доме.

Свет в окне гаснет, и сад погружается в темноту. Я вижу в окне свое отражение – слабые контуры женщины, сидящей за столом. Есть что-то призрачное в этой картине. Я вздрагиваю и нагибаюсь, чтобы опустить жалюзи. Это действие придает мне импульс, я встаю и выхожу в прихожую. Сквозь дверь в гостиную я вижу книжный шкаф, но не вхожу.

Работа – лучшее лекарство.

Сегодня пятница, я возвращаюсь домой поздно вечером, когда жена уже спит. Но мне все равно кажется, что она ждет моего возвращения, стоит там за занавеской и следит за мной. Может, поэтому я не поднимаю глаз к окну нашей спальни. Не осмеливаюсь встретиться с ней взглядом.

У меня четкое ощущение, что за мной следят. Я в который раз проверяю, заправлена ли в штаны рубашка. Перед самой дверью спотыкаюсь и почти падаю, но умудряюсь удержать равновесие и не поднять глаз.

В прихожей я вешаю куртку на крюк и ставлю ботинки на место. Свет не включаю и стараюсь двигаться бесшумно. Пару раз я пробирался в ванную и мылся, но обычно я принимаю душ перед тем, как ехать домой от любовницы. Да, я сплю с женщиной, не являющейся моей женой. Тут нечем гордиться, просто так вышло. Можно сказать, что на это у меня много причин, можно сказать, что причина только одна.

Дверь в спальню закрыта не полностью, я осторожно толкаю ее и замираю на пороге, жду, пока глаза привыкнут к темноте. Контуры тела в постели, одеяло приподнимается в такт мерному дыханию. Так, как будто она спит. Почему же мне так не кажется? Почему я думаю, что она притворяется? На цыпочках подхожу к кровати и залезаю под одеяло. Матрас скрипит под моей тяжестью, отчего мысли возвращаются к телу, которое стонало подо мной всего пару часов назад. От этих мыслей кровь бурлит в жилах.

Я не буду лгать. Секс фантастический, это правда. Новое тело, новые формы, новый запах. Новая кожа под моими ладонями. Примитивная дикая страсть. Хотя то, что между нами происходит, почти не связано с сексом. Я обошелся бы и без него. Я знаю, что это звучит странно, но это так.

То, что между нами происходит... Стоит нам оказаться в спальне, как весь остальной мир теряет свое значение. Когда она меня касается, все исчезает. Ненадолго я забываю обо всем. И без этих ощущений я не смогу жить.

Порой я кажусь сам себе жалким. Я и *есть* жалок, если не что похуже. В день, когда мы стали венчанными мужем и женой, мы были уверены в своем выборе, уверены, что наша любовь особенная, не такая, как у других. Мы никогда не запятнаем ее изменами и предательствами, как это делали

другие мужчины и женщины во все времена. Мы другие, наша любовь другая. Но это было до того, как я узнал, что у моей жены есть тайна. До того, как я изменил ей с другой.

Мы лежим каждый на своей стороне постели и дышим в такт нашей лжи.

Я закрываю глаза и жду прихода сна. Бывает, мне снится, как я рассказываю правду своей жене, рассказываю о том, что изменял ей с другой женщиной.

Сны настолько реалистичные, что мне кажется, будто это происходит на самом деле. Будто я там взаправду и рассказываю ей, изливая душу.

Но потом, когда дело доходит до реакции моей жены, сон рассыпается. Каждый раз происходит одно и то же. Я не вижу ее лица и так и не узнаю, какой эффект на нее произвели мои слова.

Я просыпаюсь в холодном поту, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Какое-то время смотрю в темноту, затем поворачиваюсь к женщине, что спит рядом, и скольжу взглядом вдоль очерченных одеялом линий ее тела. Как бы она отреагировала? На самом деле?

Невыносимо даже думать об этом.

5

В ту пятницу она приняла решение убить своего мужа. Если бы кто-то взялся писать историю ее жизни, этот момент был бы подходящим началом.

Но сама история началась задолго до этого. И продолжалась после. Эта история о том, как она поступала с собой и как поступала с другими. Из крови и хаоса, из слов и мыслей.

– Я буду любить тебя всегда. Я никогда тебя не брошу.

Слова, которые говорит мужчина. Только и всего.

– Буду верен тебе. Пока смерть не разлучит нас.

Просто слова. Только и всего.

– Я готова убить эту свинью.

Мысли в голове женщины. Только и всего.

Или?

В ту пятницу она приняла решение убить своего мужа. Но ей нужно время. И эта история не об этом.

Она обо всем остальном.

Дни приходят и уходят, нанизываются один за одним как бусины в бусах. Оттенки разные, но основной тон – серый. Ни солнца, ни зеленой листвы. Я выхожу из дома только в случае крайней необходимости – купить хлеба и молока или выбросить мусор. Остальное время сижу за столом на кухне и наблюдаю, как проходят дни. Это мое рабочее место. Там я ставлю компьютер и раскладываю свои записи. Рядом с кухней есть кабинет, но хозяйка дома, подруга сестры, сложила там все свои вещи и заперла дверь. Но это не важно. Моя жизнь не занимает много места. Кухонного стола достаточно для той работы, которую я выполняю.

Я подрабатываю преподавателем творческого письма. Начинающие писатели присылают мне свои наброски, а я их читаю и оцениваю. Качество рукописей сильно разнится. Одни написанные талантливо и с чувством, другие – плоские и нелогичные. В обоих случаях моя задача – внятно объяснить, что хорошо, а что плохо, снабдив конкретными примерами. Это тяжелая работа, требующая времени и внимания, она заставляет меня на время забыть о своих проблемах. Хотя сестра и считает, что это не то, что мне нужно, на большее меня пока не хватает. *Писатель пишет, разве нет? А не ковыряется в текстах других.*

Порой я просто-напросто теряю концентрацию и ловлю себя на том, что сижу, подперев подбородок рукой, и смотрю в окно. Двор так и приглашает зайти. Выложенные плиткой дорожки огибают кусты разных сортов, и можно посидеть на выкрашенной голубой краской скамейке. И все же я там никогда никого не вижу. Не считая семьи в доме напротив, чья кухня отлично просматривается из моего окна, других соседей я не встречала.

– Не жди, что кто-то из соседей зайдет тебя поприветствовать, – предупредила сестра.

Здесь не ищут компании, объяснила она, в этом квартале живут люди, которые предпочитают быть сами по себе и ждут того же от соседей. Я так и ждала, что она добавит *как раз для тебя*, но она удержалась.

Случается, что мы переписываемся по эсэмэс. Обычно пишет она, спрашивает, как у меня дела, не стало ли мне лучше. Я коротко отвечаю. Порой сочиняю длинные сообщения, но стираю, так и не отправив. Каждое предложение причиняет мне боль. Когда-то давно у меня не было человека

ближе нее. Но теперь мы ничего не знаем друг о друге.

По ночам я ворочаюсь в постели без сна. Когда скомканные, влажные от пота простыни становятся невыносимыми, я встаю, спускаюсь вниз и начинаю бесцельно бродить по комнатам. Пью воду на кухне, разглядываю свое отражение в зеркале в ванной. Рано или поздно я оказываюсь в гостиной перед книжным шкафом. Переставляю книги с места на место. В алфавитном порядке по названию, по фамилии автора, по цвету обложки или по жанру. Снова и снова.

Истории. Они всегда были моим надежным пристанищем, столпом, вокруг которого все вращалось. В детстве мама читала нам по вечерам. Мы прижимались к ней с двух сторон и слушали, затаив дыхание. Это было наше любимое занятие. Мне нравились истории о принцах и принцессах, которым приходилось бороться со злом. Сестра была на шесть лет старше. В какой-то момент ей надоело слушать детские истории.

– Это все сказки, – сказала она.

Мама обняла меня за плечи и заговорщицки подмигнула:

– Не только.

Детство закончилось, и я продолжила читать сама. Теперь истории были не только о героях и героинях, а о реальных людях с недостатками. И о борьбе, которую они вели с внутренними демонами и внешними врагами.

– Прямо как в жизни, – сказала мама и заправила прядь волос мне за ухо.

Мама. Стоя перед книжным шкафом, я как никогда чувствую мою с ней связь, несмотря на то, что она теперь далеко.

В пятницу я снова отправляюсь к сестре на ужин. На этот раз моя очередь приглашать, но после моих отговорок, что я еще не успела обустроиться, сестра сказала, что мы можем поужинать у нее.

– А Вальтер? – спросила я, и она ответила, что все в порядке.

Я не поняла, означает ли это, что он дома и поужинает с нами, но в итоге его не было. Наверное, снова боулинг.

По большей части наш ужин повторяет прошлую пятницу. Сестра пытается впихнуть в меня еду:

– Ты должна хорошо питаться, Елена. Особенно сейчас.

Она рассказывает об интервью, которое слушала по радио, с писателем, поборовшим писательский блок. Видимо, он высказал много интересных мыслей и идей, поскольку сестра пообещала прислать мне ссылку, чтобы я сама могла послушать. О Петере она не упоминает, и, когда дети в квартире над нами начинают шуметь, сестра закусывает губу и отводит взгляд. Но я знаю, что ее мучает любопытство. Она гадает, к чему

приведет этот разрыв и что будет с нашими с Петером отношениями. Расстанемся мы окончательно или нет.

«Думаешь, мне не любопытно? – хочется мне закричать. – Думаешь, я не задаюсь вопросом каждую секунду каждого дня, что я делаю и зачем? Неужели ты не понимаешь, что каждая минута, каждый час без него тянется целую вечность? Что я сделала бы все что угодно, только бы повернуть время вспять и снова оказаться в его объятиях? Но речь идет не о том, чего я хочу. Мы достигли черты, за которой больше нет выбора». Я не произношу эти мысли вслух, я вообще ничего говорю.

В субботу утром я снова за кухонным столом. В голове приглушенный гул и он не исчезает, только слабеет, когда я приступаю к работе. Я открываю файлы с лекторскими пометками и начинаю собирать в единый текст мои замечания о персонажах, языке, интриге, фабуле и писательской манере. Закончив, я готовлю рекомендации для начинающих писателей. В одном случае я советую издательства, куда можно отправить рукопись, в другом – предлагаю переработать текст. Я посылаю готовые заключения по электронной почте и прилагаю счет-фактуру. Закрываю крышку ноутбука, откидываюсь на спинку стула, смотрю в окно. *Что теперь? Что делать?*

Небо затянуто свинцовыми тучами. От безделья шум в голове усиливается. В понедельник утром сразу, как откроется офис, надо позвонить и попросить еще работы. Сестра права в одном. Мне нужно отвлечься, переключиться на что-то другое, пока не закончится самый тяжелый период. А если он никогда не закончится? Я закрываю глаза и открываю их снова, когда на кухне дома напротив загорается свет.

Женщина с волосами медового цвета заходит на кухню, одетая в белую блузку и брюки с высокой талией. На голове – тугой конский хвост, она выглядит собранной, как и всегда. Только однажды я видела ее в домашней одежде – когда она подглядывала за мужем через щель между шторами. Она подходит к кухонному столу, на котором стоит букет. Это розы на длинных стеблях. Слишком высокие для вазы. Их темно-красные бутоны ярко выделяются на фоне белого стола, белых кухонных шкафов и белой лампы. Женщина нежно касается лепестков, наклоняется, чтобы их понюхать, и потом начинает поправлять букет. Время от времени делает шаг назад, чтобы оглядеть букет, но, недовольная результатом, возвращается к работе.

Наконец что-то еще привлекает ее внимание, и она поворачивается к двери. Через несколько секунд появляется мужчина в костюме. Я зову его так, поскольку ни разу не видела его одетым во что-то другое. Он не подходит к жене, остается стоять в дверях. Они что-то говорят друг другу,

точнее, он говорит. Потом женщина снова поворачивается к букету, но ее руки неподвижны.

Я смотрю на мужчину в костюме. Он все еще стоит в дверях, но в языке его тела чувствуется какая-то нерешительность. Наконец он делает шаг вперед, коротко целует женщину в щеку и исчезает. Входная дверь распаивается, и я вижу его на пороге с портфелем в одной руке и чемоданом в другой. Только сейчас я замечаю такси у тротуара. Мужчина отдает чемодан водителю и садится на заднее сиденье. Жена смотрит на него из окна на кухне. В ней читается страдание.

Такси отъезжает, и выражение ее лица меняется. Женщина поворачивается ко мне спиной и что-то ищет, когда она снова поворачивается, в руке у нее большие ножницы. В следующее мгновение она заносит руку над букетом. Я замираю. Она снова и снова вонзает ножницы в букет. Стебли ломаются, красные лепестки летят во все стороны. Лицо у женщины красное, движения яростные. Я не могу двинуться с места. Только сижу и смотрю, как она расправляется с букетом, терзает его руками и ножницами. Она вонзает, колет, режет, рвет цветы в клочья.

Она не останавливается, пока от букета не останутся одни огрызки стеблей. Тогда она отбрасывает ножницы, хватается за голову, замуривает глаза и широко открывает рот. Я не слышу ее крика, но вижу, как он сотрясает все ее тело. Я обхватываю себя руками, мои ладони ледяные.

Крик переходит в плач, женщина падает на стул, опускает голову и исчезает из моего поля зрения. Я сижу неподвижно еще несколько минут, ожидая, что будет дальше, но все, что мне видно, – это ее хвост над подоконником. Вдруг кухня напротив начинает отодвигаться, я вижу все словно с другого конца туннеля. Странное ощущение полного присутствия, смешанное с чувством нереальности происходящего снова находит на меня. *Копай, где стоишь.*

Мой взгляд останавливается на компьютере. Пальцы движутся сами по себе, открывают новый документ, порхают по клавишам. Предложение за предложением. С непривычки неуклюже, но знакомо. *Писатель пишет, не так ли?* И я пишу, теперь действительно пишу. Впервые за долгое время я пишу что-то новое, что-то свое собственное. От осознания кровь бурлит в жилах.

Подняв глаза, я уже не вижу женщину. Видимо, она вышла. На столе остались растерзанные розы. Их вид причиняет мне боль. Я возвращаюсь к экрану и перечитываю написанное. Снова смотрю на дом напротив, потом на текст. Что мне с этим делать? К чему это приведет? Я смотрю на

мигающий курсор. Достаточно выделить все и нажать на «Удалить». *Сделай это, забудь и иди дальше.*

Поднимаю руку. Пальцы на секунду замирают, прежде чем коснуться клавиатуры. Но они нажимают не на «Удалить». Они нажимают на «Сохранить».

Как это произошло? У нее не было ответа на этот вопрос. Ножницы внезапно оказались в руке.

И в следующую минуту растерзанные цветы валялись во всему полу.

В ее памяти остались только отрывочные воспоминания о произошедшем. Воспоминания о том, как шипы разодрали ей запястья, о струйках крови на тонкой, покрытой сеточкой синих вен, коже рук. Воспоминания о неконтролируемом крике, вырвавшемся у нее из горла.

Вопле, не крике.

Он не был словами, но она прекрасно знала, что он означает.

– Подонок. В следующий раз придет твоя очередь.

Новых заданий для меня нет. Казалось, мой звонок в фирму, обеспечивающую меня заказами, только позабавил координатора. Я позвонила в 8.01 утром в понедельник узнать, не поступило ли новых рукописей.

– Ты только что закончила два, Элена, я как раз открыл твое письмо. Все сделано хорошо. Как обычно.

Он рассказывает, что они как раз раздали работу рецензентам в пятницу, и зная, что у меня уже есть пара рукописей в работе, выбрали в этот раз других фрилансеров.

– Ты одна из наших самых трудолюбивых рецензентов, Элена. Тебе тоже иногда надо отдыхать.

Мне пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Мне нужно чем-то занять свое время и мысли, чтобы не сойти с ума от безделья. Мне не нужен отдых, мне нужно отвлечься от грустных мыслей, унять тревогу, засевшую в груди.

Но координатор, естественно, этого не понимает.

– Устрой себе прогулку. Или выпей кофе с подругой. Наслаждайся жизнью фрилансера и позвони мне в следующий понедельник. Посмотрим, что придет к тому времени.

Я прошу его иметь меня в виду, если что-то появится раньше. Я стараюсь сохранять спокойствие, но, кладя трубку, чувствую, как меня трясет. В следующий понедельник? Это же через тысячу лет. Куда мне себя теперь деть?

Откусываю кусок бутерброда и смотрю на дом напротив. Женщина с конским хвостом выходит из ворот. На ней элегантное пальто и темные очки на пол-лица. Похожа на кинозвезду прошлых времен, холодную и грациозную. *Но я тебя видела*, говорю я себе, *видела, как ты берсерком набросилась на цветы*. Я провожаю ее взглядом до поворота. Судя по всему, вчера мужчина в костюме вернулся из поездки, потому что он тоже недавно вышел из дома, примерно тогда, когда я вошла на кухню. С прямой спиной, в начищенных ботинках он быстро шел по направлению к улице, крепко сжимая портфель в руке. Вид у него был напряженный, как у человека, спешащего на важную встречу. Полная противоположность мне.

Я выбрасываю безвкусный бутерброд в мусорное ведро и встаю. Что

там координатор рекомендовал? Прогулку?

Надеваю потертые брюки, теплую кофту и жилет и выхожу из дома – впервые за последние дни. Я оглядываюсь по сторонам. Ни души. Во дворе пусто, дома жмутся друг к другу, образуя одно длинное спящее животное. Я медленно иду по дорожке. Стоило бы пойти налево, к улице. Нет никакого смысла идти прямо мимо кустов и мусорных контейнеров к другому концу внутреннего двора. Но именно туда я и направляюсь.

И не успев ничего сообразить, оказываюсь перед домом напротив. Черная табличка висит на уровне глаз рядом с дверью. *Здесь живет семья Сторм.*

Не знаю, что на меня находит, но я вдруг открываю поисковик в мобильном телефоне и вбиваю название улицы и номер дома. Через секунду поиск выдает результат. Три человека зарегистрированы по этому адресу. Филип, Вероника и Лео Сторм. Другими словами, в доме есть ребенок, мальчик. Я киваю, вспоминая, что как-то видела мальчика лет двенадцати, идущего от этого дома. Я обратила на него внимание, потому что за узкими плечами ребенка был огромный тяжелый рюкзак.

Я открываю новую вкладку и ищу на этот раз Филипа Сторма. На верхних строчках результатов поиска вижу ссылку на страницу юридической фирмы. Дизайн сайта скромный. В разделе «Наша команда» нахожу фото мужчины из дома напротив. Юрист и партнер – значит под фото. Я собираюсь было пробить Веронику Сторм, когда рядом со мной раздастся какой-то звук. Я замираю и понимаю, что больше не одна здесь во дворе. Кто-то стоит у меня за спиной.

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом со сгорбленной дамой. Не помню, видела я ее раньше или нет, но одета она в какое-то подобие халата и, судя по всему, является моей соседкой. Я стараюсь изобразить улыбку, которая остается без ответа. Она смотрит на меня с подозрением, и я понимаю, каким странным кажется мое поведение со стороны. Стоять тут и пялиться на чужой дом.

Я открываю рот и слышу, как мой голос сообщает, что я недавно переехала в этот район и фамилия этой семьи показалась мне знакомой. С каждым словом мой голос звучит все искусственней, и, когда я хочу уже представиться и протянуть руку, дама разворачивается и уходит, не говоря ни слова. Я все так же стою – с чувством, будто бы сделала что-то постыдное.

Бросаю взгляд на окно моего дома. Мне хочется немедленно вернуться обратно. Но я напоминаю себе, что меня там ждет – абсолютно ничего. Нужно как-то провести эти дни, прежде чем у меня появятся новые заказы.

Нужно отвлечься, нужно чем-то себя занять.

Я застегиваю жилет и начинаю идти.

Через полтора часа достигаю центра города. Ноги болят – я явно натерла пятку. Меня мучает жажда. Поесть тоже не помешало бы. Я вспоминаю кондитерскую, в которой раньше иногда работала над текстами. Там уютно, но идти еще минут десять-пятнадцать. Вряд ли я осилю это расстояние. Замедляю шаг и останавливаюсь перед высоким зданием. По-прежнему сомневаясь, идти ли в кафе, поднимаю глаза и смотрю на фасад. И вижу ее – табличку со знакомым названием. Юридическая фирма. Место работы Филипа Сторма.

Фирма, в которой работает Филип Сторм, находится в здании на перекрестке дорог. Я всматриваюсь в вывеску. Может, мне померещилось? Как так вышло, что из всех перекрестков в городе я вышла именно на этот? В памяти всплыли слова с сайта. *Центральное расположение в одном из лучших кварталов в удобной транспортной доступности.* Может, адрес отложился у меня в памяти и я подсознательно пришла сюда? Но зачем?

Я оглядываюсь по сторонам, замечаю кафе через дорогу и снова ощущаю жажду. Да и ногам надо дать отдохнуть, раз уже я здесь. О причинах можно подумать позже. Перехожу дорогу, вхожу в кафе, заказываю салат с курицей и минеральную воду и присаживаюсь за столик у окна. Можно было бы ограничиться водой из-под крана, думаю я, наливая пузырящуюся жидкость в стакан. Я по-прежнему живу на доходы от последней книги – единственной из четырех написанных, которая принесла прибыль. Но она тает с каждым днем. А фриланс много денег не приносит. Особенно когда мало заказов. Ковыряюсь вилкой в салате. Чувство голода, терзавшее меня всего пару минут назад, куда-то испарилось.

Я откладываю приборы в сторону и отодвигаю тарелку. Откидываюсь на спинку кресла. От этого движения ножки стула скребут по полу. Мужчина за другим столом отрывается от компьютера. В углу хихикают девушки-подростки. Лицо краснеет, внезапно мне кажется, что все в кафе плятятся на меня. Такое ощущение, словно на моем лице написаны все мысли и чувства и каждый может их прочесть.

Краем глаза отмечаю, что посетитель вернулся к экрану своего ноутбука, и жалею, что не взяла с собой компьютер. Так ведут себя они, обычные люди, стараются себя чем-то занять или создать впечатление занятости. С отворачиванием допиваю минералку и думаю, что делать дальше – вернуться домой пешком или на автобусе. И тут звонит сестра. Она на работе и, улучив минутку между встречами, звонит мне, чтобы решить, что делать с папиным днем рождения, который на этой неделе. Отправить открытку или нет? *Папа.* Я чувствую, как напрягаются мышцы лица.

Гроб с телом мамы еще не успели опустить в землю, как папа уже съехался с новой женщиной. Они поселились на севере, и за все эти годы он ни разу не выразил желания увидеться со мной или сестрой. Порой он присылает нам открытки. Судя по всему, он теперь ведет активную жизнь, о которой всегда мечтал и которая была невозможна, пока он был вместе с

мамой. Ей нравилось проводить время дома за книгами, тогда как папе всегда было трудно усидеть на месте.

Папа увлекался лыжным спортом. Он учил меня слалому на холме для спуска на санках, когда мне было лет пять-шесть. Он натыкал палок в снег, затащил меня наверх и заставлял съезжать снова и снова. Другие папы смеялись над тем, как он гонял меня вверх-вниз, но он не обращал на них внимания. Папа был неутомим.

Сестра продолжает рассуждать по телефону. С одной стороны, мы почти не поддерживаем контакт, с другой стороны, день рождения бывает раз в году. Я выслушиваю ее аргументы, разглядывая улицу за окном. Я уже много лет не каталась на лыжах и, наверно, никогда не буду, потому что они напоминают мне об отце. Он тоже редко вспоминает о нашем существовании.

Я собираюсь было сказать сестре, что можно и не посылать открытку, как мое внимание привлекает знакомое лицо. Филип Сторм выходит из здания напротив и стремительно идет по тротуару. Я невольно выпрямляю спину.

– Мы можем созвониться позже? – спрашиваю я. – Я спешу.

Жилет висит на спинке стула, я хватаю его и спешу к выходу. Сестра не скрывает удивления:

– Куда?

Я не утруждаю себя ответом и кладу трубку.

Перехожу улицу и иду вслед за Филипом Стормом. Несмотря на боль в ногах, мне удастся его догнать. Он идет, прижав телефон к уху, и с кем-то разговаривает. Он заворачивает за угол, переходит дорогу, я следую за ним.

Следую за ним? Шпионю? Это всего лишь случайность, говорю я себе. Скоро он зайдет в ресторан, где его ждут коллеги – такие же мужчины в костюмах – на обед, и растворится в запахе еды и шуме голосов. А я продолжу свой путь, даже не повернув головы. Я буду идти, пока не увижу автобусную остановку, затем дождусь автобуса, доеду до дома, запру дверь и останусь там. До тех пор, пока не придется покинуть мое убежище.

Мы проходим несколько ресторанов, но Филип не заходит ни в один из них. Телефон он убрал в карман. И, кажется, ускорил шаг? В его походке чувствуется какое-то волнение. Наконец он сворачивает в переулок с пешеходным движением. Ресторанов там нет. Но перед подъездом справа стоит рыжеволосая женщина в облегающем вязаном платье и курит. На ней нет верхней одежды, значит, она здесь живет или работает. Увидев Филипа, женщина выпрямляется и тушит сигарету. Я останавливаюсь, делаю вид, что изучаю объявления в витрине агентства по недвижимости, тайком

наблюдая за ними.

Филип останавливается перед рыжеволосой женщиной. Между ними не больше метра. Я слышу, как он что-то говорит, в его голосе слышится улыбка, она смеется в ответ. Женщина кладет руку ему на плечо, он будто бы хочет обнять ее, но останавливается и оглядывается по сторонам, словно не желая, чтобы кто-то увидел их вместе. В следующую секунду они входят в подъезд. Я поворачиваюсь и смотрю на захлопнувшуюся за ними дверь. Можно было бы резко подбежать и удержать ее. Можно было застукать их там вдвоем за тем, чем они занимаются, думая, что никто их не видит. Что бы я увидела?

Домой я возвращаюсь на автобусе. Водитель ведет неровно. У меня перехватывает дыхание, в груди что-то бурлит и клокочет. Водитель снова резко тормозит. Я смотрю в окно, но ничего не вижу. Меня тошнит. Может, укачало. Может, что-то еще.

Все эти разговоры по телефону. До того, как она обо всем узнала.

Он звонил, чтобы сказать, что задержится на работе и вернется поздно. Или сообщить, что его снова отправляют в командировку.

Но чаще звонила она. Спросить, как прошел день, предложить пообедать вместе или спросить совета по какому-нибудь важному делу.

И каждый раз он старался побыстрее закончить разговор, говорил, что занят, что сейчас неподходящий момент. Или вообще не брал трубку.

Случалось, что она звонила, когда он был в пути. Был слышен шум города и машин. Она представляла, как он, выйдя из офиса, идет по тротуару, прижав к уху телефон. «Куда ты идешь?» – спрашивала она. Что он ей отвечал?

Все эти телефонные разговоры за годы брака. Увидимся позже, не забудь купить молока, хорошего дня, целую-обнимаю. Один из них стал последним.

Последний разговор перед тем, как все рухнуло.

Последний разговор перед тем, как в ней проснулось чудовище.

Мне всегда плохо давалось одиночество. Мне нравилось иметь рядом близкого человека, я не видел плюсов в холостяцкой жизни. С тех пор, как я лишился невинности в семнадцать лет, я все время, за исключением небольших перерывов, состоял в отношениях. С разными женщинами, но всегда был только с одной. До последнего времени, надо добавить. Теперь у меня две женщины – моя жена и Анна.

Мы видимся все чаще. Уже не в отеле, а у нее дома. Мы по-прежнему падаем в постель, только шагнув за порог. Но после занятий любовью долго разговариваем. Мы обсуждаем все на свете, смеемся. Как-то она плакала. И с каждым разом мне все меньше хочется вставать из постели, одеваться, возвращаться к реальности, в которой нас ничто с ней не связывает. Это как жить в двух параллельных мирах.

Сегодня, пока я шел к любовнице, мне позвонила жена. Спросила, где я и когда приду домой. Я не люблю врать. Ненавижу обманывать людей. Меня так и подмывает рассказать ей обо всем. Но что именно происходит между мной и Анной? Голова раскалывается. Я знаю, что так не может продолжаться.

Мне вспоминается сериал, который мы смотрели будучи счастливыми молодоженами. Это было целую вечность назад, но в голове у меня застряла одна реплика... *И все ужасы ада ничто по сравнению с гневом преданной женщины.*

Это явно цитата, но раньше я ее не слышал и считал интересной и забавной. Но я не помню реакцию жены. Как ни стараюсь, но в голову ничего не приходит. Это было до того, как она рассказала мне свой страшный секрет. Иначе бы я запомнил.

Сейчас мне сложно закрывать глаза на то, что она не рассказала мне правду до свадьбы. Я не могу не думать о том, сознательно ли она ждала, пока мы не скрепим наш союз на бумаге, прежде чем открыть эту страшную тайну. Все дни и ночи, пока мы были вместе до свадьбы, она скрывала от меня такие вещи и при этом утверждала, что любит меня больше всего на свете. Мне по-прежнему сложно в это поверить, связать воедино эту правду с нашими отношениями, точнее с тем, как я себе их представлял. Я думал, мы можем говорить обо всем на свете.

В начале нашего романа мы обсуждали прежние отношения и

причины разрыва. Она упомянула свою первую любовь, сказала, что была предана, а ее сердце – разбито. Я решил, что это банальная история юношеской трагической любви и ничего больше. У меня не было никаких причин думать иначе. Тогда. Она утаила большую часть истории.

Я запускаю руки Анне в волосы, прижимаю ее обнаженное тело к себе. Но что-то изменилось, оболочка, защищающая нас от реальности, истончилась. Мне все сложнее забыть о мире за окном. Все сложнее не думать о жене, когда я вместе с Анной. Это все угрызения совести не дают мне покоя. Чувство вины. И что-то еще. Это имеет отношение к тайне, которую поведала мне жена, тайне, связанной с ее юностью. Она перешла через все границы, утратила рассудок, была готова на все ради мести. *И все ужасы ада ничто по сравнению с гневом преданной женщины.*

Я закрываю глаза и крепче сжимаю женщину в моих объятьях.

Что же будет? Что же будет со всеми нами?

Я пишу. Пока что это всего лишь фрагменты без логической связи и хронологического порядка, но я пишу, что уже хорошо. Я села за компьютер сразу по возвращении домой, и поначалу процесс шел вяло. Я была слишком сосредоточена на себе, дистанция между мной и текстом казалась непреодолимой. Но потом что-то изменилось. Я втянулась, нашла в себе силы. Пальцы сами порхают над клавиатурой, спеша набрать текст. Я сижу за кухонным столом, жалюзи приспущены, но не полностью, чтобы в комнату проникал вечерний свет. Время летит незаметно.

Когда в дверь звонят, я не сразу понимаю, что это за звук. Никто ни разу ко мне не заходил. Поднимаю глаза и вижу сквозь щель жалюзи человека. Это не сестра. Встаю, выхожу в прихожую, поправляю волосы перед зеркалом. Поскольку я сегодня выходила из дома, я в кои-то веки одета не в халат и могу открыть дверь без страха предстать перед посетителем в неподобающем виде.

На нем красная толстовка, потертые джинсы, на плечах – набитый рюкзак. Он сначала поднимает в приветствии руку, а потом, передумав, протягивает мне. Ладонь влажная, но рукопожатие крепкое.

– Здравствуйте, меня зовут Лео. Лео Сторм.

* * *

Это он, сын пары из дома напротив. Худой как скелет, чуть ниже меня. Но старше, чем я думала. Может, тринадцать или все четырнадцать. Выражение глаз как у взрослого.

– Я забыл ключи от дома, а мамы еще нет. Так что я решил зайти поздороваться. Вы же недавно въехали, да? Надеюсь, я вас не потревожил.

Он повернулся и показал на дом напротив.

– Я живу там, с другой стороны.

Я представляюсь, голос хриплый, отвыкший от разговора. Прокашливаюсь, повторяю. Лео кивнул.

– Вы писательница, да? – спрашивает он и называет мою недавнюю книгу.

Ту самую, которая внезапно стала успешной после трех посредственных. Четвертый роман, как и все прошлые, представлял собой мрачную детективную историю с парой неожиданных сюжетных поворотов. В центре повествования была семья на грани распада. Члены этой семьи проверяли себя и других на прочность, желая знать, на что они способны. Рецензенты бросались такими словами, как «уникальный», «первоклассный». Меня приглашали на телевидение обсуждать кризис традиционной семьи. Книга взлетела в топах бестселлеров. Видимо, она пришлась по вкусу как любителям детективов, так и обычных романов.

Пару месяцев меня даже узнавали в городе, но, слава богу, этот период быстро закончился. Новые книги вышли на рынок, новые писатели заняли место в утренних шоу и на страницах газет.

Свет рампы погас, и я с радостью вернулась к своей роли наблюдателя. Моей любимой привычной роли.

Меня нет в социальных сетях, и моя читательская аудитория определенно не подростки. И все же этот мальчик знает, кто я. Видимо, удивление отразилось на моем лице.

– Я часто зависаю в библиотеке, – поясняет Лео. – Читаю чертовски много. Так что я в теме.

Длинная челка падает на лицо. Он вскидывает голову, и за челкой открывается лоб, покрытый красными и белыми угрями.

– Надеюсь, я вам не помешал. Мы обычно не надоедаем соседям, просто я...

Я смотрю, как он убирает челку со лба, чтобы тут же позволить ей упасть снова. Бессознательная реакция на попадающие в глаза волосы и осознанное желание скрыть прыщи. Меня охватывает необъяснимое чувство.

– Ничего страшного, – говорю я. – Ты не помешал.

– Точно?

– Точно.

Он смотрит вниз на свои ноги в грязных белых кроссовках с плохо завязанными шнурками. Потом выпрямляется и смотрит на меня.

– Я тоже хочу стать писателем. Когда вырасту.

– Да? Как интересно.

Он пишет рассказы и короткие тексты, рассказывает Лео, вроде дневниковых записей. И много читает. Он показывает на рюкзак и объясняет, что там не только учебники, но и книги из библиотеки.

– Мне сложно выбрать, так что беру все подряд.

– Я тоже была такой, – отвечаю я. – Читала пять книг одновременно.

Лео смеется и спрашивает, что мои родители об этом думали. Я объясняю, что моя мама была точно такой же и что это от нее я унаследовала интерес к книгам. Лео опускает глаза, улыбка гаснет.

– Папа считает, что мне надо меньше читать и больше заниматься спортом. А парни в школе вообще не понимают, зачем читать, да еще и по собственной инициативе. Они говорят, что я ботан, который всегда...

Мальчик замолкает на середине фразы, приглаживает рукой челку и поправляет рюкзак.

– Ну мне, пожалуй...

Он говорит медленно, растягивая слова. Я хочу что-то сказать, но не знаю что, и момент упущен. Лео уже уходит.

– Оставляю вас в покое. До свидания, – говорит он.

– Удачи с рассказами. И скажи, если понадобится помощь.

Его зрачки расширяются.

– Правда? Круто! Спасибо!

Мы прощаемся, я закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Зачем я сказала последнюю фразу? Зачем дала обещание, которое не смогу исполнить? Как я могу помочь кому-то, если сама едва держусь? И тут меня осеняет. Он сказал, что у него нет ключей и родителей нет дома. Что он будет делать? Ждать их под дверью? На улице холодно. Уже вечер, а одет он в одну легкую кофту.

Я терзаюсь сомнениями, но, когда берусь за ручку двери, на кухне звонит мобильный. Потом схожу проверю, там ли он, обещаю я себе и иду на кухню. Но стоит мне увидеть имя на дисплее, как я забываю обо всем. Все, включая Лео Сторма, мгновенно стирается из памяти. Одного имени, пяти обычных букв достаточно, чтобы вызвать во мне целую бурю эмоций. Потому что звонит любовь всей моей жизни. Мужчина, с которым я не разговаривала уже пять недель и два дня и по которому скучала каждую секунду. *Петер*.

Сколько гудков проходит, прежде чем я беру себя в руки? Два? Три? Пять? Не знаю, но когда я дрожащим пальцем нажимаю кнопку ответа, в трубке тихо. Дисплей гаснет, телефон в моей руке холодный и безжизненный.

Я опускаюсь на стул, вытягиваю руки, хватаюсь за столешницу. Я боюсь, что рухну. Рухну со стула, провалюсь сквозь пол вниз, в пустоту.

Филип Сторм выходит из дома ранним утром и замирает на пороге. Что-то кладет в портфель и поспешно идет прочь от дома. Те же начищенные ботинки, что и обычно. Прямая осанка, уверенная походка. За столом на кухне остается жена. Она смотрит в окно, на удаляющуюся спину мужа. Но в этом взгляде нет ни тени любви. Что-то есть в том, как она смотрит на него... Я кусаю ноготь и пытаюсь подобрать слова, чтобы выразить эмоции, написанные у нее на лице, но не могу. В голове туман после бессонной ночи. Всю ночь я бродила по дому, сортировала книги, пытаюсь успокоить разбушевавшиеся мысли.

Мы договорились с Петером не общаться в те три месяца, что попробуем жить раздельно. Звонить разрешалось только в исключительных случаях. Или если кто-то из нас примет решение о том, что делать в будущем. Быть одному или вместе. Развод или воссоединение. Так прошел месяц. Но вчера Петер позвонил. Если, конечно, он действительно хотел позвонить, а не набрал номер по ошибке и бросил трубку.

Вопросы не давали мне покоя всю ночь. Меня бросало то в жар, то в холод. Я бродила по дому, пока не убедила себя, что это была ошибка, что не стоит так нервничать из-за какого-то пропущенного звонка. Не стоит питать напрасных надежд. Решив так, я погрузилась в тревожный сон без сновидений и проспала всего пару часов. И вот я сижу на кухне в халате со спутанными волосами, неспособная даже завтрак себе приготовить.

На этот раз из дома выходит жена. Вероника. Повернувшись ко мне спиной, она запирает дверь, но ее лицо стоит у меня перед глазами. Я зажмуриваюсь, и картинка становится четче. Я разглядываю каждую деталь так, словно она стоит передо мной. В глазах горит черное пламя, когда она провожает взглядом мужа. Гнев? Ненависть? Я открываю глаза и успеваю увидеть светлое пальто, исчезающее за поворотом. Она уходит, но неприятное ощущение внутри остается.

Я встаю, потягиваюсь, иду к холодильнику, передумываю, возвращаюсь к кухонному столу. Сажусь на стул, стучу пальцами по поверхности стола. Мне нужно чем-то занять себя, но до понедельника новых заказов не поступит. И на переводческом фронте тоже затишье. Я достаю ноутбук, открываю вчерашний текст, но буквы прыгают перед глазами, и желудок скручивается узлом.

Достаю телефон и держу в руке. Если бы только можно было послать

Петеру сообщение... Написать о том, что я чувствую.

Без тебя я только оболочка, внутри которой пустота.

Нет! Я швыряю телефон, и он падает на пол. Стекло трескается, но телефон все еще работает. В отличие от меня, где трещина ушла глубоко внутрь.

Я снова встаю, иду в гостиную и начинаю переставлять книги, хотя сейчас день. Обессиленная, я засыпаю и просыпаюсь через пару часов от звонка сестры. По моему голосу слышно, что я спала, когда она позвонила, но я все равно все отрицаю. Вру, что давно уже на ногах, а голос охрип, потому что заболела.

Сестра замолкает, словно собираясь с силами перед тем, как сказать нечто важное. Мне кажется, что-то вроде нравоучения или разоблачения. Может, правду о Вальтере и его боулинге. Но потом раздаются голоса людей – сестра работает в офисе, и она прокашливается. Нейтральным тоном сообщает, что купила папе открытку и подписала нашими именами. Обычную открытку, без сердечек и шариков. Если я не возражаю, она отправит ее по пути с работы. Я не возражаю.

Снова сестра делает паузу и, понизив голос, спрашивает:

– Ты что-нибудь сегодня ела, Елена?

Я не успеваю ответить. Кто-то на заднем плане зовет сестру.

– Мне пора на совещание, – поспешно извиняется она. – Поговорим позже.

Я переворачиваюсь на другой бок и чувствую нарастающую тревогу. В пятницу сестра придет сюда. Я сама ее пригласила. Осталось всего три дня. Эта мысль выталкивает меня из постели. Я иду в гостиную и, стоя в дверях, оглядываю коричневые коробки с вещами. Единственный здесь предмет мебели, помимо книжного шкафа – потертый диван, отчего в комнате пусто и неуютно.

Я перехожу на кухню и продолжаю инспекцию. Два стула, шаткий стол, часы – вот и все. Пустые холодные стены. Куда ни глянешь – ни картины, ни цветочка. Сестра будет в ужасе. Я должна убедить ее в том, что со мной все в порядке. Значит, надо что-то с этим всем сделать до ее прихода. Часть меня не понимает, почему меня вообще волнуют такие тривиальные вещи. Другая напоминает, что нужно смотреть в будущее.

Через час, когда я возвращаюсь из цветочного магазина, сестра звонит снова. Я также зашла в местный продуктовый и решила, что для пятничного ужина придется поискать магазин побольше. Но это можно оставить на другой день. Собрав пакеты в одну руку, другой я прижимаю к уху телефон.

– Алло?

– Я хотела сказать еще одну вещь. Это касается...

Теперь вокруг нее тихо. Может, она в переговорной с закрытой дверью, чтобы ей на этот раз не мешали.

– Но я не знаю, как сказать... и по телефону ли...

Интуиция меня не обманула. Она что-то хочет сказать, и, судя по волнению, тема деликатная.

– Я слушаю, – говорю я.

Сейчас, думаю, я, Вальтер.

Но сестра говорит не о муже и не о ней самой. А обо мне. Она говорит, что подумала и что была слишком резка со мной в прошлую пятницу. Когда говорила, что я должна снова начать писать и что можно счастливо жить и без детей. Потому что я не спрашивала ее мнения или совета.

– Не стоит из-за этого переживать, – говорю я, когда она замолкает. – Я знаю, что ты желаешь мне добра.

– Но я переживаю.

Я сжимаю бумажный пакет с цветами, по словам продавца, «не требующими особого ухода».

– Что ты имеешь в виду?

Я почти у дома. Вхожу во двор. Перед домом Стормов сидит Лео, склонившись над книгой. При виде меня он поднимает руку и машет. Я машу в ответ. Сестра вздыхает на другом конце.

– Еду, например. Елена, ты взрослый человек, у меня нет никакого права, но ты должна понять, что я тревожусь за тебя, что, если история повторится...

В ушах шумит.

– Какая история?

Лео собрал вещи и идет навстречу мне.

– Только не злись, но мне все известно, – продолжает сестра.

Я концентрируюсь на дыхании, заставляю себя дышать как можно медленнее. Вдох-выдох, вдох-выдох.

– О чем ты? О чем ты говоришь?

– Об анорексии, которая была у тебя в юности.

Она делает паузу.

– Мама мне все рассказала, – добавляет она.

Шум становится невыносимым, силы меня покидают. Я опускаю сумки на землю. Лео безмолвно показывает на них и так же безмолвно спрашивает, не нужна ли мне помощь. Я качаю головой, собираюсь с силами и отвечаю.

– Я должна закончить разговор. Созвонимся попозже.

– Нет, пожалуйста, не делай этого, – умоляет сестра. Я не хотела вспоминать это, но мы обычно... я не знаю... может, я зайду после работы. Мы сможем поговорить один на один.

Лео показывает жестом, что понимает, как я занята, и он не хочет меня беспокоить.

– Подожди!

Лео замирает и смотрит на меня.

– Это ты мне? – спрашивает сестра.

– Прости, я занята, – говорю я. – Сосед мимо проходил.

С этими словами я заканчиваю разговор и убираю телефон. Через секунду поднимаю глаза на Лео. На нем нет куртки.

– Тебе не холодно тут на улице?

Он пожимает плечами.

– Ты опять забыл ключи?

– Да, я самый большой в мире неудачник.

Я смотрю в пакеты, на горшки с цветами, потом на руки Лео. Синие от холода. Очевидно, что он совсем замерз. У меня нет другого выбора, как поступить как порядочный человек.

Я встречаюсь с ним взглядом.

– Хочешь зайти ко мне ненадолго?

Мы входим в дом. Лео открывает рюкзак, чтобы положить туда книгу, которая была у него в руках. Из книги на пол выпадает бумажка. Видимо, ее засунули между страниц. И вот она лежит на полу между нами. Кто-то написал на ней жирными черными буквами, и текст хорошо видно.

Лео Сторм = Слишком уродлив, чтобы жить.

Лео вздрагивает, поспешно нагибается за бумажкой, комкает и засовывает в карман.

– Что это было?

– Ничего.

Мальчик выпрямляется, но не смотрит мне в глаза. Я приглашаю Лео присесть на кухне и принимаюсь доставать продукты и цветы из пакетов. Лео вызывается помочь, и мы вдвоем раскладываем цветы по горшкам, поливаем и выставляем на подоконник. Когда Лео поворачивается, чтобы поставить папоротник на место и поправить листья, я разглядываю его украдкой. Из головы не выходит эта записка. Кто ее написал? Он сам? Или это послание?

Лео поворачивается и замечает мой взгляд. Я быстро спрашиваю, не голоден ли он. Пару минут позже мы сидим за столом, на который я поставила блюдо с овсяным печеньем. Лео стремительно поглощает печенье, но половину оставляет мне. Я качаю головой, поддвигаю блюдо к нему и говорю правду:

– Я не голодна.

В голове звучит голос сестры: *«Анорексия, которой ты страдала в юности... мама мне все рассказала»*. Прижимаю кончики пальцев друг к другу и чувствую подавленность, от которой меня на время отвлек Лео. Неужели мама и правда ей все рассказала? И что именно она рассказала?

Лео ломает последнее печенье пополам и, поедая половину, осматривается.

– Вы здесь живете одна?

Вопрос слишком неожиданный, я не успеваю обдумать ответ. Достаточно было бы кивнуть и сказать «да», но с языка у меня срывается правда:

– Мы с мужем расстались

– Вы разводитесь? – озабоченно спрашивает Лео.

– Мы решили пожить отдельно, чтобы все обдумать. Но мы все еще

женаты.

Он кивает и молча доедает печенье. Закончив, он стряхивает крошки со стола в ладонь.

– То, что вы видели...

Закусив губу, он кивает в сторону прихожей.

– Та записка...

Я медленно киваю, жду, когда он продолжит.

Лео закидывает крошки в рот, медленно сглатывает.

– Если вы вдруг встретите папу или маму и разговоритесь, не стоит упоминать ее. Записку.

Я встаю, наливаю два стакана воды, ставлю один перед Лео и снова сажусь напротив.

– Может, тебе стоит им рассказать?

Он не отвечает.

– Если тебе плохо, – продолжаю я. – Или если тебя кто-то обижает...

Лео качает головой.

– Папа занят. Он вечно работает. У него нет времени на такие вещи.

Такие вещи? Я делаю глоток воды.

– А мама?

– Мама?

Лео мотает головой, и челка снова падает на глаза.

– Вряд ли.

Слова повисают в воздухе. Я чувствую, как напряжение в комнате нарастает.

– Почему ты так думаешь?

Я стараюсь сохранять нейтральный тон, чтобы не выдать своего любопытства. Лео смотрит на бокал перед собой.

– Мама... она... она...

И я снова испытываю то самое чувство, которое посещало меня прежде столько раз, в разных жизненных ситуациях, с самыми разными людьми. *Тут что-то кроется.*

– Какая? Какая она?

Лео медленно поднимает лицо, мы смотрим друг другу прямо в глаза. Что-то мелькает в его взгляде, но так быстро, что я не успеваю истолковать, осмыслить это.

– Сложно объяснить, – бормочет он и опускает глаза. – Она странная.

– В каком смысле? Приведи пример.

Я понимаю, что зашла слишком далеко, и открываю рот, чтобы как-то сгладить свою бестактность, но Лео успевает раньше.

– Я помню, – бормочет он, – когда мне было лет пять или шесть, мы с мамой шли по мосту и она внезапно швырнула сумочку в реку. Вот так просто. Не знаю, откуда мы шли и куда, но помню, я тогда подумал, что странно идти так близко к краю. Она держала меня за руку, я что-то рассказывал, но она смотрела не на меня, а на воду внизу. Потом она подняла руку и швырнула сумочку через перила. Вместе с кошельком, ключами, телефоном и всем остальным. Прохожий попытался нам помочь. Он пытался подцепить сумку длинной веткой, но ему это не удалось. И сумка ушла на дно. Позже, когда мама объясняла папе, что случилось, она сказала «уронила». Я сильно удивился. Я же знал, что она нарочно выбросила ее. И не мог понять, почему она не рассказала правду даже папе.

Тикают кухонные часы. Лео сжимает костяшки пальцев до хруста. Я сижу в ошеломлении. Не знаю, чего я ждала, но не таких подробностей их личной жизни. Ведь он видит меня второй раз в жизни.

Я чешу бровь.

– Иногда взрослые совершают поступки, которые кажутся странными на первый взгляд. Но это не означает...

Лео поднимает голову.

– Это только одна из историй. Я мог бы рассказать и другие. Похуже этой.

– Связанные с твоей мамой?

– Да, с ней.

Мне вспоминается увиденное пару дней назад. Вероника с ножницами в руках. Безумная ярость, с которой она набрасывается на цветы. *Другие истории? Похуже?* Я подавляю любопытство и смотрю на соседа. Не странно ли мальчику его лет так легко открываться незнакомцам? Почему он доверился мне? Я качаю головой, прогоняю вопросы. Причина не важна. Лео молод и неосторожен, это моя ответственность как взрослого не пользоваться его наивностью.

Я меняю тему разговора, и вскоре Вероника возвращается домой. Мы видим ее в окно. Лео молча смотрит, как она отпирает дверь. Затем он поднимается, благодарит за угощение. Я выхожу за ним в прихожую, смотрю, как он просовывает ноги в кроссовки, не утруждая себя развязыванием шнурков. На ум мне снова приходит записка. *Слишком уродлив, чтобы жить.* Может, осеняет меня, ребенку больше не к кому обратиться за помощью. Может, поэтому он позвонил мне в дверь. Может, поэтому рассказывает подробности личной жизни родителей. Может, он в отчаянии, не знает, что делать с этими эмоциями, и не знает, кому можно довериться.

Я поднимаю рюкзак и протягиваю Лео.

– У тебя есть кто-то, с кем можно поговорить? Друг? Взрослый, которому ты доверяешь?

Лео принимает рюкзак и смотрит мне прямо в глаза. Воцаряется тишина.

– Спасибо, что пригласили зайти, – благодарит он и выходит.

Вернувшись на кухню, я смотрю ему вслед через окно. Интересно, что ждет его дома? *Вероника*. Кто эта женщина на самом деле? Что прячется за маской холодности и элегантности?

Расстройство приспособительных реакций.

Такой диагноз поставили моей жене после того, что случилось с ней в юности. Наверно, она объяснила мне, что это означает, но я плохо помню тот разговор. Слишком много всего одновременно, сложно было уловить все детали. Что касается медицинского аспекта, я понял только, что речь шла о непропорционально сильной реакции, эмоциональной или поведенческой, на определенное событие.

Наконец восемь или девять месяцев назад моя жена рассказала мне всю правду – описала свою реакцию и свои поступки. Только тогда она почувствовала, что готова довериться мне, сказала она. Рассказывая, она не плакала, спокойный тон голоса резко контрастировал с чудовищностью слов. Я хотел бы сказать, что воспринял все спокойно. Я хотел бы сказать, что услышанное не изменило моего отношения к жене.

Мы лежали в постели, и я чувствовал, как меня мутит. Я потрепал ее по голове, сказал, что съел что-то не то. Сказал ей никуда не уходить, что я сейчас вернусь. Я бросился в ванную, и меня вырвало. Ноги дрожали, я не мог подняться – мешало сильное головокружение. Когда я наконец вернулся в спальню, она лежала, раскинув волосы по подушке. Жена заснула. Мне стыдно это говорить, но я испытал облегчение, потому что мне не нужно было ничего говорить, утешать ее, заверять в неизменности своих чувств. Потому что я не смог бы.

В последующие недели и месяцы она вела себя так, словно ничего не изменилось. Словно она была прежней, словно я должен был относиться к ней по-прежнему. Но она от меня отдалилась, или, точнее, я от нее и взглянул на жену по-новому. Между нами возникла непреодолимая дистанция. Я больше не знал, кто она на самом деле. А может, и никогда не знал.

У нее были планы, когда-то наши с ней общие, она много говорила о будущем. Но у меня земля уходила из-под ног. Я сомневался не только в жене. Я начал сомневаться и в себе тоже. Как я мог жениться на женщине, о которой ничего не знал? Как мог довериться собственным суждениям? Как мог так ошибиться в человеке, которого любил?

Любил? Люблю?

«Я не знаю, – хочется закричать. – Не знаю, не знаю». Все, что я

принимал как данность, исчезло, я лишился опоры. Меня швыряло вперед и назад, и не за что было ухватиться. Не за что и не за кого. Пока из пучины меня не выхватила Анна.

Анна. Я знаю, то, что мы делаем, неправильно. Тайные разговоры, тайные послания. Встречи тайком. Поездки, которые с каждым разом все чаще и все длиннее, и это не просто командировки. Это побег. Возможность провести время с Анной в чужом городе и вне стен спальни или гостиничного номера.

Поначалу встречи с Анной были передышкой, спасением от того, что сжимало мне грудь и звенело у меня в ушах. Но сейчас все изменилось. Так больше не может продолжаться. Я больше не могу обманывать и скрываться, я должен всем рассказать правду. Я принял решение. Я расскажу жене о моем отчаянии, о сомнениях, буду с ней честен, скажу, что я чувствую с тех пор, как узнал ее секрет. И расскажу о ней Анне. Другого выбора у меня нет. Или пан, или пропал.

Сегодня вечером.

Бейся, мое сердце, бейся. Сегодня вечером все решится.

Вечер, когда она узнала.

Она приготовила его любимое блюдо. Выставила на стол лучший сервиз. Нарядилась, хотя они ужинали дома. Распустила волосы, потому что знала, что ему это нравится. Муж вернулся. Наложил себе в тарелку баранины с картофельным гратеном и поблагодарил за старания.

В тот момент она подумала, что теперь все наладится, все снова будет хорошо. «Не о чем волноваться, – думала она, – он любит меня».

А потом грянул гром. Он сказал, что встретил другую, что изменил ей. Мир рухнул. Она ушла в себя. Как это уже произошло однажды в прошлом.

Дни и ночи она проводила в постели в попытке осознать, что произошло. Но под конец правда проникла ей под кожу, разъела плоть. Измена стала реальностью. И прошлое вернулось. А может, оно всегда было с ней.

Хотя муж знал, что причинил ей страшную боль, он не выказывал сожалений, не просил прощения. Как и тогда в прошлом.

Острые шипы вонзились в плоть, разбередили старые раны, и из них начала выделяться вонючая вязкая жижа. Она заполнила вены, заполнила всю ее. Нет, она не испытывала ненависти, она сама превратилась в ненависть.

Мужчина, сказавший, что любит ее, заставивший ее довериться ему, обещавший защищать ее от любых невзгод. Мужчина, обещавший любить ее, пока смерть не разлучит их.

Этот мужчина.

Внезапно она осознала: что бы ни случилось, он не может продолжать жить как ни в чем не бывало. Или вообще жить. Она этого не допустит.

После ухода Лео я долго не могу успокоиться. Я чувствую, что во мне что-то изменилось или скоро изменится. Последний месяц я провела в полубреду, опустошенная, равнодушная ко всему на свете. Но теперь я начала медленно возвращаться к жизни. Глубоко запрятанные мысли и чувства снова вырываются наружу. Я ничего не успеваю сделать, но часы все равно уходят.

Вечером Вероника появляется на кухне дома напротив. Она готовит ужин. На этот раз волосы не убраны в высокий конский хвост, а распущены. На ней темно-красное платье без рукавов, губы накрашены помадой в тон. Она всегда одета элегантно, но сегодня превзошла саму себя. Я решаю, что семья Сторм ждет гостей, но выясняется, что все это затеяно ради Филипа. Лео не видно, но его слова не выходят у меня из головы. Рассказ о сумочке, выброшенной в темную воду под мостом. *Это только одна из историй. Я мог бы рассказать и другие. Похуже этой.*

Вероника открывает духовку и нагибается за формой, которую ставит потом на стол. Пока Филип накладывает еду, она разливает вино по бокалам. Со стороны сцена кажется романтической. Похоже на свидание, но тем не менее что-то идет не так. Все происходит стремительно. Они едят, разговаривают, и вдруг Вероника зарыдала. Я не вижу слез – только тело, сотрясающееся от рыданий. Она трет глаза и нос руками, прикладывает к лицу салфетку. Филип сидит неподвижно и смотрит на жену, потом подвигает стул ближе и обнимает ее за плечи. Она скидывает его руку, вскакивает, выбегает из кухни и не возвращается. Филип остается один на кухне. Он сидит и вертит в руках салфетку.

А в доме напротив сижу я с погашенным светом. Тень среди теней. В том, чему я только что стала свидетелем, нет ничего подозрительного. Обычный ужин, обычная супружеская ссора. Но у меня плохое предчувствие. Я чувствую что-то еще, что-то нехорошее, что-то пугающее. Я закрываю глаза и снова вижу черное пламя в глазах Вероники, когда она смотрит вслед Филипу. Гнев, ненависть. Филип этого не видит. Но, может быть, тоже чувствует.

Этой ночью я снова брожу между гостиной и кухней. Меня посещают странные мысли. В доме напротив темно, но я смотрю на фасад, пытаюсь представить Веронику, Филипа, Лео в своих постелях. И когда я

представляю спящую Веронику, она внезапно открывает глаза и смотрит прямо на меня. На моих глазах она встает и обходит большую двуспальную кровать. Она одета во что-то белое. Она движется бесшумно. Филип не слышит ее приближения.

Мне хочется сделать шаг вперед, крикнуть: «*Осторожно*», но из горла не вырывается ни звука. И с каждой попыткой сдвинуться с места меня втягивает в Веронику, засасывает в то, что бурлит у нее в жилах. Всё, что она скрывает за безупречным фасадом, все те чувства, которых она не показывает, всё это я чувствую, всё это мне понятно и близко.

Внезапно я оказываюсь на кухне дома напротив. Лео рядом со мной. Я протягиваю руку, чтобы погладить его по волосам. Материнский жест, я его мать. Но Лео уклоняется от прикосновения, и я снова я, бездетная я.

Кончики пальцев зудят, зуд переходит в боль, в острую тоску. «*Это не для тебя*», – говорит голос. Это мой голос, но слова исходят из уст сестры. Потом я слышу и ее голос: «*Знаешь, можно жить счастливой жизнью и без детей*». Я плачу, кто-то тянется ко мне, чтобы утешить. Сначала я думаю, что это сестра обнимает меня, но потом понимаю, что это мама. И рыдаю еще сильнее.

Мама обнимает меня, прижимает к груди, она моя сила и опора. Мне не верится, что это действительно она, что она вернулась, я мягко отстраняюсь, чтобы увидеть ее лицо. Это она, моя мама, освещенная слабым светом, такая же, как всегда. Точнее до того, как ее сломила болезнь. Такая, какой она была все те годы, когда прижимала к себе мое непокорное слабое тело и шептала, что я не одна, что все будет хорошо и что она всегда будет рядом.

Я замечаю тень рядом с нами. Тень кого-то, кто отворачивается от нас, точнее от меня, и понимаю, что это папа. Я знаю, куда он направляется. Я всегда это знала, и когда я снова поворачиваюсь к маме, она уже лежит в постели, больная и исхудавшая. «*Работа – лучшее лекарство*», – говорят они с сестрой в один голос. Мама исчезает, но кто-то остается лежать в постели. Это Филип Сторм.

Он спит и не замечает, что Вероника подходит все ближе. Она встает у изголовья и смотрит на него. У нее бледное лицо, губы вытянуты в тонкую линию. Вероника заносит руку, и что-то блестит в свете луны, что-то холодное и острое. Кухонные ножницы? Нож? У меня перехватывает дыхание. Она поднимает глаза, наши взгляды встречаются, Вероника видит меня, понимает, что я там, рядом. «*Это случится, – слышу я ее мысли. – Не сейчас, не так, но скоро*».

Тебе меня не остановить.

Ее голос у меня в горле, ее слова срываются с моего языка. Слишком поздно я понимаю, что попала в расставленную ловушку, оказалась втянутой в ее мрачные тайны. Она поймала меня, связала, и назад пути уже нет. Меня все глубже и глубже затягивает на дно. Черная жижа проникает в каждую пору, заклепывает глаза и рот, грозит поглотить меня. Я не могу дышать, скоро все кончится. Скоро все кончится. Если я этого хочу.

Я просыпаюсь от собственного крика.

– Я хотел спросить, не поможете ли вы мне кое с чем?

Лео стоит у меня под дверью. Носком ботинка выводит круги на земле. Я дрожу от холодного утреннего воздуха. Я вообще не хотела открывать, прекрасно зная, какое представляю собой зрелище с опухшим лицом и полопавшимися сосудами в глазах. Но тревога взяла надо мной вверх. *Что, если что-то случилось, если ему нужна помощь?* Откуда эта тревога? Что вызвало ее? Может, то, что Лео рассказал мне, а может, сцена ссоры между Филипом и Вероникой на кухне, а может, мои ночные кошмары. Скорее все вместе.

Но судя по всему, с Лео все в порядке. Только немного бледен. И не в состоянии прямо сказать, что ему нужно.

– Вы сказали тогда... Помните, вы сказали, что могли бы мне помочь?

После нескольких попыток ему наконец удается объяснить так, чтобы я поняла. В школе им задали описать воспоминание из детства, как можно детальнее. Не важно, о чем писать, важно, как сказал учитель шведского, воссоздать эту сцену в прошлом: *«Задействуйте все ваши органы чувств, заставьте меня прочувствовать ваше воспоминание, пережить это событие так, словно я сам там присутствовал»*. Вот каким было задание.

Лео вскидывает голову, чтобы поправить челку, но пара прядей закрыли глаза. Он убирает их и снова встряхивает головой. Задание надо сдать на следующей неделе, но он уже готов и нуждается в моем мнении. Если мне нетрудно, конечно.

Пока я все это выслушиваю, в памяти возникают сцены из ночного кошмара. Когда я протянула руку, чтобы погладить его по волосам. С любовью, с нежностью. Словно его мама. Чья-то мама. И потом голос, который сказал, что мне не суждено стать матерью.

Лео стягивает рюкзак и достает тонкую картонную папку, в которой лежит сочинение.

– Оно о моей маме, – сообщает он и протягивает мне папку.

Я беру ее, понимая, что я – это не я. Моя рука поднимается, пальцы сжимаются вокруг папки, но все это происходит отдельно от меня.

Лео застенчиво улыбается, благодарит и добавляет, что можно не спешить. Я думаю о предстоящих часах, минутах и секундах, не заполненных ничем. О дне, полном безделья.

– Почитаю днем, – отвечаю я. – Заходи после школы, обсудим.

Я собиралась сразу засесть за его сочинение, но, вернувшись на кухню, вижу значок на дисплее телефона – новое сообщение. Прочитав его, я, дрожа, опускаюсь на стул. Снова и снова читаю два коротких предложения, каждый раз надеясь, что смысл изменится. Но сколько бы раз я ни перечитывала, содержание останется прежним.

Думаю о тебе. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Сообщение от Петера.

Мужчина, с которым я строила жизнь. Мужчина, с которым я мечтала завести желанного ребенка. Мужчина, с которым я разошлась. Мужчина, которого я не переставала любить.

Думаю о тебе. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Всего восемь слов, но за ними таится что-то большее. На этот раз он не набрал номер по ошибке, он намеренно пытался со мной связаться. Из горла рвется, но застревает внутри немой крик. Крик бесконечной тоски, желания, горя и разбитых надежд. *Я тоже думаю о тебе!* Но я не могу заставить себя ответить, не могу. Я расставляю пальцы, запускаю в волосы. И остаюсь сидеть на стуле.

* * *

Много часов спустя я медленно поднимаюсь и подхожу к двери. Мысленно перебираю разные извинения в голове, готовлюсь увидеть на его лице разочарование. Но когда открываю дверь, все идет совсем не так, как я представляла.

Лео стоит перед дверью, прижав плечо к уху. На нем серая толстовка с принтом, та же, что и утром, но капюшон натянут на голову.

– Это вам, – говорит он и сует мне в руки пакет.

В нем желтая лейка с носиком в виде цветка. Я вопросительно поднимаю взгляд.

– Это чтобы заботиться о ваших новых цветах, – хрипло произносит Лео.

– Большое спасибо, она прекрасна, – восторгаюсь я. – Но тебе не стоило покупать мне подарки.

– Это не подарок. Это в благодарность... за помощь с заданием.

Лео стоит вполоборота, приподняв плечо так, чтобы не было видно было правую сторону шеи. Но я все равно замечаю их – следы маркера на коже.

– Что там у тебя?

– Где?

Я показываю на шею.

– Ничего.

Он опускает плечо, я наклоняюсь ближе, чтобы рассмотреть, и он позволяет мне. «Урод» написано там большими зелеными буквами, резко контрастирующими с красной кожей. Слово занимает почти всю шею. Очевидно, что Лео не сам его нарисовал. Судя по всему, это дело рук нескольких человек. Пара держали, один рисовал.

– Лео...

– Просто парни в школе пошутили. Я не обращаю на это внимания. Так проще.

Я смотрю на покрасневшую кожу и думаю о той записке, выпавшей из рюкзака на днях, и о том, как он попросил меня ничего не говорить его родителям. Тогда я не стала настаивать, и мы сменили тему разговора.

– Тебе стоит поговорить с родителями, – пытаюсь я. – Они тебе помогут. Лео, ты должен показать...

– Ни за что! Маме нельзя это видеть. Она этого не перенесет.

Он произносит это тихо, почти шепотом, но тон не оставляет никаких сомнений. Лео опускает лицо, и челка падает на глаза.

Я борюсь с сомнениями. Потом делаю шаг в сторону. Против доводов рассудка приглашаю Лео в дом:

– Заходи. Помоешься.

Сегодня он без рюкзака. Я откладываю лейку в сторону и показываю, где ванная. Лео запирается изнутри и открывает кран. Я несу лейку на кухню и ставлю на подоконник. В пустой бесцветной комнате она горит как солнце.

Кран в ванной закрывается и снова открывается. Я ставлю на плиту кастрюлю с молоком и кладу в чашку пару ложек какао и ложку сахара. Мама всегда готовила нам с сестрой какао на завтрак по выходным и праздничным дням. Годами позже, когда у меня было трудное время, мама снова начала делать мне какао. Я помню, как она приносила какао мне в комнату и долго и терпеливо пыталась заставить меня его выпить. Сначала я отказывалась, но она не отступала.

Под конец я сдалась и приняла напиток и ее заботу. «Как ты могла терпеть меня? – спросила я ее спустя годы. – Как ты могла сохранять

спокойствие, подавлять собственные чувства, и всю себя посвятить мне в том состоянии, в котором я пребывала?» В тот момент болезнь уже начала давать знать о себе, и она слабым голосом ответила: *«Ругань и злость не помогли. Ты отзывалась только на сострадание, – и она улыбнулась, кривой улыбкой, которую унаследовала сестра, и добавила: – И сахар».*

Когда Лео приходит на кухню, на его коже все еще едва видны следы от маркера. Но скоро они исчезнут. Останутся только душевные раны. Я сдерживаю свое любопытство и не спрашиваю, кто и почему это сделал. Вопросы подождут. Если Лео захочет, он сам мне расскажет. Сейчас ему нужны не расспросы, а покой, думаю я и ловлю себя на мысли, что явно преувеличиваю собственную значимость в жизни мальчика.

– Хочешь бутерброд? – спрашиваю я. – Или печенье?

Папка с сочинением все еще лежит на столе. Пока Лео пьет какао и ест овсяное печенье, я признаюсь, что еще не прочитала. Он повторяет, что времени достаточно и что понимает, как я занята работой и всем остальным. Да, так он и говорит – *всем остальным.*

Остальным? Мыслями о моем разрушенном браке?

Думаю о тебе. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Слова метались в голове весь день, не давая мне покоя. Я знаю, что мне нужно было отстраниться от этих слов, чтобы придумать правильный ответ.

Что-то желтое привлекает мое внимание. Лейка. Я поворачиваюсь к Лео. Кладу руку на папку.

– Если хочешь, я могу прочитать сейчас, – говорю я.

– Сейчас?

Я киваю.

– Именно так.

Лео спрашивает, можно ли ему осмотреть дом, пока я буду читать, а то он слишком нервничает. Я разрешаю, но предупреждаю, что смотреть тут особо нечего.

– Книжный шкаф в гостиной, – добавляю я. – Скажи, если захочешь что-то взять почитать.

Он исчезает. Я открываю папку. Первый лист пустой. Я переворачиваю его и вижу название сочинения. Жирные черные буквы.

Два безжизненных тельца.

Лео Сторм

Дочитав, я убираю сочинение в папку. Прежде чем звать Лео, мне нужно собраться с мыслями и прийти в себя. Как мне относиться к этому тексту? Как к обычному из тех, что мне присылают на оценку? Но разве это возможно, учитывая ужас всего описанного в нем?

Лео возвращается на кухню. Мальчик изо всех сил старается сохранять спокойствие, но по напряженным мышцам лица видно, что он страшно волнуется. В руках у него одна из моих книг о писательском мастерстве, и, опережая его вопрос, я говорю, что книга достойная и он может взять ее почитать. Я выдвигаю стул и прошу соседа присесть. Решаю говорить без обиняков, поскольку мне хорошо известно, как сильно нервничаешь, когда ждешь чужого мнения о написанном тобой.

– Сильный рассказ, – приступаю я. – Очень сильный. Он меня потряс, должна признаться.

Лео постукивает по полу ногой.

– Думаете, мне не стоит писать такое о своей матери?

– Я этого не говорила. Но у твоего учителя может возникнуть много вопросов после прочтения этого сочинения...

Лео закидывает ногу на ногу, правая ступня на левом колене. Уголки рта у него дергаются.

– А какие вопросы бы возникли у вас?

– Я бы спросила, как у тебя дела, как ты себя чувствуешь. И еще о том, как себя чувствует твоя мама.

Лео гладит себя ладонью по голени, не поднимая глаз. Есть что-то тревожное в этом движении. Я понимаю, что зашла слишком далеко. И что бы я сейчас ни сказала и ни сделала, все будет ошибкой.

Смотрю на закрытую папку перед собой. Почему он хотел, чтобы я это прочитала? Это крик о помощи? Иначе зачем ему приглашать меня в свой мир, обнажать передо мной свои секреты?

Лео проводит рукой по волосам.

– У меня есть и другие воспоминания. Я мог бы выбрать что-нибудь другое, повеселее.

И он рассказывает о летнем домике, где семья проводила отпуск, когда он был маленьким. Бревенчатый дом на берегу озера, за которым начинался лес. Там они играли и купались. Папа брал его на прогулку в лес, учил ловить рыбу.

Пока он трещал без умолку, я немного успокоилась. Его рассказ отвлек меня от мрачных мыслей, напомнил о собственном детстве. Несколько лет подряд родители арендовали домик на пляже по другую сторону пролива. Мы ездили туда всей семьей на машине – мама, папа, сестра, я. Папа подпевал в такт радио, хотя не знал ни одной песни. Мы смеялись на заднем сиденье, мама улыбалась, ветер из приоткрытого окна развеивал ее волосы. Домик был небольшой, мы с сестрой жили в одной комнате, и никто из нас не жаловался. По вечерам мы жарили мясо, играли в игры, а днем лежали на пляже.

Пока сестра купалась, а мама отдыхала на покрывале, мы с папой строили замок из песка. Он неплохо умел строить, показывал мне, как делать башни, купола и крепостные стены. Когда мы пришли на следующее утро, замок лежал в руинах, разрушенный приливной волной. Мы с папой стояли и смотрели на развалины, и я испугалась, что он расстроится из-за замка. Я сунула руку в его и уже хотела сказать что-то в утешение, но он меня опередил. *«Ничего страшного, Елена, – сказал он. – Так устроен мир. Рано или поздно все исчезнет»*. Это было одновременно красиво и пугающе, и я сильнее сжала его руку. Я уже тогда читала в его словах пророчество. Пророчество, касавшееся его самого и всей нашей семьи.

– Думаете, мне стоило написать о чем-то таком? Счастливом воспоминании о лете?

Я встряхиваю головой, и воспоминания о детстве улетучиваются. Я снова на кухне с Лео.

– Не знаю, – говорю я и складываю руки на коленях в замок. – Никто не может принять за тебя решение. Если у нас, писателей, вообще есть свобода выбора. Некоторые писатели говорят, что это история выбирает их, а не они историю.

Лео поворачивается к окну. Челка падает на лицо, и мне не видно его глаз.

– Но у вас же не так? Вы ведь сами выбираете, о чем написать?

Он ссылается на статью в интернете – интервью, в котором я описывала свой творческий процесс. Почему я пишу, откуда черпаю идеи, и что обычно ищу вдохновение в том, что происходит вокруг меня.

– Погоди, как ты нашел эту статью?

– Я прогуглил вас.

– Прогуглил меня?

Лео краснеет.

– У меня еще никогда не было в соседях настоящего писателя.

Я не знаю, как реагировать на эти слова и на робкое восхищение в

голосе мальчика. Мне одновременно лестно и неловко, и я невольно смеюсь. Мой смех снимает напряжение, и Лео тоже начинает смеяться.

Когда спустя некоторое время Лео собирается уходить, я провожаю его до прихожей и смотрю, как он засовывает ноги в кроссовки. Подросток накидывает на голову капюшон, и я протягиваю ему папку с сочинением. Атмосфера снова становится напряженной.

– У тебя сегодня есть ключи? Или мама уже пришла с работы?

Он поправляет челку.

– Мама не ходила на работу.

– Не ходила?

Лео качает головой.

– Папа сказал, что она плохо себя чувствует и останется дома. Больше он ничего не говорил, но мне и так понятно, что речь идет не о простуде. Оно вернулось.

Оно? Я хмурю лоб.

– Что? Что вернулось?

Он выпрямляет спину, берет папку двумя руками.

– Прямо перед тем событием, которое я описываю в сочинении. Перед этой историей с кроликами...

Ему нет нужды напоминать мне об этом. Его рассказ врезался мне в память. Я киваю.

– Как раз перед этим мама лежала в постели несколько недель и ни с кем не разговаривала. Так было и сегодня утром. Дверь в спальню была приоткрыта, и я все видел. Она лежала спиной ко мне. После школы я зашел домой проведать ее. Она лежала в той же самой позе. Или спала, или не заметила, что я пришел, или у нее не было сил перевернуться. Такое ощущение, что за весь день она не двинулась с места.

Мы смотрим друг на друга. Я не знаю, что сказать. Да и что тут скажешь.

Лео встряхивает челкой и поворачивается к двери.

– У меня нет сомнений, – говорит он. – Она снова погружается во мрак.

Вскоре после ухода Лео я получаю сообщение от сестры. Сначала одно, потом другое. Я вижу ее имя на дисплее, но не отвечаю. И даже не открываю сообщения. Не дождавшись ответа, сестра звонит.

– Ты в порядке, Елена? Я тебя не обидела?

Она говорит, но я не разбираю слов. Голос словно доносится издалека, сестра кажется такой же нереальной, как вчера во сне. Мы не виделись пару дней, но столько всего произошло за это время. Можно было бы рассказать ей о сообщении Петера или о том, что я снова пишу. Но я не могу найти в себе сил.

– Алло, – спохватывается она. – Ты меня совсем не слушаешь. Как у тебя дела?

Прощальные слова Лео вывели меня из равновесия. И прочитанное сочинение не выходит из головы.

– Они купили ему кроликов, – шепчу я. – А потом она... она...

– Кроликов? Кому?

– Лео.

Я подхожу ближе, встаю рядом со столом.

– О чем ты? Кто такой Лео?

Я рассказываю о семье в доме напротив. Говорю, что у Филипа и Вероники явно сложная ситуация. А Лео отличный парень, но ему непросто. Тон сестры меняется на позитивный.

– Так ты познакомилась с новыми людьми. Это прекрасная новость! А в остальном? Как ты себя чувствуешь?

Но я ничего не отвечаю, думаю о кроликах. О том, как прямо Лео описал то, что случилось в семье Сторм тем летом где-то на Средиземном море.

Как-то они были на рынке и увидели несчастных кроликов, запертых в тесных клетках. Зверьки стояли на жаре без воды, и никому не было дела до их страданий, потому что они предназначались в пищу. Лео при виде кроликов, запертых в клетках, заплакал и никак не мог успокоиться. Он отказывался уходить, пока родители не купили ему двух и разрешили забрать с собой на съемную квартиру. Он обожал этих кроликов, обожал сжимать их пушистые тельца в объятьях, и каждый день благодарил родителей за то, что они спасли зверьков от печальной участи.

Но отпуск закончился, настало время возвращаться домой. Папа

твердо заявил, что кроликов с собой взять нельзя. Может, отдать их в хорошие руки? Или выпустить на свободу? Лео плакал, протестовал, но понимал, что ему придется расстаться с пушистыми друзьями. Дни шли, поездка домой приближалась, но никто так и не принял решения, что делать с кроликами. И в день отъезда утром случилось следующее.

Лео проснулся от того, что Вероника вошла в комнату, достала кроликов из клетки и куда-то понесла. «Мама, – закричал он, – что ты делаешь?» Но она не ответила. Судя по всему, она его даже не слышала. Скинув одеяло, Лео выбежал за ней на балкон. Но было уже поздно. На его глазах мама швырнула сначала одного кролика, а потом другого, через перила вниз.

Тельца совершили дугу и рухнули на землю четырьмя этажами ниже. Лео не помнил, слышал ли он, как кролики шлепнулись о землю, или додумал этот звук потом.

Он с воплями бросился обратно в комнату, захлопнул дверь и зарылся головой в подушку. Он думал, что, когда мама придет просить прощения, он не станет смотреть на нее, он крикнет, что никогда ее не простит, что он ее ненавидит. Но она не пришла. Никто не пришел.

Лео слышал, что папа проснулся и пошел выяснять, что случилось. Лео помнил, что мамин голос было едва слышно, а папа быстро перешел на крик. Сперва Лео думал, что папа ругает маму за то, что она сделала, но потом понял, что папе нет никакого дела до кроликов. Им обоим было на них наплевать. Он возмутился совсем по другой причине. *О чем ты только думала, Вероника? Ты же могла кого-то ранить? Знаешь, какой сильный удар может быть от предмета, брошенного с большой высоты?*

Крик отца – последнее, что слышал Лео, прежде чем крепко прижать к голове подушку.

Ты хоть понимаешь, что могло произойти?

Ты же могла кого-то убить!

* * *

– Елена, что ты сказала?

Я смотрю на лейку на подоконнике, чувствую, как тяжело дается мне каждый вдох.

Сумка, брошенная в реку. Кролики, выброшенные с балкона.

– Как ты себя чувствуешь? Ты так тяжело дышишь, словно бежала!

Филип с рыжеволосой женщиной. Слезы Вероники на кухне. Черное пламя в глазах, провожающих Филипа. Яростная расправа над розами. Она вонзала в них ножницы так, словно перед ней были не цветы, а живой человек, которого она хотела уничтожить.

– Алло! Элена!

Сестра повышает голос, вырывает меня из транса. Будь она здесь, она бы начала трясти меня за плечи, требовать ответа. Но ее тут нет. Никого тут нет.

– Я переживаю за него.

– За кого? За соседа? Лео?

Я не отвечаю. Мой взгляд обращается к окнам напротив, окнам кухни Стормов. Еще светло, но шторы задернуты. Может, были задернуты весь день. Я берусь кончиками пальцев за лист цветка на подоконнике и тяну – сперва слабо, потом сильнее.

– Судя по всему, ты принимаешь проблемы своих соседей близко к сердцу, Элена. Я надеюсь только, что ты не забываешь про себя. Я много чего наговорила, когда мы общались в последний раз. Я знаю, что обидела тебя, я не хотела...

Я резко выпускаю лист из пальцев. *Анорексия. Мама рассказала.*

– Увидимся в пятницу и все обсудим. Или, если хочешь, я с радостью навещу тебя раньше.

– Нет-нет, – удастся мне выдать. – Увидимся в пятницу.

Я заканчиваю разговор и кладу трубку. Смотрю на задернутые шторы в окнах напротив до слез в глазах. Но не отвожу взгляда. Что там происходит?

Я включаю компьютер и открываю поисковик. Набираю Веронику Сторм. Результатов немного. Ссылка на студию йоги в паре кварталов – судя по всему, место работы, и ссылка на сайт выпускников юридического факультета. Я поднимаю глаза и смотрю на дом напротив. Значит, Вероника юрист, как и ее муж. Но вместо работы в престижной юридической фирме она работает администратором в студии йоги. Как так получилось? Явно не предел амбиций для студентки юридического факультета? Может, что-то случилось? Что-то, что поставило на карьере юриста крест?

Я мог бы рассказать вещи и похуже. Намного хуже.

По коже бегут мурашки, я поеживаюсь.

Почта открывается автоматически, краем глаза вижу новое письмо. Не задумываясь, щелкаю по значку. И только когда письмо открыто, я понимаю, от кого оно. Ошеломленная, я пробегаю взглядом строчки. Он помнит, что мы договорились связываться только по серьезным поводам. И

он пишет, потому что кое-что *случилось*. Сердце колотится в груди. Я возвращаюсь к первым предложениям, перечитываю их, готовлюсь к худшему.

Я встаю, делаю пару кругов по кухне, выпиваю стакан воды и, снова присев, замечаю Филипа, идущего к дому. Провожая его взглядом, пока он не скрывается за дверью. Возвращаюсь к экрану. Дочитываю письмо. Такое ощущение, что Петер рядом, стоит у меня за спиной, положив руки мне на плечи. Он хочет обнять меня, ждет, когда я прислонюсь к нему, прижмусь к нему щекой. Два фрагмента пазла.

Я перечитываю несколько раз.

На днях я видел маленькую девочку в парке. Она качалась на качелях и не хотела идти домой. Папа устал, но девочка продолжала кричать, что хочет качаться быстрее, качаться выше. Ты бы слышала ее смех, когда качели взлетали вверх. Она была так похожа на тебя, Елена. У нее были твои цвета, твои ямочки на щеках, и я невольно подумал, что она могла бы быть нашей дочерью. И потом у меня словно глаза открылись. Что мы творим? Что мы уже натворили?

Я вскакиваю, готовая броситься Петеру в объятия. Так сильно я ощущаю его присутствие. Но обернувшись, вижу только тени в углу. В комнате пусто. Я одна, совершенно одна.

Она против обыкновения оставляет шторы задернутыми, не впуская утренний свет. Даже с кровати не встает. Я зову жену по имени, но она не отвечает. Я встаю, она остается в кровати. Я иду в ванную, привожу себя в порядок, одеваюсь, иду завтракать, возвращаюсь в спальню и вижу, что она не сдвинулась с места. Она лежит в той же позе спиной ко мне, поджав колени к груди.

Я зову ее с порога, но безрезультатно. Подхожу ближе и снова повторяю ее имя. Делаю еще шаг и кладу руку ей на плечо, трясущо осторожно, потом сильнее, но жена не двигается. Я вижу, что она дышит, сомкнутые веки подрагивают. По крайней мере, она жива. *Жива?* Как мне вообще пришла в голову эта мысль. Разумеется, она жива!

Я делаю шаг назад, думаю о разговоре вчера за ужином, моем признании. Может, стоило преподнести это как-то по-другому? Существует ли правильный, мягкий способ рассказать жене, что ты встретил другую? Что ты в растерянности и не знаешь, как поступить?

В конце концов мне нужно идти. Работа не ждет. Я наливаю ей стакан воды, ставлю на тумбочку, сжимаю ее плечо под одеялом и оставляю в полумраке спальни. Я испытываю не только чувство вины и угрызения совести, но и облегчение. Облегчение от того, что я наконец рассказал ей правду, от того, что больше не нужно жить во лжи. Облегчение от того, что моя жена отреагировала так, как она отреагировала. Мне больно видеть ее такой, но слезы и апатия все же лучше чем то, что могло быть. Я вспоминаю шрам на ее животе и поеживаюсь.

Я увидел его в нашу первую ночь, но спросил о том, что случилось, лишь через несколько недель. Она сочинила историю о детской травме, связанной с колючей проволокой. Я не стал расспрашивать. Может, мне стоило насторожиться, узнать, попытаться понять по выражению лица, что она врет. Но я был влюблен и видел только то, что хотел видеть. Я целовал этот шрам, когда мы были в постели, и она всегда старалась помешать мне. А когда она рассказала правду, я понял, что не смогу снова взглянуть на этот шрам без содроганий.

По возвращении домой никто меня не встречает. На кухне и прихожей темно. Жена по-прежнему лежит в постели – в том же положении, что и с утра. Шторы задернуты, в комнате темно и душно. Я пытаюсь заговорить

с ней, спрашиваю, как самочувствие и могу ли я что-то для нее сделать, но она не реагирует.

Я не хочу и не осмеливаюсь ей надоедать. Понимаю, что жене нужно время. Но с другой стороны... Нельзя оставлять ее в таком состоянии. Дам ей два-три дня, думаю я, и если ничего не изменится, обращусь за помощью. К ночи я чищу зубы и ложусь на свою половину кровати. Странно делить постель с женой, но в то же время совершенно обычно. Мы так близки, как только могут быть два человека, но нас разделяет пропасть.

Можно было, конечно, лечь в другой комнате или на диване. Так ведь поступают в подобных ситуациях? Но нет. Если и существует руководство для супругов по тому, как вести себя в случае измены, нам оно не подходит. Готовые рецепты и советы других людей не для нас. Мы не такие, как все.

Я слышу ее ровное дыхание. Интересно, о чем она думает. Поражаюсь тому, что понятия не имею и никогда, наверное, не имел. Кладу руку под голову и смотрю в потолок. Нет, мы не такие, как все. И дело не во мне. Мы не такие, как все, потому что моя жена не такая, как все.

Вечер переходит в ночь, а я даже не пытаюсь лечь спать. Знаю, что это бессмысленно, все равно не засну. Энергия, мечущаяся внутри меня, ищет выхода, но не находит. Я брожу по дому, замираю на пороге гостиной, обвожу глазами коробки с вещами, сложенные у стены. Надо разобрать хоть пару перед приходом сестры. По крайней мере, будет чем себя занять.

Но вместо этого подхожу к книжному шкафу и снова начинаю переставлять книги. Словно на автомате. Сортирую книги, сортирую мысли. Встаю на цыпочки, чтобы достать верхней полки, но я тянусь не только к книгам, я тянусь еще и к маме.

– Что мне делать? – шепчу я в темноте.

Если бы еще разок почувствовать, как ее руки обнимают меня, как на меня снисходит умиротворение, когда она убирает мне прядь волос за ухо! Но я здесь, одна, беспомощная, без сна, без надежды. Наедине с мучительным выбором, который мне предстоит сделать.

Письмо Петера я заучила наизусть. Каждое предложение, каждое слово. Оно заканчивалось вопросом о встрече. Он спрашивал, не соглашусь ли я с ним встретиться.

Без обязательств, без ожиданий, просто встретиться и поговорить. Я так по тебе скучаю.

Стоит мне подумать о его словах, как меня затягивает вихрем подавленных эмоций, засасывает глубоко внутрь, чтобы потом выплюнуть наружу. Он хочет увидеться. Скучает по мне. Я прижимаю руки к груди, чувствую, как тепло проникает в ледяные ладони. Рассказ Петера о девочке, которая была похожа на меня, которая могла бы быть нашей дочерью. Отчаяние, читающееся между строк, так хорошо мне знакомо.

Что мы творим? Что мы уже натворили?

Рука взлетает сама собой, и прежде чем я успеваю сообразить, что делаю, сжатый кулак ударяется в стену сбоку от шкафа. Я вздрагиваю, смотрю на пальцы, которые словно принадлежат другому человеку.

И внезапно в сознании раздается мамин голос: *«Работа – лучшее*

лекарство».

Вдруг я понимаю, что мне нужно делать. Я бросаю книги, не закончив перестановку. На кухне открываю компьютер и пишу ответ Петеру. Не перечитывая его письма, не продумывая ответ, не подбирая слов. Пишу, что сейчас не могу с ним встретиться, что сначала мне нужно кое-что закончить. Но позже, когда пройдет время и я закончу все дела, и если он все еще будет хотеть встретиться, это возможно. Поставив последнюю точку, я нажимаю «Отправить», не давая себе шанс передумать или изменить что-то. Так получилось. Ничего не поделаешь.

Я открываю текст, с которым начала работать несколько дней назад. Я действовала импульсивно, взялась за новый проект, не зная, что из него выйдет. Но теперь знаю.

Этот фрагмент надо закончить, превратить в полноценный рассказ. Новую историю. Я писатель, а писатель должен писать. Мне нужно отдать всю себя этому тексту, пройти с ним этот путь из тьмы к свету, и когда последняя глава будет закончена, я смогу оставить все, что случилось, позади. А что будет позже, кем меня сделает эта книга, – увидим.

Краем глаза я вижу размытые очертания человека на табуретке рядом со мной, нервно дергающего ногой. Лео. Поднимаю голову, но на стуле никого нет. На кухне пусто. Поворачиваю голову и смотрю во двор. В темноте едва различаю контуры дома напротив. В окнах темно. Все, что я вижу, это свое отражение в стекле, в голубом свете от экрана компьютера. Подвожу курсор к последнему предложению, заносу пальцы над клавиатурой и начинаю печатать.

Слова сами обретают форму под кончиками пальцев. Я пишу всю ночь напролет, страницу за страницей. Когда от усталости в голове начинает шуметь, я перебираюсь в постель, ставлю компьютер на пол и на пару часов забываюсь тревожным сном, полным ночных кошмаров. Просыпаюсь от страха посреди сна, поднимаю компьютер, пишу пару страниц, снова засыпаю. И так повторяется, пока не начинает светать. Я возвращаюсь на кухню. Ем черствый хлеб с остатками варенья, пью чай, отмечаю, что нужно сходить за покупками, так как на ужин придет сестра. Продолжаю работать.

Приходит ответ от Петера.

Поступай так, как считаешь правильным. Не спеши.
Я подожду, когда ты будешь готова.

Читаю и возвращаюсь к работе.

Во второй половине дня замечаю Лео в саду и замираю. Что ему сказать? Что сегодня я не могу? Что буду занята все последующие дни? Потом понимаю, что он идет не ко мне, а к себе домой. Но идет как-то странно – выпрямив шею, я вижу, что он идет босиком. *Босиком?* Я вскакиваю со стула и прижимаюсь к окну. Мне не померещилось. Лео идет по выложенной плиткой дорожке в одних носках. *Но... как... почему?* Он идет не оглядываясь, глазами вниз. Открывает дверь и скрывается в доме.

Мой взгляд поднимается к окну на втором этаже. Шторы все еще задернуты. Я чувствую, что кто-то лежит там в кровати. Лежит весь день. Кто-то, кто все глубже погружается в темноту. Возвращаюсь к экрану.

Пиши. Просто пиши.

И я пишу.

Мусорное ведро уже воняет. Достāju мешок, завязываю и несу на помойку во дворе. Поворачиваюсь и вижу перед собой Лео. Хотя он и одет как обычно – в свободную толстовку и мешковатые джинсы, – его худощавое тело кажется еще тоньше.

Смотрю на часы и спрашиваю, что он так рано делает на улице, разве уже пора в школу? Через час, отвечает Лео, но библиотека уже открыта. Он там обычно читает или делает уроки перед началом занятий. Из библиотеки можно напрямую попасть в класс, без необходимости толкаться с другими в фойе.

«Толкаться?» – думаю я про себя. Скорее, без риска, что тебя толкнут или еще что похуже. Опускаю взгляд на ноги Лео. Он обут, но это не привычные белые кроссовки. Спрашиваю, что случилось с ними. Лео не понимает, что я имею в виду.

– Вчера, Лео. Я видела, как ты вернулся домой в одних носках.

Он мотает головой, и челка падает на сторону. Прыщи на лбу кошмарны. С нашей прошлой встречи их стало еще больше. Он снова вертит головой, и челка возвращается на место.

– Мне надо идти, – говорит он. – До встречи.

Наши взгляды встречаются.

– Что еще они с тобой делают? Помимо того, что подкладывают тебе записки с оскорблениями, пишут маркером на шее и забирают обувь?

Лео отворачивается. Чувствую, что перешла границу. Сейчас он уйдет и больше не станет со мной общаться. Но он стоит на месте. Я бросаю взгляд на кухню семьи Сторм и гадаю, не следят ли сейчас за нами из окна Филип или Вероника. Из-за кустов мне ничего не видно.

Я делаю шаг вперед, одновременно подыскивая нужные слова, но это нелегко. На самом деле нелегко.

В поведении Лео есть какая-то противоречивость, и это сбивает меня с толку. Он спокойно говорит о том, что происходит у него дома. Кажется, он способен рассказать малознакомому человеку все о своих родителях, особенно о матери. Но не о том, что происходит в школе. Может, мальчики в его возрасте слишком чувствительны ко всему, что касается приятелей или их отсутствия, и потому ему так сложно раскрыться мне.

– Лео, что я могу для тебя сделать?

Он не отвечает. Плечи подрагивает. *Он плачет?* Внутри меня все

сжимается. Я делаю еще шаг.

– Я хочу тебе помочь.

Он поворачивается. Стоит, опустив глаза, и, судя по всему, взвешивает все за и против.

– Может, вы могли бы поддержать мой ключ у себя? – наконец вырывается у него

Он поднимает голову и, глядя мне прямо в глаза, тихо объясняет, что одноклассники иногда берут его вещи и прячут. Кроссовки, ключи...

Мальчик снимает рюкзак и роется в карманах. В следующее мгновение у меня в руках оказывается ключ. Он надевает рюкзак, говорит, что заберет ключ, когда вернется. Говорит, что не станет долго мне надоедать, может просто забрать ключ, не заходя внутрь. А если я вдруг уйду, то могу просто положить его в цветочный горшок или рядом с дверью.

– Кстати, книга, которую я одолжил, лежит у меня в комнате рядом с компьютером. Если она вам понадобится.

И он уходит. Я остаюсь стоять с ключом в руке, гадая, во что это я ввязалась.

* * *

Через пару часов я вижу в окно Веронику. Я пишу за столом, гоню мрачные мысли и пытаюсь сосредоточиться на тексте на экране. Когда в окне напротив возникает Вероника, я понимаю, что вижу ее впервые с того ужина, закончившегося слезами. Несколько дней шторы в окне на втором этаже были задернуты, не пропуская солнечный свет.

Она снова погружается во мрак. Намек на то, что раньше у нее уже были сложные периоды. Когда она швырнула сумку через перила. Когда выбросила кроликов с балкона. Кроликов... У меня в голове звучит треск, с которым крошечный череп бьется об асфальт, перед глазами стоят окровавленные ошметки шкурки. Кто способен на такое зверство? Что за человек? Что за мать? Поеживаюсь и кутаюсь в кофту.

Из рассказов Лео у меня сложилось впечатление, что Вероника нескоро выйдет из спальни. Я представляла ее в халате, неопрятной. Но передо мной женщина с аккуратно убранными в конский хвост волосами. На ней пестрый облегающий топ. Двигается она энергично. Вероника открывает холодильник, кладет что-то в рот, наполняет бутылку водой и выходит из кухни. Я наклоняюсь вперед, провожаю ее взглядом, жду, что

она снова появится в окне, но ее нигде не видно.

Может, она вернулась обратно в спальню, а в кухню спускалась только поесть. А может, она собирается уйти. Я оглядываю себя, сердце бьется быстрее. На мне кофта поверх майки, в которой я сплю, и спортивные штаны. Сгодится. Я готова. Чувствую, как вспотели ладони. *Готова к чему? Писать.* Это то, чем я должна заниматься. Писать и ни на что не отвлекаться. Разве не так я решила?

Дверь открылась, и вышла Вероника. На ней тонкая приталенная куртка поверх пестрого топа и черные лосины. В руке черная сумочка, из бокового кармана торчит бутылка воды. Она запирает дверь и уверенным шагом идет прочь от дома. Тем же путем, каким обычно идет на работу ее муж. Он там проходил и сегодня.

В голосе снова звучит голос Лео: *«Я могу рассказать вещи и похуже. Намного хуже»*. В следующее мгновение я уже в прихожей, натягиваю кроссовки и срываю с вешалки жилет. Я выбегаю из дома и иду вслед за Вероникой. Словно невидимая сила подхватывает меня и несет с собой.

Я не знаю, почему мне нужно идти за соседкой. Не понимаю, что мною движет. Единственное, что я знаю, – я должна знать, куда она направляется.

Он не заметил случившейся перемены. Весь мир словно перевернулся: небо стало морем, а море – небом.

Пропали апатия и ощущение безнадежности. На смену им пришли фантазии. Фантазии о мести, о справедливости, о криках ужаса и мучительной смерти. И в одно прекрасное утро, когда все члены семьи ушли, она поднялась с кровати, оделась и собрала спортивную сумку.

В пятницу она решила убить своего мужа. Но тогда она еще не знала, как намерена это осуществить. Нужно было все спланировать, все подготовить. И пока у нее не было конкретного плана, нужно было подготовиться физически. Стать сильнее, чем когда бы то ни было. Не факт, что ей понадобится физическая сила, но нельзя ничего исключать. В критический момент она должна быть готова ко всему.

Он больше не касался ее, не видел без одежды. Муж не заметит этой перемены. Он не догадается, что она замышляет, и это ей только на руку. Пусть думает, что она слаба и беспомощна и что все дни проводит в постели. Пусть думает, что она не представляет для него опасности.

Скоро это произойдет. Она чувствовала это каждой клеточкой тела. Ждать осталось недолго. Совсем недолго.

Фитнес-клуб находится на последнем этаже прямоугольного дома из кирпича. Узкий коридор, покрытый ковровым покрытием, ведет от лифта к овальной стойке рецепции из полированного дерева. На потолке – хрустальная люстра.

– Какая у вас подготовка? Вы раньше занимались?

Молодой женщине за стойкой на вид лет двадцать. Она смотрит на меня скептически, ей явно сложно поверить, что я потенциальный клиент их фитнес-клуба. Наверное, небрежный внешний вид не приветствуется в такого рода заведениях. Мне стоило бы развернуться, спуститься на лифте и пойти домой. Я знаю, что Вероника где-то здесь, этого должно быть достаточно.

Всю дорогу я следовала за ней на приличном расстоянии. Впрочем, Вероника целеустремленно шла вперед, не смотря по сторонам, так что можно было и не скрываться.

Когда мы подошли к зданию, я спряталась за деревом и выждала, пока она не зашла внутрь. Только тогда я бросилась через дорогу, чтобы проследить за красными цифрами и узнать, на каком этаже остановится лифт. На стене рядом с лифтом был список компаний и организаций, занимающих офисы в этом здании. Зубной врач, риэлтор, маникюрный салон. И на самом верху – фитнес-клуб «Эксклюзив».

Но я не могу так просто развернуться и уйти. Любопытство не дает мне покоя. Я выпрямляюсь:

– У меня сейчас нет абонемента, но меня заинтересовал ваш фитнес-клуб. Не могли бы вы показать мне помещение, чтобы я могла принять решение – приобретать абонемент или нет?

Откуда во мне эта самоуверенность? Этот повелительный тон? Я не узнаю себя. Но моя наглость сработала. Девушка сказала «о'кей» и пригласила пройти. Сперва она показывает мне раздевалку, потом – «пространство», как она называет зал для тренировок. В противоположном конце мой взгляд упирается в выкрашенную в сиреневый цвет стену. Еще одну сторону занимает скошенная стеклянная крыша, плавно переходящая в окно. Я вижу ряды беговых дорожек и других тренажеров, а также штанги и гири. В клубе немногочисленно, но девушка говорит, что вечером и по выходным зал полон. Я осматриваюсь, вижу пару лет двадцати пяти,

пожилую даму и несколько мужчин. И Веронику.

Она стоит перед зеркалом в глубине зала и ритмично поднимает обеими руками круглый предмет. Соседка погружена в себя, на лице – полная концентрация. И что-то еще. Боль. Она тренируется до боли. Я вижу, как под кожей на руках играют мышцы. Я стою, не в силах оторвать от нее взгляда.

– Гири, – сообщает девушка, кивая на предмет в руках Вероники. – С их помощью можно быстро развить мускулатуру. Всего за пару недель руки становятся сильными.

– И сколько она здесь тренируется?

Девушка не скрывает удивления.

– Вы имеете в виду эту женщину? Не знаю. Но мы можем подойти ближе. Можете посмотреть и даже попробовать.

Я качаю головой, делаю шаг назад. Сотрудница клуба пожимает плечами, говорит, что все мне показала, больше ничего не осталось. Я могу купить абонемент или записаться на бесплатную пробную тренировку, если мне это интересно. Девушка благодарит меня и прощается. Я продолжаю стоять.

– Но она... она часто сюда приходит? Вы ее раньше видели?

Девушка хмурит брови.

– Кого?

Секундная заминка.

– Вы имеете в виду женщину с гирями?

Я застегиваю молнию на жилете и киваю.

– Я только хочу узнать, какое у вас о ней впечатление. Она ведет себя нормально? Или вы замечали какие-нибудь странности?

Девушка изучающе смотрит на меня, остатки доброжелательности испарились.

– Даже если бы я хотела, я не имею права обсуждать наших клиентов.

– Я понимаю, но...

У меня в горле стоит ком, который никуда не девается, сколько бы я ни сглатывала.

– Не имею права и не хочу.

Она поворачивается в сторону, машет коллеге. Я разворачиваюсь и стремительно иду к лифту. Не останавливаюсь, хотя они зовут меня. Не дожидаясь лифта, сворачиваю на лестницу и бегом спускаюсь вниз. Только оказавшись на улице, вся запыхавшись, я оглядываюсь через плечо. Никто меня не преследует. Я подхожу к дереву, прислоняюсь к шершавому стволу и сую озябшие руки в карманы жилета.

Много раз я говорила себе идти домой, но через сорок минут я все еще стою за деревом. Вероника выходит с румяным после занятий лицом и объемными после фена волосами. Спортивную одежду она сменила на обычную. Стоя за деревом, я дую на чай в бумажном стаканчике, который я купила в киоске на углу. Надкусанный хот-дог, который я брала вместе с чаем, уже валяется в урне. Нет, вкус у него был нормальный. Но стоило мне проглотить пару кусочков, как в голове раздался голос сестры: *«Анорексия, которой ты страдала в юности»*. Голос пронзительный, словно она вопит прямо мне в ухо. Это напрочь лишило меня аппетита.

Вжавшись спиной в дерево, медленно считаю до десяти и потом выглядываю. Вместо того, чтобы вернуться домой той же дорогой, Вероника быстро пересекает парковку и направляется к автобусной остановке. Куда она держит путь? Явно не домой. Отсюда почти все автобусы идут в центр. Соседка заходит под козырек остановки, присаживается на лавку и достает телефон. Я слежу за ней, несмотря на то, что все тело окоченело от холода. Я не замечаю ничего вокруг, кроме Вероники. Через пару минут автобус подъезжает к остановке. Двери открываются, Вероника заходит, и я вижу ее силуэт в окне автобуса.

Я бросаюсь к остановке. Бегу со всей мочи, горло горит, я задыхаюсь. Пятьдесят метров, двадцать пять, пятнадцать. Двери закрываются. Шофер смотрит на меня в зеркало, но, несмотря на то, что между нами остается метров десять, отъезжает от остановки. Автобус пыхтит, набирая скорость, и удаляется прочь, я замедляю бег, останавливаюсь, упираюсь руками в колени, чтобы перевести дыхание. Ноги словно налились свинцом. Поднимаю глаза и провожаю взглядом автобус, исчезающий за углом. Медленно выпрямляюсь.

Если бы водитель меня подождал, я бы села в автобус? Что было бы дальше? Что бы я делала?

Сую руки в карманы штанов и пинаю камень. Внутри кармана пальцы натываются на твердый предмет. Ключ Лео. Достая его и рассматриваю на свету. Он поблескивает у меня на ладони. Убираю его, поворачиваюсь и иду обратно. Пора возвращаться домой.

На подходе к нашему малоэтажному кварталу меня охватывает апатия. Я иду, вяло переставляя ноги, движимая чистой инерцией. Но все равно выбираю дорогу через дом Стормов. Только пройду мимо, ничего больше. Но ноги сами собой замедляют шаг, и я замираю. Я смотрю на фасад, выкрашенный краской пастельных тонов, смотрю в окно кухни, которую прежде наблюдала лишь издалека. День. Дома никого нет. Лео в школе, Филип на работе, Вероника... Если бы я сообразила посмотреть номер автобуса, то примерно знала бы, где она, но сейчас я понятия не имею. По крайней мере, дома ее вроде нет.

Ключ Лео почти невесом, но я чувствую его тяжесть в кармане штанов. И вдруг я снова держу его в руках и рассматриваю. Он словно проник меня, вонзился мне в плоть. Я подхожу к двери и изучаю черную табличку. «Здесь живет семья Сторм». Это Вероника выбрала гравировку? И был ли выбор слов случайным, или попытка дать понять гостям, что они в этом доме – посторонние? Иначе почему она не выбрала более гостеприимное «Добро пожаловать в дом семьи Сторм»? Я нажимаю на звонок, выжидаю, снова звоню. Мои действия необъяснимы. Я знаю, что никого нет дома, но руки двигаются сами по себе, живут своей жизнью. В доме тихо, никто не спешит открывать, время бежит.

Мне на ум приходит соседка, которая застучала меня за разглядыванием дома Стормов всего пару дней назад. Если она снова увидит меня под дверью, то может всерьез что-то заподозрить. Может, расскажет Филипу с Вероникой или просто-напросто позвонит в полицию. Оглядываясь – никого вокруг, вставляю ключ в замок и поворачиваю. Раздается щелчок, и дверь открыта. Невидимая сила, которая перед этим заставила меня выбрать дорогу мимо дома Стормов, теперь толкает меня внутрь. Сила воли меня оставила. Развернуться и уйти было бы лучшим выбором, но выбирать у меня нет сил.

Я закрываю дверь и осматриваюсь. В прихожей царит абсолютный порядок. Куртки и пальто ровными рядами висят на крючках. На полу ничего не валяется. Я снимаю обувь, но остаюсь в жилете. Слева от входа вижу кухню. Заглядываю, не заходя внутрь. Там все белое, но это я уже видела в окне. Никаких писем на столе, никаких магнитов или записок на холодильнике.

Поворачиваясь, замечаю пластиковый агрегат на стене над дверью. Ну

разумеется, у семьи Сторм есть сигнализация, как я не подумала. Я готова уже выскочить из дома, но тут соображаю, что она не пищит и не мигает. А ведь я внутри уже несколько минут. Судя по всему, она не включена. Но все равно скоро нужно уходить. Скоро.

Нижний этаж как и у меня, но сам дом больше, здесь есть еще одна комната. Гостиная обставлена в стиле минимализм. Взбитые подушки аккуратно лежат на расстоянии друг от друга на большом угловом диване. В соседней комнате располагается кабинет с держателями для газет, папками и рядами полок с юридической литературой. Дальше – комната для гостей. В ней кровать, накрытая вязаным покрывалом, письменный стол с компьютером. Еще там есть мольберт и бюро. На мольберте пусто, но, выдвинув ящик бюро, я вижу эскизы. Они выполнены в темных приглушенных тонах, и мотив на всех один и тот же. Женщина отрывает голову мужчине.

Я тянусь к следующему ящичку, но слышу какой-то звук и застываю. Где-то в доме звонит телефон. Я стою неподвижно и вслушиваюсь, пока звук не затихает. Сейчас? В тишине слышно только мое дыхание. Через минуту я снова в прихожей, где оставила обувь, но рука сама хватается за перила лестницы, ведущей на второй этаж, и снова невидимая сила толкает меня в другом направлении. Наверное, как раз там находится спальня – сердце этого дома. В голове звучат слова Лео: *«Книга, которую я одолжил, лежит в моей комнате рядом с компьютером. Если она вам понадобится»*. Неимоверное облегчение. Я пришла не просто так. Если меня застукают, я могу сказать, что в процессе работы мне понадобилось полистать старую книгу для вдохновения. Я только возьму книгу и пойду.

Ступеньки поскрипывают у меня под ногами, пока я медленно поднимаюсь на второй этаж. Дверь в ванну приоткрыта. Я замечаю песочного цвета плитку на полу, мозаичные узоры на стенах, пушистые полотенца. По обе стороны от ванной – закрытые двери. Я нажимаю на ручку, открываю дверь и заглядываю внутрь.

Если в других комнатах царят минимализм и стерильная чистота, то в этой – полный беспорядок. Все свободные поверхности, включая пол, завалены хламом. На незаправленной постели – джинсы и футболки. На полу где попало раскиданы раскрытые книги. На столе – груды тетрадей и бумаг. Поверх груды лежит моя книга. Делаю осторожный шаг вперед и беру ее. *Вот так. Теперь иди. Поторопись, пока никто не пришел.*

Выхожу из комнаты Лео и закрываю за собой дверь. Стараюсь ничего не задеть, не оставить следов. Смотрю на книгу в руке. Если я заберу ее, Лео будет знать, что я была у них дома. Ведь он сказал, что я могу ее

забрать, говорю я себе, но все равно испытываю потребность объяснить свой поступок... рассказать, зачем мне... Поспешно открываю дверь и кладу книгу на место.

И иду вниз по лестнице. Точнее нет. Мне *кажется*, что я иду вниз по лестнице. На самом деле я заглядываю в комнату напротив комнаты Лео. Там стоит широкая двуспальная кровать с овальным изголовьем, покрытая роскошным покрывалом. Я проскальзываю внутрь, обхожу кровать и подхожу к окну с тяжелыми шторами. Шторы по-прежнему задернуты. Прикроватная тумбочка со стороны окна завалена модными журналами. В тумбочке есть ящик. Я пытаюсь выдвинуть его, но он заперт. Я поднимаю журналы и провожу под ними рукой. Ключа нигде нет. Сердце колотится в груди. Что там хранит Вероника? Что там такого тайного, что она запирает ящик на замок и прячет ключ?

Я опускаю обратно журналы, но несколько выскальзывают из рук и шлепаются на пол. Я наклоняюсь, чтобы их поднять, и замечаю под кроватью что-то блестящее. Тонкий металлический предмет. *Нож*. Меня словно пронзает током. Только я протягиваю руку, чтобы достать его, как внизу раздается хлопок входной двери. Кто-то вошел в дом.

Снова воцаряется тишина. Я застываю с вытянутой рукой. От присутствия другого человека в доме по спине бегут мурашки. Можно ли выбраться отсюда незамеченной? Спрятаться под кроватью? Вылезти из окна? Одна безумная идея за другой проносятся в моей голове. Осторожные шаги по паркету внизу замирают у подножия лестницы. Я затаила дыхание. Слышу вопросительный возглас снизу и поднимаюсь на ноги. У меня нет другого выхода, как встретиться лицом к лицу. Выхожу из комнаты и медленно подхожу к перилам. Показываюсь вошедшему.

– Привет, – говорю я. – Я только хотела забрать книгу, которую одолжила.

– Привет, – отвечает Лео. – Хорошо.

Но он не смотрит мне в глаза. Его взгляд прикован к моим рукам. Пустым рукам.

За весь день на работе я так ничего и не сделал. Сижу на собрании, но понятия не имею, что мы обсуждаем. Я могу думать только о жене и о том, что случилось утром. Во второй половине дня закрываюсь в кабинете, дав ясно понять, что не хочу, чтобы меня беспокоили. В кабинете долго стою и разглядываю улицу внизу.

Сегодня утром я стоял у подножия кровати и смотрел на фигуру под одеялом. Колени подтянуты к груди, спина скрючена. Та же поза. Но что-то изменилось. Другая энергия в спальне. Внезапно мне показалось, что она собирается встать. Или уже вставала. И я не мог понять, надо ли мне радоваться или волноваться. Склонив голову, я разглядывал неподвижное тело жены в поисках какого-нибудь сигнала. В тот раз все было так же? Она так же лежала в кровати прежде чем?.. Что-то неприятно сдавило мне грудь.

Наконец я присел на край постели рядом с ней.

– Сейчас все не так, как тогда, – сказал я. – Совсем не так.

Ее первый возлюбленный предал ее и бросил ради другой, а я ее не бросал. Я колеблюсь, это правда, и понимаю, что принять это нелегко. Я понимаю, что для моей жены мучительна не только моя измена, но и то, что я не знаю, хочу ли пытаться сохранить мой брак. Но я по-прежнему здесь. Мы по-прежнему спим в одной постели, я не попросил развода. Я даже не виделся с Анной с тех пор, как рассказал о ней жене.

В порыве чувств я беру руку жены в свою.

– Ты ведь понимаешь? Прошлое в прошлом! Сейчас все по-другому.

Пальцы у нее холодные как лед, и я уже не понимаю, кого пытаюсь убедить – ее или себя самого?

Я бережно глажу жену по руке. Вспоминаю, какое унижение ей пришлось пережить. Как он, ее первая любовь, разбил ей сердце своей ложью и изменами, как оскорбил ее и унизил. И вспоминаю, на что он ее толкнул. Как потеря любимого и нежелание жить без него вынудили жену пойти на ложь. В надежде, что он вернется, она солгала, что беременна. Но этот мужчина не поверил ей. Более того, он рассказал всем эту историю, выставил ее на посмешище. И тогда она взялась за кухонный нож.

Я поворачиваюсь, подхожу к столу, поднимаю трубку и звоню домой. Гудки в трубке, никто не подходит к телефону. Наверное, спит. Или ее нет

дома. Но зачем ей меня обманывать? Зачем ей притворяться, что она не встает с постели, а потом исчезать из дома, пока меня нет? Мысли возвращаются к тому, что произошло сегодня утром. Я поеживаюсь.

Я не хочу, чтобы ты снова причинила себе вред. Эти слова вертелись у меня на языке, но я так их и не высказал. Потому что она пошевелилась. Она отдернула руку, и, когда я повернулся к ней, наши глаза встретились. Впервые с того ужина, когда я все рассказал. Ее взгляд помутнел. Мне захотелось вскочить с постели, но я удержался.

Она медленно перевернулась на спину и откинула одеяло. Потом начала поднимать ночную рубашку. Сперва я неправильно понял ее намерения, должен сознаться. Но быстро понял, что у нее и в мыслях не было меня соблазнять. Пальцы побежали по коже и еще прежде, чем они достигли цели, я понял, куда они движутся. В *то* место, куда она когда-то вонзила нож. К разрезу, который затем собственноручно зашила.

Мужчине, который не верил ей, который предал и унизил ее, она продемонстрировала рану и сказала, что сделала аборт. *Ты по-прежнему мне не веришь?* Он не верил. Аборт не так делают, сказал он, и добавил: «Что ты за чудовище?»

Когда она открыла всю правду и рассказала, что дело было не в проволоке... меня это шокировало. Если бы я не лежал, то, наверно, упал бы без сознания. Мне было трудно представить, что такое возможно, что человек сам может нанести себе такую травму. Мне не хотелось думать об этом. Не хотелось думать, что на это был способен не сумасшедший из новостей на телевидении, а близкий мне человек. Я не мог понять, как моя возлюбленная, моя жена могла сама вонзить себе нож в живот, сквозь кожу и мышцы. А потом собственноручно зашить рану.

Как зачарованный я смотрел на шрам на обнаженной коже поверх резинки трусов. Шрам, который обычно жена прятала. Сегодня она этого не делала. Сегодня она положила ладонь, сжатую в кулак, поверх шрама, а потом медленно выпрямила указательный палец. Рука буквально вибрировала от решимости. Палец указывал прямо на шрам. И когда я поднял глаза, я снова столкнулся с ее взглядом. На этот раз он был ясным, незамутненным. Я заглянул жене в глаза и увидел в них только темноту.

Рывком опускаю вниз жалюзи, чтобы происходящее в моей комнате и доме напротив не так хорошо просматривалось. Кухня сразу становится меньше и темнее, но именно это мне и нужно. Я не хочу видеть дом напротив, не хочу думать о выражении лица Лео, когда я спустилась по лестнице, прошла мимо него и вышла из дома.

Сперва я думала, что смогу справиться с ситуацией. Слова вертелись у меня на языке: взрослые, успокаивающие, объясняющие... Но Лео посмотрел мне в глаза, и я не смогла. Не смогла произнести ни слова, только пробормотала, что мне нужно идти, что я работаю. По крайней мере, это было правдой. Текст ждет, текст, который надо закончить прежде, чем позволю себе думать о будущем. О нашем с Петером будущем.

На кухне стоит компьютер с темным экраном. Он в спящем режиме, но включен. Напоминает о том, насколько резко я бросила работу несколькими часами ранее, так и не сохранив текст. Я касаюсь клавиши, и экран светится. Я долго смотрю на последние строчки. Отвожу взгляд. Ловлю себя на мысли, что я что-то упустила. Что-то очень важное. Что-то, что непременно нужно было... Но я гоню эти мысли прочь. *Перестань. Перестань откладывать на потом то, что нужно делать сейчас.*

Я приношу из гостиной стопку книг из тех, что собирала все эти годы. В них я черпала вдохновение для работы над моими собственными книгами. Присаживаюсь за стол, демонстративно повернувшись к окну спиной, и беру первую книгу.

Начинаю пролистывать страницы, читаю фрагменты в разных местах. Руки еще дрожат, но чтение успокаивает. Мне удастся сосредоточиться на книге и забыть о произошедшем. В стопке есть книги о психических расстройствах и диагнозах, психологии развития, деструктивных отношениях. Есть и книги о горе и потере близкого человека. Грудь сдавливает. *Мама.*

Откладываю в сторону одну за другой, стопка уменьшается. Я перебираю оставшиеся, изучаю обложки, останавливаю выбор на «*Как совершить убийство и остаться безнаказанным?*». Она вышла пару лет назад в небольшом второразрядном издательстве. Автор – скандально известный адвокат. Название сбивает с толку, заставляя поверить, что книга – в своем роде практическое руководство – предназначена потенциальным

преступникам. Сам факт ее издания вызвал много вопросов, протестов и пересудов.

Сморщившись, я открываю ее и читаю введение. Множество людей погибают каждый год в результате действий насильственного характера, но наша судебная-правовая система не в состоянии раскрыть эти преступления. Я переворачиваю страницы, листаю отчеты о совершенных убийствах. Автор приводит в пример истории с применением огнестрельного оружия, холодного оружия (топора), истории о поджогах, драках, вышедших из-под контроля, наркоторговле и срежиссированных самоубийствах, подробно разбирая и комментируя их. Особый интерес для него представляют дела, в которых можно найти аргументы для оправдательного приговора виновному. Он не говорит открыто, что можно совершить убийство и избежать наказания, но вынесенная в название книги идея красной нитью проходит через весь текст.

Я уже не пролистываю, а читаю. Пальцы меня не слушаются. Мне все сложнее не думать о том, что случилось со мной совсем недавно. *Я была у них дома. Под кроватью лежал нож.* Приглушенный звонок телефона вырывает меня из размышлений. Я вскакиваю. Где звонит? Вспоминаю, что телефон в кармане жилета, и спешу в прихожую. *Петер*, вспыхивает у меня в сознании. *Если это Петер, плевать на все, я попрошу его приехать и никогда больше не покидать меня.* Но это не Петер. Это сестра. И меня осеняет: сегодня пятница. Я совершенно об этом забыла. Я обуваю туфли и нажимаю кнопку ответа.

– Я как раз собиралась за продуктами.

– И тебе привет, – говорит сестра.

Я надеваю жилет, смотрю на часы. Осталась всего пара часов до ужина.

– Ты что-то хотела? Я имею в виду...

– Да, – отвечает она, – вообще-то да...

И делает паузу. Потом продолжает:

– Все в порядке? У тебя такой голос... Не знаю.

Я замираю и прислоняюсь к стене. Она твердая и шершавая. Если бы она могла, она бы меня оттолкнула, в этом нет никаких сомнений. Или, может, позволила бы мне упасть. Ускорила бы мое падение.

– Соседи, – слышу я свой голос. – Я была у них дома.

– Вот как? Не ожидала. С каких это пор ты такая общительная?

Я качаю головой.

– Это не то, что ты думаешь. То есть... это было...

Я пытаюсь объяснить, но слова не складываются в предложения,

спотыкаются друг о друга, не образуют связь. Паузы между предложениями увеличиваются, пока я наконец не замолкаю.

– Понятно, – произносит сестра. – Я хотела сказать, что только что говорила с папой. Он позвонил, чтобы поблагодарить за открытку на день рождения. Можешь себе представить?

Я тру лицо.

– Там что-то не так, – бормочу я. – Она притворяется, что не встает с постели, но на самом деле тренируется как безумная.

– Кто?

– Вероника. Женщина из дома напротив.

Сестра стонет.

– Ладно. Ты слышала, что я сказала? Папа звонил. Открытка его порадовала! По крайней мере голос у него был радостный. И знаешь, что еще? Ты не поверишь! Лучше присядь или держись за что-нибудь. Он сказал, что они подумывают приехать сюда летом. Я его не приглашала, но, если они приедут и останутся в отеле, мы можем встретиться, кофе выпить... Если хочешь, конечно...

– У меня плохое предчувствие. Она что-то планирует. Я в этом уверена. Но я не знаю когда и не знаю...

– Елена, прекрати!

Голос такой высокий и резкий, что я вздрагиваю. В трубке тихо. Через несколько секунд сестра заговаривает снова:

– Прости... Но мне кажется, что это помешательство на соседях не совсем нормально. Ты словно переключаешься на них вместо того, чтобы решать собственные проблемы.

Теперь вздох.

– Нам с тобой надо поговорить. Seriously.

Я сжимаю трубку.

– Хорошо, – отвечаю я. – Мы можем начать с того, что ты расскажешь мне о том, как у вас обстоят дела с Вальтером.

Не дожидаясь ответа, я говорю, что мы скоро увидимся, и отключаюсь. Открываю дверь, чтобы идти в магазин. Но все происходит не так, как я рассчитывала.

Кто-то стоит на пороге. Кто-то держит книгу в протянутой руке.

– Вы кое-что забыли, – говорит Лео.

После секундной заминки я беру книгу, которую не решилась унести из комнаты Лео. Он благодарит и поворачивается, чтобы уйти, но я кричу ему подождать и роюсь в карманах.

– А ты забыл вот это.

Поднимаю ключ в воздух, Лео возвращается, берет его и кладет в карман.

– Это было не лучшее решение, – говорю я. Хочу сказать что-то еще, но слова не идут.

Лео пожимает плечами:

– Лучше, чем совсем его лишиться, – он поднимает глаза. – По крайней мере, мне вернули один ботинок.

Мы смотрим друг на друга. Мне так стыдно за свой поступок, что я не осмеливаюсь спросить про обстоятельства. Наверное, он чувствует мое замешательство и потому под конец сам все рассказывает, по собственной инициативе. Сперва робко, но по мере рассказа раскрывает все больше подробностей. Все начиналось с записок в учебниках и карманах, с комментариев в социальных сетях. *Дебил. Прыщавый урод. Ботан. Гомик.* Потом добавились толчки, издевки, надписи на шкафчике. Больше оскорблений. *Отвратный. Недоумок. Омерзительный.* В последнюю неделю издевательства стали невыносимыми.

Лео бросает на меня смущенный взгляд.

– Я убеждаю себя, что это пройдет, что ребятам все надоест. Стараюсь держаться подальше, но они не оставляют меня в покое. Они презирают меня за то, что я люблю читать, не занимаюсь спортом и... не встречаюсь с девушками.

Он весь заливаётся краской.

Во мне поднимается волна гнева и возмущения. Мне так обидно за Лео, что это чувство заслоняет все прочие мысли.

– Как долго это уже продолжается? Сколько ты уже это терпишь?

– Не так долго. Раньше у меня был друг. Я общался только с ним, но он переехал зимой, и с весны они не оставляют меня в покое.

– Мы должны что-то сделать. Так не может продолжаться. Я помогу тебе.

Я внезапно замечаю, что мои руки сжаты в кулаки. Лео тоже это замечает, и я поспешно расправляю пальцы.

– Вы ничего не сможете сделать, – качает он головой.

Мне нечего на это ответить, и я поворачиваюсь, чтобы запереть дверь.

– Мама вернулась домой недавно, – говорит Лео у меня за спиной. – Ничего не сказала, пошла прямо в спальню. И теперь лежит там на кровати, словно ничего не произошло.

Снова поворачиваюсь к нему, медленно убираю ключ в карман. Лео взмахивает руками.

– Куда она ходила? – восклицает он и скрещивает руки на груди. – Я не хочу... Я не могу сейчас идти домой...

Я застыла. Мне нужно купить продукты для ужина с сестрой. Но как я могу повернуться к нему спиной после того, что сделала, после того, как Лео доверился мне и рассказал обо всем? Как я могу вот так просто взять и уйти, оставить его, когда он так смотрит на меня?

– Пошли, – говорю я, доставая ключ. – Зайдешь ко мне ненадолго.

* * *

Я закрываю компьютер, поднимаю жалюзи и складываю разложенные книги в стопку.

– Я ненадолго, – уверяет меня Лео. – Я просто не понимаю...

Он стоит посреди кухни, руки заложены в задние карманы джинсов.

– Она сегодня выходила. Не знаю куда. Может, в центр. Но почему она тогда целыми днями лежит в постели? И говорит папе, что больна? – Он медленно качает головой и повторяет: – Я ничего не понимаю.

Я предлагаю Лео присесть, и он выбирает стул, на котором я сидела совсем недавно. Я присаживаюсь напротив. Ноги все еще онемевшие от долгого сидения, и мне с трудом удастся их скрестить. Я украдкой поглядываю на Лео через стол. Неужели он так и не спросит, что я делала у него дома? Ведь, стоя внизу в прихожей, он явственно видел, что я вышла из спальни его родителей. Неужели это не показалось ему странным?

Но Лео ничего не говорит. И ничем не выдает, что счел мое поведение подозрительным. Но как бы то ни было, он ведет себя так, словно ничего не произошло. Словно того момента, когда мы стояли – я на лестнице, он внизу – и смотрели друг на друга, никогда не было.

Лео поворачивается к окну и сует палец в горшок, говоря, что их пора поливать. Я была так занята книгой, что совсем забыла про это. Соглашаюсь с ним и говорю, что он прав как никогда.

– Вы чем-то сильно заняты? Пишете новую книгу?

Я киваю. Лицо Лео озаряется. Он просит рассказать больше.

– Необязательно раскрывать сюжет. Скажите только, что происходит в той главе, над которой вы сейчас работаете!

Не знаю, что на меня находит. Обычно я ни с кем не обсуждаю книгу в процессе работы. По крайней мере, пока рукопись не будет закончена. Но перед энтузиазмом Лео невозможно устоять. А может, чувство вины подталкивает меня к тому, чтобы рассказать ему сюжет.

– Речь идет о женщине, – говорю я. – Она странно себя ведет. У нее много секретов.

– Каких?

Я опускаю глаза и подпираю подбородок рукой.

– Например, она ищет странные вещи в Гугле. Посещает форумы... куда нормальные люди не заходят... посвященные насилию...

– Это сложно писать?

– Хм...

Я смахиваю невидимые крошки со стола.

– Самое сложное – это написать правдоподобно, заставить читателя поверить, что это происходит на самом деле.

Лео наклоняется вперед.

– Вы хотите сказать, что эти форумы должны существовать в реальности? Чтобы реальная женщина могла их посетить?

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом. Пора менять тему.

– Что-то в этом роде. А как дела с твоим сочинением, ты уже сдал его преподавателю?

Лео качает головой и поясняет, что пока недоволен результатом и текст надо еще доработать. Рассказывая, он разглядывает стопку книг на моем столе, и его глаза загораются.

– У мамы тоже такая есть.

Он достает книгу и показывает мне. *«Как совершить убийство и остаться безнаказанным?»*. Несмотря на то, что я совсем недавно держала ее в руках, сейчас она вызывает у меня совсем другие чувства. В руках Лео обложка кажется мрачной и зловещей, а название – кричащим.

– И давно она у нее?

– Что?

– Когда она ее купила?

Лео хмурится, силясь припомнить.

– Не знаю... Может, это могло быть... я не уверен, но...

Он думает, тянет слова. Слышно тиканье кухонных часов. И с каждым

незаконченным предложением Лео, с каждой мыслью, которую он не может выразить, они тикают все громче и громче.

– Когда она ее купила, Лео? Недавно? – не выдерживаю я.

Только увидев вздернутое вверх лицо Лео, я понимаю, что вскочила на ноги и возвышаюсь над ним. По нему видно, что мой вопрос его встревожил. Над верхней губой выступили капельки пота.

Он пожимает плечами. Говорит, что хотел бы ответить, но, к сожалению, не помнит. Он возвращает книгу в стопку и встает.

Атмосфера в комнате изменилась, или мне это только кажется? Я провожаю Лео в прихожую, интересуюсь, вернулся ли отец – только для того, чтобы что-то сказать. Он трясет головой, отвечает, что у отца важная встреча вечером. Несмотря на то, что сегодня пятница.

– Но он придет домой, даже если и поздно. Потому что завтра родители отправляются в поездку. Вдвоем.

– Вот как? И куда же?

Лео засовывает ноги в кроссовки.

– Не знаю. У мамы скоро день рождения, и папа подготовил ей романтический сюрприз. Он не сказал, куда они едут, но я догадываюсь.

Он делает паузу и продолжает, не дожидаясь моего вопроса:

– Здесь неподалеку есть горы. Папа давно уже говорит, что хочет поехать туда с мамой на хайкинг. С вершины открываются потрясающие виды.

Лео имитирует чей-то голос, когда произносит последнюю фразу – судя по всему, отца. У меня в голове не укладывается все, что он мне сейчас рассказывает.

– Но разве твоя мама в состоянии ехать? Она же на больничном...

– Это только на один день. И, судя по всему, она в лучшей форме, чем хочет казаться...

В голосе Лео звучат резкие нотки. Он открывает дверь и держит руку на ручке.

– Но вы правы. Случится чудо, если они правда поедут. В последнее время отношения у них натянутые. Родители думают, что я ничего не замечаю, но...

Он оставляет фразу незаконченной и смотрит на меня. Я понимаю, что он думает о моем браке.

– Брак это не так просто, да?

Я киваю: да, не так просто.

Лео прощается и желает мне удачи, идет через двор к себе домой. Но посреди дороги оборачивается и смотрит на меня в лучах заходящего

солнца:

– В комнате для гостей есть компьютер. Только она им пользуется. Я могу проверить историю поиска, если хотите.

Прежде, чем я успеваю ответить или вообще осознать сказанное, он снова поворачивается ко мне спиной и не идет, а бежит к дому.

Я стою в дверях и смотрю, как он исчезает. Не могу пошевелиться, не могу вздохнуть. Что он имеет в виду? Предлагает проверить историю поиска в компьютере Вероники? Но зачем? Не думает же он, что я... Что-то вертится у меня в голове, что-то из разговора, который только что состоялся.

Он открывает дверь дома напротив и входит внутрь, а я все еще стою на пороге. Сумерки сгущаются, холодный ветерок вырывает меня из оцепенения. Я снова открываю дверь и вхожу внутрь. Надеваю жилет, выхожу и запираю дверь.

На улице я звоню сестре, чтобы спросить, что она хочет на ужин. И сказать, что буду рада ее видеть. Но когда она берет трубку, с языка срываются совсем другие слова:

– Извини, но я вынуждена отменить сегодняшний ужин.

Убить другого человека. Как это делается? Она ничего об этом не знает. Пальцы дрожали, когда она набирала слова в строке поиска.

Она не ожидала, что смерть, насильственная смерть, способная унести жизнь другого человека, находится на расстоянии пары нажатых клавиш. Но это оказалось так. Боже мой, все оказалось так просто.

Она попала на теневой форум, пролистала ветки обсуждений, где люди задавали разного рода вопросы. Какой способ выбрать? Какое оружие самое надежное и эффективное? Как не оставить следов? Что делать с телом? Отвечали сразу же. За анонимными никами и абстрактными аватарами скрывались люди, которые в деталях описывали, как бы они поступили. Или как поступили в прошлом.

Не делай сам, найми кого-нибудь из криминального мира. Делай сам, это вернее всего.

Лучше всего вне дома. В лесу. Рядом с водой. В горах.

Действуй неожиданно, напади исподтишка. Усыпи внимание жертвы.

Тупой предмет. Колющее оружие. Огнестрельное оружие с глушителем.

Взорви. Задуши. Отрави.

Обставь это как несчастный случай.

Оставь труп на месте. Если будешь трогать – есть риск оставить волоски, отпечатки пальцев, частицы кожи на теле жертвы. Не оставляй труп на месте.

Используй пластиковые пакеты. Пользуйся перчатками, сожги одежду и обувь.

Закопай. Сожги. Выброси в море.

Под конец буквы начали расплываться перед глазами. Текст было невозможно разобрать. Изможденная и ошеломленная, она закрыла компьютер и вернулась в постель. И прежде чем погрузиться в объятия сна, она вспомнила только что прочитанные строки. Одно предложение из моря слов врезалось ей в память. Один, по-настоящему полезный совет.

Обставь это как несчастный случай.

Фирма Филипа Сторма находится в высотном здании. Задрав голову, я насчитала двенадцать этажей. Это офисное здание, где арендует площади множество компаний. С моего места перед входом видно, как мужчины и женщины в деловых костюмах со строгими прическами выходят из дверей. Прислонившись к колонне, я выискиваю среди них прямой профиль и залезанные назад черные волосы. Я пришла совсем недавно, но видела его уже два раза. Оба раза порывалась подойти к нему, но каждый раз останавливалась.

Что я ему скажу? Как объясню, кто я и с какой стати он должен верить моим предостережениям? Да и о чем я хочу его предостеречь?

Мне стоило заранее разработать план, подумать, что я собираюсь сделать. Отчасти я понимаю, что, но шум в голове не дает мне покоя. Я чувствую, что нужно спешить, нужно предотвратить что-то ужасное, но мысли мешают, не позволяют собраться.

Даже ждать у меня нет терпения. Я захожу внутрь и подхожу к стойке рецепции рядом с лифтами. Называю его имя. Мой голос похож на писк. Девушка с аккуратным пучком на голове вбивает имя в компьютер и поднимает глаза.

– Филип Сторм ушел с работы больше часа назад.

Я смотрю на нее во все глаза. Думаю о том, что сказал Лео, что у отца важная встреча и что он вернется поздно.

– Это невозможно, – говорю я. – Пожалуйста, проверьте еще раз.

Она подчиняется и по моей просьбе даже набирает его номер.

– Ничего не могу поделать, – качает она головой. – Он отключил телефон.

– Но это важно, мне нужно с ним поговорить!

Я почти кричу. Кладу руки на стойку и нагибаюсь вперед.

Женщина меняется в лице.

– Будьте добры, успокойтесь. Филип Сторм вернется в понедельник и тогда...

– Если его нет здесь и нет дома, то где он тогда? Где? Можете мне сказать?

Я осознаю, что ответ очевиден, убираю руки и разворачиваюсь. На ватных ногах я выхожу из здания. Постепенно ускоряю шаг. *Ну конечно же.*

Я знаю, где он. И с кем.

Я бегу мимо тех же ресторанов и магазинов, что и несколько дней назад. Бегу по следам Филипа Сторма. На улице на этот раз много людей. Родители с детьми, группы друзей. Я чуть не врезаюсь в маму одной из семей. Не выпуская из рук коляску, она инстинктивно прижимает к себе дочь трех-четырёх лет. Наши взгляды встречаются, и что-то мелькает у нее в глазах и больно ранит меня. *Нет*, – хочется мне крикнуть, – *я не такая. Не такая.*

Я спотыкаюсь, чуть не падаю, слышу ругательства и закрываю уши руками. Иду вперед, но что-то изменилось. В ушах гудит. Что я тут делаю? Зачем я здесь? Я словно смотрю на себя со стороны и вижу, как странно я себя веду, как странно выгляжу. Мечусь куда-то без цели. Взгляд матери не выходит у меня из головы.

Шаг замедляется. Я подхожу к подъезду, где видела Филипа Сторма с рыжеволосой женщиной. Что делать дальше? Код от подъезда я не знаю, а даже если и проберусь внутрь, я же не могу вот так просто ходить и стучать наугад в двери? *Или могу?*

Я иду еще медленнее, озираясь по сторонам. Мой взгляд отмечает машины, дорожные указатели, витрины, рестораны, людей. Повсюду люди. Они говорят, смеются, обнимаются. В воздухе – атмосфера радостного предвкушения. Скоро выходные. Люди собираются домой отдыхать и общаться с близкими. Я смотрю на свое отражение в окне ресторана и вижу мрачную одинокую женщину. Перевожу взгляд со своего отражения на посетителей. Ресторан заполнен довольными людьми, сидящими вместе за тяжелыми деревянными столами. Парочки, друзья, коллеги. Снова смотрю на свое отражение, на эту одинокую женщину, которой некого больше держать за руку, не с кем вместе ужинать, некого обнимать.

Думаю о тебе. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Что мы такое творим? Что мы уже натворили?

Без обязательств, без ожиданий, просто увидеться и поговорить. Я так по тебе скучаю.

Внезапно мне хочется плакать. Поехать домой, запереть дверь, опустить жалюзи и никогда больше не показываться на улицу.

И в это мгновение я вижу их.

Они сидят за столом в глубине ресторана, у бара, с бокалами пива в руках. Рыжеволосая пьет, Филип что-то говорит. Судя по всему, это что-то смешное: женщина отнимает бокал ото рта, ставит на стол перед собой и

заливается смехом. Они вдвоем за столом и сидят напротив, а не рядом. И хотя их тела не соприкасаются, видно, что эти двое не могут отвести глаз друг от друга.

Там внутри сидит мужчина, из-за которого я сейчас здесь. Тот, кто должен узнать, должен получить шанс... Мысли мечутся в голове... во рту пересохло. С чего начать? Как сформулировать то, что нужно сказать? И самое главное – как он отреагирует? Инструктор в фитнес-клубе, женщина на рецепции, молодая мама с коляской... Я вспоминаю выражения их лиц. Что, если Филип Сторм посмотрит на меня так же? Что, если он повернет сказанное против меня, решит, что я сумасшедшая или еще что похуже... Пульс учащается, но я мысленно говорю: «Не гони, действуй постепенно». Эти слова оказывают успокаивающий эффект, и я повторяю их про себя еще несколько раз. *Постепенно*. Паника отступает. Я беру себя в руки, делаю несколько шагов в сторону, открываю дверь ресторана и вхожу.

Худой мужчина весь в черном приветствует меня, и после того, как я говорю, что зашла только выпить, приглашает пройти к бару. Пара стульев пустуют, и я сажусь на ближайший к столику Филипа и его спутницы. Заказываю бокал белого вина. С бокалом в руке поворачиваюсь вполоборота к их столику. Мне нужно видеть, что делают Филип с рыжеволосой, слышать, что они говорят друг другу. А потом я подумаю, что делать дальше. *Действуй постепенно*.

Они всего в паре метров, но, естественно, меня не замечают. Я им чужая, незнакомое лицо в толпе. С моего стула я вижу их в профиль. Рыжеволосая улыбается Филипу, подперев голову рукой. Тот нагибается вперед, я слышу его голос, но из-за шума в ресторане не могу разобрать слов. Я делаю несколько глотков вина, осматриваюсь, пытаюсь принять беззаботный вид и одновременно обдумываю, как бы мне подобраться к ним ближе, чтобы было слышно, что они говорят. Минуты проходят, в голову ничего не приходит.

Я поднимаюсь и медленно иду к их столу с бокалом в руке. Делаю вид, что увидела кого-то и иду к нему. Проходя мимо их столика, напрягаю слух и фокусируюсь.

– ...поедем каждый в своей машине... ты будешь меня ждать... встретимся прямо там, чтобы она...

– ...совсем скоро... я жду с нетерпением... домик... восхитительно.

Слова звенят у меня в ушах. Столик остается позади. Я стою посреди ресторана и не знаю, куда идти дальше. Что теперь? Замираю, бросаю взгляд на часы, делаю вид, что ищу кого-то среди гостей. Потом поворачиваюсь и иду обратно к бару. Рыжеволосая женщина поднимает

глаза, и мы встречаемся взглядом. Этого достаточно, чтобы я резко развернулась и пошла к бару в обход.

Стул, на котором я сидела, теперь занят. Прислонившись к стойке бара, допиваю вино и заказываю еще один бокал. На этот раз выпиваю половину в несколько глотков. Поворачиваюсь и снова иду в их сторону, крепко стиснув бокал в руке. Когда я подхожу ближе, рыжеволосая снова смотрит на меня. На этот раз она задерживает взгляд. Я опускаю глаза, но когда поднимаю, она все еще смотрит на меня. Спустя целую вечность она снова переводит взгляд на Филипа. В ушах шумит, мне сложно сосредоточиться, я не слышу, о чем они говорят. Мне нужно как-то с ним заговорить. Нужно заставить его понять.

Снова стою посреди ресторана без определенной цели, без друзей, к которым можно было бы подсесть.

Тело действует само по себе. Взгляд упирается в затылок Филипа. Мне не удается отвести от него взгляда. И я стою посреди ресторана и плююсь на мужчину, который меня не знает.

Они разговаривают, так близко наклоняются друг к другу, что их лица почти соприкасаются. *Если он вдруг поцелует ее здесь, на глазах у всех, что мне тогда делать?* Внутри меня все сжимается в тугой узел, а рыжеволосая тем временем снова поднимает взгляд и смотрит мне прямо в глаза. Я знаю, что должна отвести глаза, перестать пялиться, но не могу. Проходит целая вечность, или, по крайней мере, мне так кажется. И тут сразу происходит несколько вещей.

Я наклоняюсь вперед, и одновременно Филип поднимается и идет в сторону туалета. Я начинаю движение. *Ты в опасности.* Слова вертятся на языке, но он стоит спиной ко мне, не замечая моего присутствия. В отличие от других людей. Рука вытягивается вперед, и чужие пальцы сжимают мое запястье.

– Вам чем-то помочь?

Филип исчезает за углом, а я смотрю на женщину рядом со мной. У нее зелено-голубые глаза, покрасневшие щеки. Из небрежного пучка выбиваются рыжие пряди. Она так резко отличается от жены Филипа с волосами, всегда собранными в аккуратный конский хвост. Может, поэтому его так влечет к ней? Потому что она – полная противоположность жене?

Мы смотрим друг на друга, потом я опускаю глаза на ее пальцы у меня на запястье. Она держит меня. Крепко держит. *Отпусти.* Слова поднимаются, но застревают в горле. Они звучат у меня только в голове. Собрав последние силы, я отдергиваю руку. Оказывается, что хватка не была такой уж и сильной, потому что рука легко выскользывает из нее. Но

приложенная мной сила так велика, что я буквально отлетаю в сторону, теряю равновесие и роняю бокал. Он падает на пол и разлетается на сотни осколков.

Я смотрю на пол. Повсюду осколки и разлитое вино. Кто-то кричит. Чувствую вибрацию в горле и понимаю, что кричу я. Вокруг воцаряется тишина. Или у меня закладывает уши. Рыжеволосая женщина смотрит на меня теперь по-другому. Глаза у нее широко распахнуты, ладони выставлены вперед перед собой, спина вжата в спинку стула. Я смотрю на соседний стол, потом на следующий, обвожу взглядом ресторан и повсюду вижу те же высоко поднятые брови, нахмуренные лбы и тревожные взгляды. Сумасшедшая, думают они.

Я вижу, как худой мужчина, лавируя между столами, направляется в нашу сторону. Я бросаю последний взгляд на рыжеволосую. Ее губы шевелятся, но я не слышу слов. Может, я что-то говорю ей, я не знаю. Я поворачиваюсь и со всех ног бегу прочь, выбегаю из ресторана, бегу вниз по улице, не оглядываясь. Перебегаю перекрестки и заворачиваю за угол. Бегу по освещенным улицам и темным проулкам. Бегу в никуда.

Обратно к руинам моей прежней жизни.

Сегодня я виделся с Анной. Против обыкновения мы договорились встретиться в ресторане. Наверное, это была не лучшая идея. Сперва все было как обычно. Мы болтали, она смеялась, но потом что-то изменилось. Видно было, что ее что-то гнетет. Мы рано ушли, пошли к ней домой и легли в постель, которую она не заправляет. Но даже это происходило не так, как раньше. У меня было ощущение, что наши мысли витают где-то далеко.

Это была наша первая встреча с тех пор, как я рассказал о нашем романе жене. Анна хотела узнать, как отреагировала супруга. Одно за другим, и внезапно я поведал ей историю моей жены. Как ее однажды в юности предали, и на что это предательство ее толкнуло.

Теперь я понимаю, что не стоило этого делать. Нельзя было рассказывать любовнице самый страшный секрет моей жены. Жена доверилась мне, а я не оправдал это доверие. Каким бы ужасным ни был поступок жены, я не имел никакого права рассказывать о нем другим людям.

Сейчас я дома, но не могу перестать думать об этом. Мы лежим в постели, нас разделяет плотный занавес тишины. Зачем я рассказал о шраме и его происхождении Анне? Как мог так обмануть доверие жены?

Тогда я не задумывался об этом, все мое внимание было сосредоточено на Анне. Я заметил, как она утихла и отдалилась. Я наклонился над ней и увидел, как она побледнела. Вся краска сошла с лица. Только тогда до меня дошло, какой эффект оказал на нее мой рассказ. Мне вспомнилась собственная реакция, когда я узнал эту тайну, как я сидел на полу, склонившись над унитазом и как казалось, что меня выворачивает наружу. Как я боялся, что никогда не смогу посмотреть жене в глаза.

Но теперь Анна отводила глаза и теребила край простыни руками.

– Кухонный нож, – прошептала она, – ты имеешь в виду обычный кухонный нож? Она просто вот так взяла его и вонзила в себя? И нитка? У нее была медицинская нитка? Нельзя же вот так просто взять катушку обычных ниток и...

Она затихла, я не знал, что ответить. Мне и в голову не пришло тогда задать такой конкретный вопрос, какой задала Анна. Я об этом не думал. Мне важны были не детали, а то, что человек способен на такую

жестокость по отношению к самому себе, что такое вообще возможно. Я так и сказал Анне, хотя и слышал, что это звучит слишком хладнокровно и назидательно, но Анна меня не понимала.

– Она не совсем нормальная, эта женщина.

– Что ты хочешь сказать?

Она заметила тревогу в голосе, положила руку мне на грудь и серьезно посмотрела в глаза:

– Судя по этой истории, она способна на все что угодно.

– Это произошло много лет назад. Она была очень молода.

– Двадцать один год, – возразила Анна. – По-моему, это уже довольно зрелый возраст.

Я отвел взгляд. Мне хотелось верить, что поступки жены в прошлом не имели никакого отношения к тому, кем она является сейчас. Я предпочитал списывать все на юношеские безумства. Я хотел так думать, но у меня не получалось. И поэтому я сейчас был не с женой, а с Анной.

Какое-то время мы лежали молча. Анна прижалась ко мне, я чувствовал кожей ее тепло.

– Мне нужно переживать? – спросила она внезапно.

Я повернул голову и нахмурил брови:

– Переживать о чем?

– Что она будет меня искать?

– Она не знает, кто ты.

Анна перевернулась на спину и убрала руку с моей груди. Судя по всему, мой ответ ее не удовлетворил. Я повернулся на бок, оперся на локоть и посмотрел на нее. На лице Анны была написана тревога.

– Она не причинит тебе зла.

Анна закусила губу и отвернулась.

– Или мне, – добавил я.

Тогда она снова повернулась ко мне. Мы долго смотрели друг на друга. Потом она пододвинулась ближе и обняла меня рукой.

– Обними меня крепко, – прошептала она.

Я сделал, как она просила, и почувствовал, что Анна дрожит.

* * *

Я не могу заснуть. В доме странная атмосфера. Жена лежит, как обычно, в позе эмбриона, повернувшись ко мне спиной. Невозможно

определить, спит она или тоже бодрствует.

Так больше продолжаться не может, подумал я. Нужно разорвать этот порочный круг, выйти из этой ситуации. Я не знаю, чего я хочу, не могу дать никаких гарантий, но так больше не может продолжаться. Нам нужно уехать ненадолго, сменить обстановку, поговорить обо всем начистоту. Дома это невозможно.

Я закрываю глаза и чувствую, как погружаюсь в сон. *Все будет хорошо*, вспыхивает у меня в мозгу, *мы со всем разберемся*. Но кто – мы? Я и моя жена? Или я и Анна? Но я не успеваю ответить на этот вопрос и погружаюсь в сон.

Ждать Филипа Сторма перед офисом, спрашивать о нем на рецепции, входить в ресторан, где он сидел с рыжеволосой, и кружить вокруг его стола. Как мне это в голову пришло? Никто меня не вынуждал. Я делала это не ради Филипа Сторма. Я делала это ради себя.

Пульс наконец замедлился. Я снова сижу у себя дома на кухне на обычном месте перед открытым компьютером. Взгляд мечется между экраном и окном. Сердце бьется спокойно, равномерно, но в душе у меня царит хаос. Я не смогла поговорить с Филипом Стормом, не рассказала ему о своих опасениях. Не отговорила от поездки с женой в горы. Может, я и не собиралась этого делать, может, мне нужно было что-то другое? Может, я хотела еще раз увидеть его вместе с рыжеволосой, чтобы утвердиться в своих подозрениях. Подслушанные слова по-прежнему звенят у меня в ушах.

– *...поедем каждый в своей машине... ты будешь меня ждать... встретимся прямо там, чтобы она...*

– *...совсем скоро... я жду с нетерпением... домик... восхитительно.*

Я опускаю глаза на текст на экране, над которым работала всю последнюю неделю. Это рассказ о счастливой на первый взгляд паре. Паре, у которой, как кажется окружающим, есть все, что нужно для счастья. Пишу об их любви, в которую слепо верит жена и которую он предает своей изменой. Пишу о том, как темнота постепенно поднимается изнутри и заполняет все ее существо. Это всего лишь текст, буквы и предложения в моем компьютере, или за ними есть нечто большее? Может ли мой текст влиять на поступки других людей и на их судьбу? Нет, это невозможно, что за странная мысль! Но тогда почему мне кажется, что речь идет о семье в доме напротив?

Я поднимаю взгляд к темным окнам кухни напротив. Все началось с того инцидента с розами. То, как Вероника терзала ножницами прекрасные цветы, разбудило мою фантазию. *Внезапно у нее в руке оказались ножницы. В следующую секунду растерзанные цветы усыпали пол.*

После того вечера я продолжила работу над текстом. Сперва это были фрагменты, но в последние дни я стала более сосредоточенной и стремилась связать эти фрагменты в целое последовательное повествование. И оно будет мрачнее всех моих предыдущих работ. Новость

об измене мужа вызывает у героини шок. Но потом она решает отомстить.

Внезапно она осознала: что бы ни случилось, он не может продолжать жить как ни в чем не бывало. Или вообще жить. Она этого не допустит.

Несмотря на сильные эмоции, героиня не хочет совершать импульсивных поступков. Она начинает заниматься спортом, чтобы сделать свое тело сильным, и ищет информацию об убийствах в книгах и в интернете. Героиня все тщательно планирует, ничего не оставляет на волю случая. В тюрьму она не собирается.

Обставь это как несчастный случай.

Слезы Вероники за ужином с Филипом. Задернутые шторы в спальне. Слова Лео о том, что мама снова погружается во мрак. Тайные тренировки в фитнес-клубе, «*Как совершить убийство и остаться безнаказанным?*». Все это есть в моем тексте. Сперва я относилась к этим пугающим параллелям на счет случайных совпадений, но мне все сложнее смотреть в глаза правде. С моей историей что-то не так, или точнее все слишком так.

Самое тревожное в этой истории – причинно-следственная взаимосвязь. С розами все было просто. Я увидела, как она с ними расправляется и написала об этом. Но потом что-то случилось. Возникает ощущение, что то, что я пишу, влияет на происходящее в доме напротив. Словно я предугадываю то, что произойдет на самом деле. Словно я... косвенно влияю на ход событий. *Влияю или управляю им?*

Передо мной Филип и рыжеволосая женщина, их лица совсем близко. Я зажмуриваюсь и вижу, как она сбрасывает туфли, ласкает ступней его ногу под столом. Картины расплываются у меня перед глазами, действительность смешивается с фантазией. Я видела это на самом деле или мне все это показалось? Где правда? Я отодвигаю компьютер, отворачиваю от себя экран и тру лицо руками. Я больше не могу это выносить. Что выносить? Мысль о том, что моя книга вот-вот сотворит с семьей Сторм или мое собственное растущее замешательство?

Выхожу из кухни и иду в ванную. Лампа над раковиной шумит, из стока идет неприятный заплесневелый запах. А может, это пахнет от меня? Я долго смотрю на свое отражение в зеркале в ярком свете лампы. *Прекрати. Прекрати эти бесполезные мысли. Хватит искать связи там, где их нет.* Я поднимаю руку к закрытому шкафчику и замираю. Представляю, как открою его и увижу записку на дверце. Записку, в которой написано, что муж думает обо мне, как много я для него значу, как

сильно он меня любит.

Пазл из двух фрагментов.

Мысли о Петере причиняют мне острую боль и заслоняют все остальные переживания. Я открываю шкафчик и тянусь за дезодорантом. На дверце ничего нет. Как не было и на кухне, когда я пришла домой. Как и не будет под подушкой, когда придет время ложиться спать. Мажу дезодорантом под мышками и закрываю шкафчик, но продолжаю стоять перед зеркалом. Думаю о том, что Петер написал о девочке в парке, которая его растрогала. Та, что была похожа на меня и могла быть нашей дочерью. Думаю о том, что он написал в начале письма. Что что-то случилось. Так он выразился? Или нет?

Смотрю на себя в зеркале. Щеки и лоб бледные. Кожа висит складками. Сосуды в глазах полопались. Но это легко можно исправить косметикой. Пара глазных капель – и следы бессонницы исчезнут. Но выражение глаз... с этим сложнее – ни один косметический продукт в мире тут не поможет.

Со зрачками что-то странное. Они крупнее и темнее, чем обычно. Я похожа на акулу, думаю я, на чудовище без век, которое медленно рыщет в глубинах в поисках ничего не подозревающей добычи. Отшатываюсь, но не могу отвести глаз от зеркала.

Нет никакой связи между семьей Сторм и тем, что пишу. Моя книга – это моя книга и ничего больше. Филип и Вероника – а не мои пальцы на клавиатуре – пишут историю своей жизни.

Если что-то случится с Филипом в горах завтра, если он на мгновение повернется спиной, получит толчок в спину и свалится в пропасть, ты тут будешь ни при чем? В этом не будет твоей ответственности, не будет твоей вины?

Я ничего не могу сделать, чтобы этому помешать. Ничего.

Это неправда. Ты можешь кое-что сделать. Точнее, НЕ делать.

Я делаю еще один шаг назад, останавливаюсь, обдумываю последнюю мысль, анализирую ее. Киваю самой себе. О'кей, решено. Я не напишу ни строчки, пока супруги Сторм не вернутся домой из поездки целые и невредимые.

Я не напишу ни слова. Я буду сидеть и ждать, пока они вернутся домой.

Или не вернутся.

Неужели вот так все и закончится?

Я шатаюсь на краю, оборачиваюсь, встречаюсь с ней взглядом. Эти глаза когда-то встретились с моими перед алтарем крошечной деревенской церквушки. Тогда они были полны жизни, полны любви. Теперь же потемнели от ненависти. Выражение ее глаз говорит о жажде мести. И я вижу на ее лице решимость, целеустремленность, которой давно уже не наблюдал. И только сейчас меня посещает мысль: то, что происходит, то, что произойдет – никакая не случайность. Моя жена выжидала. Желала мне смерти.

Я столько волновался за нее... а теперь понимаю, что волноваться нужно было за себя.

О стольком можно было бы подумать в этот момент, столько картин должны были бы пронестись перед глазами, но все, что я вижу, это церковь, в которой мы обвенчались.

Как так вышло? Как мы докатились до такого?

Все происходит быстро, но каждое мгновение длится вечность. Она подходит ближе, становится совсем рядом. Поднимает одну руку, потом другую. Сейчас я упаду и разобьюсь. Сейчас все закончится.

Три, два, один.

Сейчас.

Погоди... вместо того, чтобы толкнуть меня в спину, жена протягивает мне руку. Я принимаю ее, у меня нет другого выбора, ее ладонь теплая, она притягивает меня ближе к себе, прочь от пропасти под моими ногами. Я не упаду, я в безопасности. Оцепенение проходит, и я, тяжело дыша, опускаюсь на землю у ее ног.

Жена кладет руку мне на плечо. Я смотрю на нее. Ее глаза выглядят как обычно. Куда подевалась черная ненависть? Была ли она там вообще или я это себе вообразил? Может, страх так на меня подействовал?

– Вставай, – просит она.

Я поднимаюсь на дрожащих ногах, снова с ее помощью и поддержкой. Стою рядом с женой и не знаю, обнять ли ее или бежать прочь.

– То, что случилось тогда, – говорит она. – То, что я сделала... шрам на животе.

Киваю и сглатываю.

– Это было не все.

Она начинает рассказывать.

Говорит и говорит.

И когда она замолкает, все меняется. Снова.

Они дома.

Я вижу, как они возвращаются. Стою сбоку от окна и смотрю, как соседи идут через двор. Вероника идет впереди, Филип – в нескольких метрах позади. Я окидываю их взглядом – сначала жену, потом мужа. Отмечаю элегантную одежду и аккуратные прически. Никаких штормовок, грубых ботинок или пухлых рюкзаков. Значит, сюрпризом был не поход в горы, как я думала. Они не выглядят влюбленными, но они живы. Оба. Где бы они ни были, как бы ни провели день, никто никого не убил. Естественно. Они не такие. Она не такая. И глубоко внутри я всегда это знала.

С мобильным в руке вхожу в гостиную. Я обещала себе ничего не писать, пока супруги Сторм не вернутся домой. Теперь, когда они дома, ничто больше не мешает мне продолжить работу над текстом. Кроме одной вещи. Сперва нужно кое-что сделать. И это нельзя больше откладывать. Я встаю перед книжным шкафом, обвиваю руками стенки и набираюсь сил. Тоска камнем лежит на душе. И еще что-то, другое чувство, с более острыми краями.

Цифра за цифрой набираю номер и жду гудка. Петер берет трубку после второго сигнала.

– Элена, – отвечает он.

Я думала, что была готова услышать его голос, но когда он произнес мое имя, сердце переполнили чувства, а глаза застили слезы. Я осознавала тоску и пустоту внутри, но они были словно прикрыты прозрачной вуалью. А теперь голос Петера сорвал эту вуаль и обнажил мои чувства, выставив их на яркий свет.

Судя по всему, Петер понимает, что надо дать мне время прийти в себя, поскольку задает заурядные вопросы: спрашивает, как я себя чувствую и как мне новая квартира. Я бы хотела сказать в ответ что-то столь же простое, что все идет хорошо или что-то вроде того. Я могла бы спросить, как у него дела на работе, как здоровье родителей, видел ли он наших – до последнего времени – совместных друзей, но у меня нет сил на пустую болтовню. Не сейчас. Не с ним.

– Мне надо кое-что у тебя спросить... Кое-что важное...

В голосе Петера звучит надежда. Он говорит, что ему тоже нужно мне

что-то сказать, вот почему он предложил встретиться. Он свободен, так что я могу выбрать время. Он может приготовить ужин или мы можем встретиться в городе, если я так захочу. *Дома*. Это слово вышагивает вперед из шеренги остальных, вытягивается и идет ко мне. Снова вернуться домой. Нет, это невозможно. Слишком рано.

– Я не это имела в виду, – бормочу я. – Я не могу с тобой увидаться, пока не могу... Я в процессе... в процессе.

Он прокашливается. Да, я же объясняла в письме, что мне нужно кое-что закончить перед встречей. Петер предполагает, это означает, что я пишу, но он знает: я не люблю обсуждать свои книги до того, как они закончены, так что не будет спрашивать.

Петер замолкает. Мои пальцы впиваются в трубку.

– Ты писал, что что-то случилось. И рассказывал, что видел маленькую девочку в парке.

Петер утвердительно хмыкает на другом конце, я слышу в его голосе улыбку.

– Да, писал.

– Когда ты писал, что что-то случилось, ты имел в виду то, что видел в парке ребенка, маленькую девочку, похожую на меня? Поэтому ты со мной связался?

Только за тем? Хотела я добавить, но удержалась.

Петер тянет с ответом. Раздается какой-то скрип, словно он отодвигает стул и садится. У меня самой трясутся ноги, так что я иду на кухню и тоже сажусь – на то же место, где провела столько времени за последние дни и недели.

– Много всего произошло, Елена. Думаю, можно поговорить об этом с глазу на глаз. Нам действительно нужно...

Он затихает.

Мой взгляд притягивает дом напротив. На кухне темно, хозяев нигде не видно.

– Так приятно слышать твой голос. Я... скучал по тебе. Скучаю.

Его голос совсем близко, словно он прижимает телефон к уху. Я зажмуриваюсь и снова думаю о том, как он обнимал меня, когда я уставала или грустила, как уютно было уткнуться ему в плечо. В его объятиях мне казалось, что я в полной безопасности. Я открываю глаза.

– А она? Как у нее дела?

В трубке долгая тишина. Петер колеблется:

– Я... Не так хорошо...

Я вздрагиваю.

– Что ты имеешь в виду?

Я слышу, как он запинается, не может подобрать слов, замолкает и снова начинает:

– Я понимаю, что ты хочешь знать, Елена, но это сложно обсуждать по телефону. Я бы предпочел встретиться и как следует поговорить.

Рука, сжимающая телефон, вся мокрая от пота.

Я перекладываю трубку в другую руку, пытаюсь дышать ровнее. В горле стоит ком, мешающий говорить. Мне приходится выдавливать из себя слова.

– Ты должен сказать мне, что произошло. Ты должен.

Видимо, по моему тону он понимает, что мне действительно нужно это знать.

– О'кей, – говорит он. – Тогда я просто скажу.

Его дыхание в трубке. Помню, как чувствовала это дыхание на своей коже. Помню тепло и близость.

– Она умерла, Елена. Умерла. Вот что произошло.

Что-то холодное течет по коже. Я зажимаю рот рукой. Петер продолжает говорить, но я не разбираю слов. Комната вращается перед глазами. Я не могу выдавить ни звука. В параллельном мире я задаю вопросы, слушаю, как он рассказывает, как и когда это произошло. В параллельном мире я изображаю интерес, заботу, участие.

Она умерла. Вот что произошло.

Я пытаюсь еще сильнее закутаться в кофту, но это не помогает. Холод идет изнутри. Голова бурлит несвязными вопросами. Наконец я снова слышу голос Петера, идущий откуда-то издалека, и постепенно начинаю разбирать слова...

– Это был несчастный случай. Трагический несчастный случай. Я хочу, чтобы ты знала, что я не...

Тело само реагирует. Прежде, чем я успеваю что-то сообразить. Только отключившись и отшвырнув телефон, я осознаю, что сделала. Меня трясет от страшного холода, проникающего в каждую клеточку тела. Зубы стучат. Зачем я ему позвонила? Зачем? Зачем? Зачем? Мне стоило предвидеть, что этим все и закончится. Ответы на вопросы не приносят покоя или ясности. Только темноту.

По телу проходит судорога. Я думаю о том, как все могло бы быть и как никогда не будет. О том, во что я верила, на что надеялась. Все это больше не имеет никакого смысла. Я нутром чувствую, что во всем этом нет никакого смысла. Ничто больше не играет никакой роли. Сознание сужается, внутренний диалог останавливается. Постепенно прихожу в себя,

поднимаюсь на ноги и опускаю жалюзи, отгораживаясь от всего мира. С ноутбуком подмышкой выхожу из кухни.

Я сяду за книгу и не встану, пока не закончу. Я допишу этот рассказ – все до финальной строки. А потом... потом я...

Я выхожу в прихожую и иду к лестнице.

Постепенно. Шаг за шагом.

У нее был шанс. Наконец ей представился шанс. Будто сама судьба протянула ей руку помощи. Судьба или темные силы. Силы, которые пробудила к жизни ее фантазия в те долгие часы и дни, пока она лежала в постели, все глубже погружаясь во мрак.

Ненависть и жажда мести. Примитивные силы.

Что бы за этим ни стояло, но он представился.

Случай.

Он стоял на краю бездны – между нею и пустотой – слабый, беспомощный. Все произошло так быстро, но ей казалось, что время растянулось на тысячу бесконечных моментов – каждый до максимума.

Но когда она увидела его так близко к краю, так близко к вечности, случилось что-то неожиданное. Она вдруг испытала совершенно другие эмоции. И словно увидела себя со стороны. Или, как она думала позже, ей только показалось, что она смотрит на себя глазами другого человека.

Чувства длились всего мгновение, но этого было достаточно.

«Это не то, что ты хочешь. Это не ты. Ты не такой человек».

Тишину нарушает звонок в дверь. Пальцы застывают над клавишами. Я поднимаю голову и вслушиваюсь. Кому я могла понадобиться? Кажется, я знаю, кому и зачем. Снова звонок. Я бросаю взгляд на открытую дверь спальни. С моего места видны ступеньки лестницы, ведущие вниз. Я вижу, как отставляю компьютер в сторону, поднимаюсь с постели, иду вниз по лестнице, открываю дверь. Я вижу, как это происходит, представляю себе, как я это делаю, но не двигаюсь с места. Сигнал затихает, и я возвращаюсь к компьютеру.

Часы идут, я теряю счет времени. Спина и шея болят от неудобной позы, запястья ноют, но я не перестаю писать. В комнате темнеет, потом светлеет, а я продолжаю писать. Спала ли я сегодня ночью? Может, час-другой, не знаю. Мне кажется, мой организм утратил потребность во сне. Я так долго боролась с бессонницей, что в итоге поборола ее и просто-напросто избавила себя от одной из основных человеческих потребностей. Пока я пишу, сон мне не нужен. Я выхожу из комнаты только для того, чтобы сходить в туалет или утолить голод, да и то если желудок начинает требовать пищи. Так что какие-то потребности у организма еще остались.

На кухне я задерживаюсь ровно столько времени, сколько нужно на то, чтобы сделать бутерброд, сварить яйцо или заварить чай. Жалюзи по-прежнему опущены, и я их не поднимаю, но все равно взяла в привычку стоять спиной к окну. Я стараюсь делать все как можно быстрее, чтобы не тратить время впустую. Не сажусь за стол, чтобы поесть, а беру тарелку или чашку и возвращаюсь в спальню. Ем или пью и одновременно работаю.

Я пишу о женщине и мужчине, о неизбежном коллапсе и о том, что последует за ним. Я пишу, а в комнате темнеет и светлеет. Может, один раз. Может, несколько. Скорее всего несколько раз.

То и дело раздается звонок в дверь. Я не знаю, сколько раз это происходит, не уверена, что нахожусь в полном сознании. Время от времени шум в ушах заслоняет другие звуки, иногда нарастает и переходит в вой сирены. Чаще всего он проходит, стоит мне отложить компьютер и поспать. Дверные звонки тоже прекращаются. Нужно только не подходить к двери, и рано или поздно люди сдаются. Телефон я давно уже отключила. В доме остались только мы с текстом. Текст и я.

Свет пропадает, и мы вместе погружаемся в темноту.

Проснувшись, бросаю взгляд на часы. Начало шестого. Я лежу на спине, смотрю в потолок и пытаюсь определить, утро сейчас или вечер. У меня нет ответа на этот вопрос. Впрочем, не важно, какое сейчас время суток. Тишину нарушает глухой сигнал. Этот звук мне знаком, думаю я, вертя головой. Мышцы шеи ноют от каждого движения. Звук повторяется, и я понимаю, что это дверной звонок.

На этот раз посетитель не сдается. Звонки – короткие и длинные – следуют сплошной чередой. Я поворачиваюсь на бок, чувствую, как матрас прогибается под моим весом. Простыня серая и грязная. Я опускаю глаза и вижу пятно размером с монету ржавого цвета. Запекшаяся кровь на правой голени говорит о том, что я расчесала кожу до крови.

Звонок затихает. Я поднимаю голову и прислушиваюсь. Прозрачная нитка слюны тянется от подбородка к матрасу. В дверь начинают стучать. Нет, не стучать. Колотить. Черета сильных ударов в входную дверь. И снова дверной звонок. Со стоном я зажимаю уши руками, но это не помогает. Встаю из постели и, шатаясь, иду к двери.

– Да-да, я иду.

Только распахнув дверь и увидев ошеломленного Лео, я понимаю, что стоило сначала посмотреть на себя в зеркало.

– Дерьмо! – вырывается у него. Потом: – Как вы себя чувствуете?

Я провожу языком по шершавому налету на зубах. Кожа головы чешется, я не помню, когда в последний раз мыла волосы. Окидываю себя взглядом – вся футболка в белых липких пятнах. Видимо, я ела йогурт или мороженое. Мне должно быть стыдно за то, что я открыла в пижамных штанах и футболке, но я понимаю, что скорее должна радоваться тому, что вообще одета.

Поднимаю руку к лицу и тру переносицу. *Скажи что-нибудь. Ты же видишь, какое у него лицо, скажи что-нибудь.*

– Я... приболела...

Лео смотрит на меня с недоверием.

– Приболели? Я не видел вас много дней. С самых выходных. И жалюзи были все время опущены. И вы не открывали дверь, сколько бы я ни звонил. Я боялся, что вы умерли.

Лео смотрит на меня какое-то время, словно ожидая объяснения или извинения. Не дождавшись реакции, меняет стратегию. Решает сделать

вид, что ничего не случилось, что все как обычно. Убирает челку, взгляд мечется.

– То домашнее задание... Которое я давал вам почитать... Я хотел бы...

– Лео, – говорю я охрипшим голосом. – Я выгляжу ужасно. Чувствую себя отвратительно. Если ты меня извинишь...

Я тянусь к ручке двери, но он поднимает руку и не дает мне захлопнуть дверь.

– Хорошо, забудьте. Я не за этим пришел.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я жду.

– Это касается мамы.

Нет, это невыносимо, у меня нет больше сил. Несмотря на то, что Лео стоит у меня на пороге, мне кажется, что он отдаляется. Но это не он отдаляется, это я погружаюсь обратно в себя.

– Иди домой, Лео. Иди домой к маме и папе. Тебе лучше держаться от меня подальше.

Прежде чем мальчик успевает отреагировать, я убираю его руку и захлопываю дверь. И запираю на всякий случай. Но он продолжает кричать за дверью:

– Она тайком пакует вещи. Собирает сумки. Словно собирается сбежать. Бросить нас.

Я иду к лестнице.

Он продолжает колотить в дверь, но я не оборачиваюсь. Дергает ручку двери, или это мне только кажется? Из-за шума в голове я ни в чем не могу быть уверена.

– Иди домой, Лео, – бормочу я, хотя знаю, что он меня не услышит.

И вот я снова в спальне. Компьютер ждет на кровати, тихий и пугающе притягательный. Я усаживаюсь поудобнее, делаю глубокий вдох и заносу пальцы над клавишами. Начинаю писать. Пишу о том, что я всегда знала. О том, чем эта история закончится.

Она ждала слишком долго. Но наконец этот момент настал.

Ей столько всего пришлось вынести, потому что она была не в состоянии контролировать ситуацию, но настал момент взять судьбу в свои руки.

Ей нужно поехать в одно место.

Навестить кое-кого.

А потом все закончится. Порядок восстановится, грязь смывается. Раз и навсегда.

Скоро, очень скоро это должно случиться.

Свет и тьма, тьма и свет. Я включаю лампу, когда темнеет, и выключаю, когда решаю поспать. Просыпаюсь и продолжаю работать. Сидя в постели, подложив под спину подушку. Сижу, согнувшись над ноутбуком.

Это будет мне дорого стоить, отмечаю я как в тумане. За этот творческий период мне придется заплатить проблемами со спиной и шеей. Но ни боль в спине, ни страх проблем со здоровьем меня не остановят. Ничто не может меня остановить. Я должна закончить эту книгу. Понять мужчину и женщину, о которых идет речь. И если это последнее, что я сделаю перед... перед тем, как сделать то, что нужно сделать. Пальцы замирают на мгновение при мысли *другого пути нет*, теперь я это понимаю, – и продолжают порхать над клавишами.

Наступает момент поставить точку.

Я смотрю на экран, буквы расплываются перед пересохшими глазами. Все тело разбито, я утратила способность чувствовать усталость. Но я готова. Я закончила. Книгу. Я вращаю плечами взад-вперед, разминая их, разгибаю запястья. Взглянув на заваленную хламом прикроватную тумбочку, опускаю ноутбук на пол рядом с кроватью. Думаю, что нужно отнести вниз все эти чашки и тарелки, но решаю сначала закрыть глаза и передохнуть.

Просыпаюсь от стука дождя в окно. Жалюзи опущены, и сперва я не могу сообразить, где нахожусь, но постепенно сознание просыпается, и я резко сажусь в постели. *Моя книга. Она готова. Я это сделала, я ее дописала!*

Поднимаю компьютер с пола и ставлю на колени. Просматриваю весь документ, жду бури эмоций, но все, что я чувствую, это пустота. Словно батарейка в районе сердца исчерпала свой ресурс.

Я включаю разрядившийся телефон, остатков энергии хватает, чтобы загрузить пропущенные сообщения. Три эсэмэс от сестры, три сообщения в голосовой почте. Участие в ее голосе сменяется тревогой, потом злобой. Я больна? Злюсь? Как долго я намерена ее избегать? И что по поводу пятницы? Я приду или нет? Или ужин планируется у меня? Было бы здорово, если бы я соизволила ответить.

Отколупываю корочку с раны на голени и ерзаю на месте. Какой

сегодня день?

Петер тоже оставил мне сообщение на автоответчике.

Голос у него растерянный, словно он собирался положить трубку, но в последнюю секунду передумал и оставил сообщение.

– Я совершил ошибку вчера. Я не хотел вот так тебе говорить... о том, что с ней случилось. Я понимаю, что ты хочешь знать. Мне столько нужно тебе сказать, но поскольку ты не отвечаешь...

Я нажимаю следующую кнопку.

– Я все так четко вижу теперь. Пожалуйста, вернись домой. Позволь приготовить тебе ужин. Или давай выпьем кофе в городе. – Слышен какой-то шум на заднем плане, и голос Петера меняется. – Элена, на самом деле я хочу сказать, что я люблю тебя. Всегда любил и буду любить.

Я словно вижу его перед собой. Красивое лицо со слегка кривым носом и подрагивающим уголком рта, когда он пытается сказать что-то важное. И вот его больше нет, сообщение закончено. Я прижимаю телефон к губам.

– Я тоже люблю тебя, – бормочу я.

* * *

Потратив с час на то, чтобы найти принтер в одной из коробок в гостиной и принять душ, я сушу волосы и надеваю чистую одежду. Но ощущение такое, словно меняю кожу. В каком-то смысле это действительно так. Я сбрасываю старую – слой за слоем – и открываю свое истинное я.

Еще какое-то время уходит на то, чтобы настроить принтер, но мне это удается. Я открываю документ с текстом, отправляю в печать и смотрю, как листы выходят из принтера. Один за другим они выползают и укладываются ровной стопкой – теплые, перевернутые вверх ногами. Я жду, пока принтер закончит печатать, и слушаю сообщения от Петера.

Пожалуйста, вернись домой.

Я люблю тебя. Всегда любил и буду любить.

Принтер затихает. Я сажусь на корточки, откладываю в сторону телефон и достаю стопку бумаги из принтера. Опускаюсь на пол, опираюсь спиной на кровать и начинаю читать сначала. Только одна читка перед тем, как идти дальше.

Прочитав примерно с треть текста, я снова слышу какой-то звук. Стук? Может быть. Игнорирую его и продолжаю читать. Через какое-то время

раздается какой-то скрип, но я не реагирую. Только когда понимаю, что слышу шаги на лестнице, я прекращаю чтение. Шаги приближаются. Они входят в дверь, проходят по полу, подходят к кровати, у которой я сижу. Они идут не быстро и не медленно. У них есть цель, но они не спешат ее достичь. Другого человека эти шаги бы напугали, но не меня. Потому что я знаю, кто пришел за мной.

Я поднимаю глаза. Снова мы оказываемся друг напротив друга. Моя сестра и я.

– Привет.

Волосы у сестры разделены на пробор, и, когда она наклоняется ко мне, я отчетливо вижу седину у отросших корней. Морщины на лице глубже, чем обычно. Она выглядит усталой. Старой и усталой. Впервые я вижу свою сестру старой.

– Привет. Что ты здесь делаешь? Как ты вошла?

Я вовсе не собираюсь изображать недовольство. Я не злюсь на сестру за это внезапное вторжение. Увидев ее в спальне, я поняла, что всегда знала – рано или поздно она тут появится. Это было неизбежно, другого от нее нельзя было ожидать. Увидев ее, я поняла еще одно. Я по ней скучаю. Я скучала по ней последние двадцать лет. Как бы мне хотелось набраться сил и сказать ей об этом...

Сестра демонстрирует мне маленький металлический предмет.

– Запасной ключ, – поясняет она.

Я киваю. Предполагаю, что он у нее остался еще от подруги, которой принадлежит квартира.

– Я волновалась. Пыталась звонить, но слышала только автоответчик. Я оставляла сообщения, просила тебя перезвонить. Я знаю, что это в твоём стиле, но я...

Она переводит глаза на мобильный на полу, потом снова смотрит на меня. Я объясняю, что отключала телефон.

– Как я уже сказала, – повторяет она, – я волновалась.

Наши взгляды встречаются. Секунда, две секунды. Потом она качает головой и оглядывается по сторонам.

– Боже мой, тут душно как в гробу.

Она в пальто. На груди и плечах – темные крапинки. Значит, на улице холодно и идет дождь. Я не знала. Неудивительно, учитывая, что я не выходила за дверь с тех пор как...

– Какой сегодня день?

– Боже мой, – восклицает сестра. – Что здесь происходит? Ты бормочешь о каких-то соседях, внезапно отменяешь наш ужин без всяких объяснений. Сидишь тут взаперти и даже...

Она цокает языком, обводит рукой комнату и со вздохом показывает на окно:

– Например, жалюзи. Когда ты в последний раз их поднимала? А? И

ты что, не замечаешь, как здесь воняет?

Сестра снимает и складывает пальто. Оглядывается по сторонам и останавливает свой выбор на кресле. После этого решительно подходит к окну, поднимает жалюзи и открывает форточку. Пользуясь тем, что она стоит ко мне спиной, я быстро переворачиваю бумаги у меня на коленях текстом вниз.

– Сегодня пятница, – говорит она. – Вечер пятницы. Наш день. Я не смогла с тобой связаться и договориться об ужине, так что я...

Она поправляет юбку, собирается присесть на постель, но, передумав, подходит к стене и прислоняется к ней.

– В итоге, – продолжает она, – я решила заехать к тебе и проверить, что все в порядке, потому что я...

– Ты волновалась. Я поняла.

Думаю, мне еще повезло, что я именно сегодня приняла душ и переоделась. Я, конечно, выгляжу неважно. Кожа бледная от сидения взаперти. Глаза красные от бессонных ночей, но это ничто по сравнению с тем, как я выглядела всего пару часов назад.

Я жду порицаний, но сестра молчит. Я поворачиваюсь к ней и вижу, что она занята разглядыванием ногтей. Вид у нее грустный.

– Прости, – извиняюсь я. – Мне не стоило вот так исчезать. И отключать телефон. Просто дело в том, что эта неделя... была...

Сестра стоит, уставившись в пол.

– Дело не только в прошлой неделе. А в последних месяцах, последнем году...

– Что ты имеешь в виду?

Она опускается на пол и обхватывает руками согнутые колени.

– Начнем с еды. Судя по всему, ты ничего не ешь. Одежда висит на тебе, как на вешалке. Ты и так была худой, но сейчас... Ты потеряла килограмм десять.

Семь, думаю я про себя. Семь.

– Я не хочу вмешиваться в твою жизнь и... требовать объяснений. Не хочу, чтобы ты думала, что я тебя контролирую. Но я надеюсь, ты понимаешь, что с твоей историей я просто не могу молчать... Это моя ответственность. Кто, если не я, должен сказать тебе об этом?

Наши глаза встречаются на долю секунды, и я чувствую, как по коже бегут мурашки. Из окна идет жужжащий звук. Я не вижу его источник, но предполагаю, что внутрь залетела муха.

– Слушай, я знаю, о чем ты, и я благодарна тебе за заботу, правда, благодарна. Но я не страдаю анорексией, уверяю тебя.

Она недоверчиво смотрит на меня, и я всплескиваю руками.

– Разве ты не слышала, что люди часто теряют аппетит в сложные жизненные периоды? В этом нет ничего необычного.

Я смело встречаю ее взгляд.

– Понимаю, – говорит она. – Понимаю, что разрыв с Петером тяжело на тебе сказалося. И у вас был сложный период прежде, чем вы решили разъехаться. Но мы с тобой это не обсуждали. Почему? Это я виновата? Не была рядом, не проявляла интереса, не задавала вопросов?

Я опускаю взгляд на бумаги у меня в руках. Да, мы с сестрой не обсуждали личные темы, это правда. Такие разговоры нам не свойственны. И я не готова ничего обсуждать сейчас, хотя в глубине души знала, что рано или поздно такой момент настанет. Но я не готова. Я думаю о том, что сестра сказала неделю назад перед тем, как я отключила телефон. *Нам надо поговорить, нам с тобой. Серьезно поговорить.* И вспоминаю свой ответ. Что я намекнула, что у них с Вальтером тоже все неладно. Чувствую, как горят щеки и шея.

– Я знаю, как сильно ты хотела детей, – продолжает сестра. – Понимала, как ты сильно переживала из-за того, что ничего не получается. Но я и не догадывалась, что это настолько важно для тебя, что по этой причине вы расстанетесь.

Я ерзаю на полу. В обычной ситуации после такой реакции сестра сменила бы тему, но не сегодня. Сегодня она нащупала конец нитки и твердо намерена проследовать по ней до конца пути.

– Я знаю, что как-то звонила и спрашивала, что у вас происходит, но ты отказывалась обсуждать личные темы и говорила только о ремонте в подъезде, завале на работе и прочей ерунде. А потом внезапно объявила, что вы расстаетесь. Вот так просто. – Сестра задумывается. – Ты не подпускаешь меня близко, Елена. И я тебе это позволяю. Точнее, позволяла до сих пор. Думала, что, если буду терпеливо ждать, рано или поздно ты мне откроешься. Я словно ждала... – Голос у нее дрожит. – Ждала, когда стану для тебя необходимой.

Ее слова теплой волной окутывают меня. Я бы хотела сейчас посмотреть сестре в глаза и сказать то же самое, но не могу. Муха продолжает биться об стекло. Кто-то должен встать и выпустить ее, но никто не двигается с места.

Внезапно сестра закрывает глаза руками.

– У меня такое чувство, что я предала ее.

Руки приглушают звук ее голоса.

– Кого ты имеешь в виду? Кого ты предала?

Она убирает руки.

– Это было перед... перед тем, как все закончилось... Мама попросила меня позаботиться о тебе.

Слезы подступают к горлу.

– Что?

Сестра изучает свои пальцы. Голос у нее низкий, напряженный. Перед смертью мама попросила сестру позаботиться обо мне. *Элене будет нужна твоя помощь*, – сказала она. – *Пообещай мне, что позаботишься о ней.*

Я качаю головой, не веря своим ушам. Зачем маме брать с сестры это обещание? Требовать, чтобы она несла ответственность за мое благополучие? После всего, что случилось? Когда я говорю, что это несправедливо и не похоже на маму, сестра пожимает плечами:

– Ты всегда была ее любимицей.

Я протестую, но сестра меня останавливает:

– Ничего страшного, – говорит она. – Я привыкла к этому. Давно уже. Мы с ней слишком разные. А у вас всегда было много общего. Книги, чтение. И не только. Между вами словно была невидимая связь. Вам как будто было известно что-то, что знали только вы одни.

Звук затихает. Наверное, муха устала. Я покачиваюсь со стороны в сторону. Наконец поднимаюсь на онемевших ногах.

– Ты должна знать одно, – говорю я, разминая ноги. – О чем бы мама тебя ни просила, ты не предала ее.

Сестра смотрит на меня молча.

– Я не хочу, чтобы обо мне заботились. Ты сама это сказала, я всегда держала между нами дистанцию. Нельзя помочь тому, кто не хочет помощи.

Не дожидаясь ответа, я иду к окну. Вижу черное тельце на подоконнике. Это муха медленно ползет вдоль окна.

– Что это у тебя?

Я поворачиваюсь и вижу, куда смотрит сестра, – на стопку бумаги у меня в руке.

– Ничего... Или, может быть...

– Ты снова пишешь? Вот чем ты была занята всю неделю!

Выждав секунду, я киваю. Усталое лицо сестры сияет.

– Так ты снова пишешь! Потрясающе! По-моему, это именно то, что тебе сейчас нужно.

– Я... это не совсем как мои другие книги...

– Я с удовольствием прочитаю, – страстно перебивает сестра. – И скажу свое мнение и дам рекомендации. Как раньше. Ты всегда говорила,

что у меня хороший глаз.

Пока она трещит без остановки, я кладу стопку поверх пальто сестры, открываю окно и выпускаю муху на волю.

Небо светло-серое. Улица мокрая после дождя. Дождь все помыл и очистил. Я вдыхаю полной грудью свежий холодный воздух, ворвавшийся в комнату.

Поворачиваюсь и смотрю на сестру. Я готова? Должна быть готова. Но одновременно. *Еще немножко, еще немножко времени с ней.*

– Ты не... хочешь перекусить?

Сестра одаривает меня ироничной улыбкой.

– Боже мой. Я думала, ты никогда это не предложишь!

– Алкоголь, нам нужен алкоголь. Что у тебя есть?

Сестра поднимает жалюзи на кухне, оборачивается и с надеждой смотрит на меня. Я качаю головой и говорю как есть, что спиртного у меня в доме не водится.

– Не обязательно крепкий алкоголь. Вино тоже подойдет. Или пиво? Даже початой бутылки нет? И старого ликера на дне? Все что угодно сгодилось бы.

Я смеюсь.

– Прости. Ничего нет.

Сестра недовольно зацокала.

– Боже мой, пятничный вечер без выпивки. Что за жизнь?

Она рыщет по кухонным шкафам, находит пакет с кофе и облегченно вздыхает. Отмерив кофе в кофеварку для себя, ставит мне чайник.

Мне приятно видеть сестру у меня дома, приятно видеть, как смело и естественно она хозяйничает в чужой кухне. Мы болтаем, как принято у сестер, и я почти верю, что все в порядке. Потом говорю сестре что-то, что заставляет ее смеяться, и она смеется до колик в животе. Грудь вздымается под цветастой блузкой, и мой взгляд замирает на ее руке. *Эта блузка, эта рука.* Время остановилось. Меня переполняют чувства.

– Ты так похожа на нее, – вырывается у меня. – Вы одеваетесь в одном стиле. У вас обеих короткие пальцы. Точнее... она так одевалась... до того, как...

Я изо всех сил стараюсь сдержать слезы, но боль в груди невыносима. В то мгновение, как мне кажется, что мою грудь разорвет пополам, сестра обнимает меня. Она подводит меня к столу и усаживает на стул, убирает прядь волос за ухо. Точно так, как делала мама.

Она быстро заканчивает начатое. Наливает себе кофе, а мне – чаю и выкладывает остатки овсяного печенья – печенья Лео, как я его теперь называю, – на маленькую тарелку.

– Не самый роскошный ужин. Но можно только порадоваться, что в этом доме вообще есть что-то съестное. И чай с кофе.

Не получив улыбки в ответ на шутку, сестра снова становится серьезной. Присев на стул напротив, спрашивает, как я себя чувствую.

Сестра тянется за печеньем, а я смотрю в окно.

– Ты ее вспоминаешь?

– Конечно, вспоминаю.

Сестра подносит кружку ко рту и пробует горячий кофе.

– Через десять лет мне будет столько же, сколько маме, когда она заболела.

Так выходит, что мы разговариваем о родителях – впервые за долгое время. О маминой болезни. О папиных недостатках. О пустоте, которую они оставили, уйдя из нашей жизни – одна в мир иной, другой – к новой семье. Сестра снова рассказывает о разговоре с папой. На этот раз я слушаю внимательно. Она спрашивает, хочу ли я встретиться с ним, если он приедет повидаться летом. Я пожимаю плечами.

– Я тоже не знаю, – говорит сестра. – Но нам не нужно решать сейчас. Можем подумать об этом позже.

Судя по тому, какую формулировку она выбрала, сестра считает, что это должно быть совместное решение. Это меня трогает. Слезы наворачиваются на глаза. Сестра кончиком пальца подцепляет крошки со стола.

– Сколько времени прошло с тех пор, как мама умерла, а папа встретил как-там-ее и уехал? Полгода? Или меньше? Уму непостижимо. Помню, что единственное, о чем я могла думать, то что еще одно такое потрясение я не переживу. Наверно, тогда я решила не заводить детей. Никогда.

– А я наоборот. Именно тогда я начала мечтать о настоящей семье.

Сестра кивнула.

– Вот почему отсутствие детей стало для тебя таким ударом. Сколько вы с Петером пытались...

– Долго.

Я смотрю на окно. На подоконнике стоит желтая лейка – подарок от Лео.

– Мне так хотелось бы стать чьей-то мамой.

Сестра нагибается вперед и гладит меня по руке.

– Я знаю, – шепчет она, – знаю.

Какое-то движение за кустами привлекает мое внимание. На дорожке появляется Вероника. У нее в руках две сумки – побольше из коричневой кожи и поменьше из черной ткани. Сумки набиты до краев. Она идет решительным шагом, движения резкие, нетерпеливые. Серый джип припаркован на тротуаре с открытым багажником. Она закидывает туда сумки.

– Но ведь ты снова работаешь. Разве это не здорово? Не расскажешь, что ты пишешь?

Вероника закрывает багажник и возвращается в дом. Я понимаю, что

все это время задерживала дыхание, и выпускаю воздух. Поворачиваюсь к сестре. По ее оживленному лицу вижу, что она пытается отвлечь меня от грустных мыслей обо всем, что связано с горем, тоской, предательством. Я смотрю ей в глаза и чувствую, как из меня рвутся наружу слова. *Не могу ей рассказать. Должна рассказать. Скажи что-нибудь. Что угодно.*

– Я уже дописала.

Сестра замирает с рукой над тарелкой с печеньем. В глазах – изумление.

– Уже дописала? Ты шутишь?

Я обнимаю кружку руками и опускаю взгляд. Нет, не шучу.

– Боже мой! Ты написала целую рукопись за... Пару недель? Как это возможно?

Прежде чем я успеваю ответить, снова появляется Вероника. Она бежит через двор. Лицо сморщилось от... слез? Гнева? Она пересекает двор за пару секунд, запрыгивает в джип и отъезжает. Гравий летит из-под колес. Я заставляю себя отвести взгляд. Приказываю себе сфокусироваться на том, что важно, на том, на что я могу повлиять и на что должна повлиять.

Я отворачиваюсь от окна и смотрю на сестру. Она хочет обсуждать сюжет, сыпет вопросами. Мне с трудом удается осадить ее.

– Мне нужно кое-что рассказать.

– Что?

Я провожу кончиком пальца по ободку кружки с остатками чая.

– Я... Петер писал мне...

– Правда? Когда?

– Несколько раз.

– Я думала, вы решили не общаться три месяца.

– Да.

– Тогда чего он хотел?

Я чувствую ее любопытство. Пальцы теребят ручку кружки. Не знаю, зачем я это рассказала и что делать дальше. Я открываю рот, и оттуда вырывается хрип.

– Он... Это был несчастный случай. Так он сказал.

– Несчастный случай? О чем ты говоришь, Елена? Что?..

Сестра резко замолчала. Удивившись, я подняла глаза и проследила за ее взглядом.

– Кто это?

Я сидела спиной к окну, так что пришлось обернуться, чтобы выглянуть во двор. Но, еще ничего не увидев, я понимаю, кого имеет в виду

сестра. Лео. Мальчик колотит во входную дверь. В следующую секунду наши взгляды встречаются, и я вздрагиваю. *Это реальность. Это происходит по-настоящему.*

Я вскакиваю и бегу в прихожую. Замок не слушается. Целая вечность уходит на то, чтобы открыть дверь. Лео начинает говорить еще раньше, чем я полностью распахнула дверь. Точнее кричать.

– Мама ушла! Бросила нас! Как я и говорил! Я чувствовал, что это произойдет.

Он бледный как полотно, под глазами – темные круги. Он выглядит постаревшим и изможденным, если можно использовать эти слова, говоря о подростке. И он в истерике. Так легко тоже впасть в истерику. Особенно мне, которой достаточно легкого толчка, чтобы свалиться с края...

– Элена, пожалуйста. Вы должны мне помочь. Я не знаю, что делать. У меня больше никого нет. Никого...

Он сжимает руки в мольбе. И что-то внутри меня замирает и успокаивается.

– Лео, – говорю я, – разумеется, я помогу тебе. Постарайся успокоиться и расскажи мне, что случилось.

Последние ночи Лео провел без сна и прислушивался, боясь, что мама уедет, пока все спят. Следил за каждым ее шагом. Но когда это действительно произошло, он не был готов. Мальчик вернулся домой совсем недавно и на кухонном столе нашел вот эту записку.

Он протягивает мне скомканную бумажку, и я читаю то, что там написано.

Я люблю тебя, Лео. Не забывай это. Мама.

Лео переминается с ноги на ногу.

– Я не знаю, куда она поехала, – всхлипывает он.

– Ты пробовал позвонить?

– Ее телефон выключен.

Мне хочется сказать что-то успокаивающее, например, что Вероника наверняка просто уехала по делам и скоро вернется. Но я своими собственными глазами видела тяжелые сумки, видела выражение лица соседки, когда она бежала к машине.

– А папа? – говорю я вместо этого. – Ты звонил ему? Может, он знает.

Лео бросает взгляд в сторону кухни. Видимо, он видел мою сестру в окно и понимает, что она слышит наш разговор, но слишком взволнован, чтобы обращать на это внимание.

– Бесполезно. Его нет дома. Они ссорились вчера. Я слышал что-то про летний домик. Видимо, папа собрался туда на выходных. Мама

разозлилась и накричала на него. Я зажал уши, не хотел слышать, что она кричит... А он... все равно поехал.

Я что-то припоминаю... Разговор между Филипом и рыжеволосой в ресторане...

– ...поедем каждый на своей машине и ты будешь меня ждать... увидимся там, чтобы она...

– ...совсем скоро... я жду с нетерпением... Домик... Великолепно.

Я чувствую, как бледнею. Видимо, мои опасения отразились на лице, потому что Лео смотрит на меня в ужасе.

– Мама плохо себя чувствует. Я знаю. Но ведь она не собирается?..

Не получив немедленного ответа, он хватает меня за руку и трясет.

– Нет же? Скажите, что она не думает!..

Я собираюсь с силами и как можно спокойнее говорю:

– Нет, Лео, твоя мама не собирается убивать себя. Тогда она не стала бы брать свои вещи. Я видела, как она отъезжала. У нее были с собой сумки.

Словно она собиралась исчезнуть, подумала я. Сделать то, что необходимо, и сбежать, забыть о прошлом.

Лео требует подробностей того, что я видела, и маминого поведения, но я его не слушаю.

Я вдруг осознаю, что я должна делать. Что от меня требуется. И от этого меня бросает то в жар, то в холод.

– Ваш летний домик, – говорю я. – Где он?

В глазах Лео читается недоумение.

– Если ты хочешь, чтобы я тебе помогла, ты должен доверять мне. Мне нужен адрес. Немедленно.

Лео достает мобильный и ищет место на карте. Я прошу его послать мне ссылку и поворачиваюсь к кухне, чтобы позвать сестру. Но она уже стоит у нас за спиной. Вид у нее растерянный и встревоженный.

– Что тут, Елена? Что происходит?

– Как ты сюда приехала? На машине или на автобусе?

Сестра отвечает, что на машине. Она припаркована за углом. Почему я интересуюсь?

– Можно одолжить ключи?

– Я ничего не понимаю. Что ты собралась делать?

Я надеваю жилет и выставляю вперед руку ладонью вверх.

– Пожалуйста, я потом все объясню. Обещаю.

Еще раз я прошу доверия без объективных причин. Пытаюсь не думать о прошлых ошибках, пытаюсь убедить себя, что поступаю правильно. Хотя

раз в жизни. В последний раз.

Сестра меняется в лице. Не задавая больше вопросов, она идет за сумкой и моим телефоном. Достает ключи и кладет оба предмета мне в ладонь. Я сую телефон в нагрудный карман и сжимаю ключи в руке.

– Спасибо.

Наши взгляды встречаются. *Столько всего нам нужно еще обсудить.* И снова слезы наворачиваются мне на глаза.

– Можешь подождать меня? – прошу я. – Подождать, пока я вернусь?

Сестра отвечает со своей ироничной улыбкой, что никуда не поедет без своей машины. Потом добавляет с тревогой:

– Будь осторожна, – и гладит меня по щеке. – У меня только одна сестра.

Лео послал мне ссылку с адресом и маршрутом, но на выходе преграждает мне путь.

– Я с тобой, – говорит он.

Я смотрю на него и думаю о жестокой концовке книги, которую я только что закончила. Вижу перед собой, как Вероника врывается в домик, объятая жадной мести, как проливается кровь... Нет, ребенку там не место.

– Тебе лучше остаться здесь, – как можно спокойнее говорю я.

– Но я...

– Вдруг она вернется. Кто знает...

Лео смотрит на меня. Я пытаюсь дышать ровно и выглядеть так, словно это возможно.

– Хорошо, – против воли соглашается он.

– Я позвоню, – обещаю я. – Как только что-нибудь узнаю.

Лео молчит. Глаза как два бездонных колодца на бледном лице. Его взгляд ранит мне сердце. Может, думаю я, у меня больше не будет другого шанса. Нужно сказать это сейчас.

– Послушай, извини меня за то, что случилось на днях. Когда я захлопнула дверь у тебя перед носом. Ты не сделал ничего плохого. Дело в том, что я...

– Все в порядке.

Я покачала головой.

– Нет, я поступила неправильно. Я хочу, чтобы ты знал, что мне стыдно за мой поступок. Это было неправильно. И я рада, что ты пришел сегодня.

Иду к машине спокойным, контролируемым шагом. Я не оборачиваюсь и не знаю, смотрят они мне вслед или нет. На всякий случай жду, пока не заверну за угол, и только потом начинаю бежать. Найдя

взглядом машину сестры на парковке, ускоряю бег. Только сейчас позволяю себе испытать страх.

Вероника. Что ты задумала?

Сажусь в машину, поворачиваю ключ, завожу.

И еду вслед за Вероникой. Будь что будет.

Я веду машину на максимально разрешенной скорости. Это небезопасно. Но вечером пятницы движение из города плотное, и периодически машина встает в пробку. Мне хочется кричать от отчаяния и беспомощности. Изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не бросить машину и не пойти дальше пешком. Адреналин бурлит в крови. Когда уехала Вероника? За четверть часа до меня или больше? Но ведь она тоже должна была встать в пробку. Я утешаю себя этой мыслью. Верю, что смогу нагнать ее, когда выеду из города.

Но когда здания вдоль дороги становятся ниже, светофоров становится меньше, а пробки рассасываются, происходит то, что не должно было произойти. Я сворачиваю не туда. Осознание, что я слишком рано свернула налево, заставляет меня громко выругаться и ударить кулаком по рулю. Я притормаживаю, разворачиваюсь, пересекаю сплошную, не реагируя на гудки раздраженных автомобилистов. Потеря драгоценного времени – единственное, о чем я могу думать. В голове шумит. *Черт, черт, черт.* Но вот я снова на правильном пути. Я переключаю передачу и вжимаю педаль газа. Обгоняю одну машину, потом другую. Солнце садится на горизонте. Серый джип нигде не виден.

Я вижу перед собой, как Филип открывает дверь летнего домика. Домика, в котором он столько раз бывал с женой и сыном, где они проводили выходные, отмечали праздники, смеялись, отдыхали, были семьей. Теперь он впускает в дом чужого человека, позволяет ей наступить на самое святое. Растоптать его. Он пересекает последнюю черту. И делает это без стыда и совести. Но он недооценивает свою жену. Недооценивает мощь ее ярости, масштабы жажды мести. Что Вероника собирается сделать? Какой у нее план? Текст мелькает у меня перед глазами. Текст, написанный мной за последнюю неделю.

Напряжение в воздухе между ними в одну секунду, и в следующую – полная тишина. Смертельная тишина.

Пальцы крепче сжимают руль.

Суетный город с его огнями остается позади. Шоссе простирается передо мной сплошным полотном. Съезды редкие, и их мало. Чем дальше я еду, тем меньше встречаю домов. Через какое-то время справа показывается заправка, и прямо передо мной с нее выворачивает машина. Серый внедорожник. Водителя я вижу мельком и в профиль, но у меня нет

никаких сомнений. Это Вероника. Видимо, остановилась дозаправиться или что-то купить в магазине.

Я снижаю скорость и стараюсь держаться за ней на расстоянии, не вызывающем подозрений. Выражение ее лица и резкие движения, то, как летел гравий из-под колес машины, когда она покидала дом, еще свежи в памяти. Но от бывшего волнения не осталось и следа. Джип не мечется по шоссе, а спокойно движется вперед. Она не превышает скорость, не идет на обгон. Напротив, она едет тихо, словно ей некуда спешить. Может, специально выжидает время. Может, ждет, когда стемнеет.

Мы едем так минут двадцать, а потом джип мигает боковыми фарами и сворачивает на круг, а с него уже на проселочную дорогу. Нас разделяет одна машина. Мы пересекаем мост, проезжаем мимо фермы с коричневыми коровами на лугу. Потом начинается лес. Мы едем довольно долго через сосновый бор. Солнце выглядывает из-за стволов деревьев, его свет потемнел и стал желто-золотым.

Через какое-то время водитель едущей передо мной машины сворачивает в сторону, и на дороге остаемся только мы – я и Вероника. Никаких других огней фар – ни спереди, ни сзади. Лес становится все плотнее. Наконец джип мигает фарами и сворачивает на узкую лесную дорогу, которую я бы даже не заметила, будь на дороге одна.

Дорога неровная, ухабистая, машина подпрыгивает, приходится снизить скорость. Солнце уже зашло, в лесу темно. Далеко впереди виднеется свет фар внедорожника. Вдоль дороги попадаются домики, но мы проезжаем мимо и все дальше углубляемся в лес. Сердце колотится в груди. Скоро мы прибудем на место. И что тогда?

Джип в пятидесяти метрах от меня. На развилке он уходит налево, я еду следом. Мы проезжаем еще несколько домов, потом лес проясняется. Что-то поблескивает впереди. Наверное, озеро, о котором говорил Лео, где они купались и ловили рыбу. Серый джип тормозит и останавливается, и только тогда я вижу его. Летний домик семьи Сторм. Он стоит на опушке леса и выглядит точно так, как я его представляла по описаниям Лео. Бревенчатый фасад, открытая терраса, балкон. Вход, судя по всему, сзади – со стороны озера.

Я быстро оглядываю террасу с покрытым грилем и нагроможденной друг на друга садовой мебелью, поднимаю взгляд на балкон с пустыми цветными горшками. В окнах темно. Внутри меня раздается голос. *Что-то не так.* Словно в трансе открываю дверь машины и выхожу. Фары джипа погасли, водителя не видно. Мне кажется, что я слышу шаги по гравию, и потом по траве. Шаги стихают.

– Эй! – кричу я.

Ответа нет.

Что-то не так. Определенно не так. *Садись в машину и уезжай прочь*, шепчет голос. Но я бесшумно закрываю дверцу и подкрадываюсь к домику. *Это конец*, – шепчет голос, – *неужели ты не понимаешь? Это конец. Уезжай!* Но я не могу. Я должна закончить начатое. Ради Лео, ради себя самой.

Медленно, осторожно, стараясь не споткнуться о корни и коряги, я иду к дому. В темноте можно различить только силуэты летнего домика и серой машины, припаркованной перед ним. Все остальное утопает во мраке. Почему так быстро стемнело? Я делаю несколько шагов, поднимаю взгляд и фокусируюсь на доме. Два окна на фасаде, в окнах темно. Они смотрят на меня пустыми черными глазницами.

Раздается какой-то шорох, потом хруст сломанной ветки. Я замираю и вслушиваюсь, потом продолжаю путь. Джип стоит тихо и неподвижно. Но внутри пусто или кто-то сидит? Я не уверена. Может, просто спинка сиденья так откинута, словно кажется, что внутри кто-то сидит. Откинувшись назад. Или неживой.

Под ногами мягкая трава. Вечерний ветерок холодит лицо. Я совсем рядом с машиной. Еще пара шагов и я заглядываю в окно со стороны водителя. Инстинктивно сжимаю кулаки. Сверлю глазами окно. Там никого нет. В машине пусто.

Отворачиваюсь от окна и вижу, как она бежит с другой стороны по направлению к домику. Даже в темноте узнаю в бегущей фигуре Веронику. Конский хвост бьется о спину. Она что-то держит в руке. Я не вижу, что, но прекрасно знаю. Это *нож*. Тот, что лежал у нее под кроватью. Сознание проясняется, и в какую-то долю секунды я понимаю, что сейчас произойдет.

Должно быть, Филип и рыжеволосая припарковались с другой стороны домика, рядом со входом. Наверняка у них с собой были пакеты с продуктами, они планировали готовить ужин. Но стоило им переступить через порог, как их охватила страсть. Может, они, не включая свет, отправились сразу в постель и сейчас занимаются любовью. И через секунду Вероника распахнет дверь и обнаружит их в своей постели голыми и беспомощными.

Еще одна фраза проносится перед глазами.

Знала ли она перед тем, как ехать, чем это все закончится? Что другая женщина, любовница, не вернется с этой встречи живой?

Я бегу вперед со всех ног. Должна остановить Веронику до того, как

она ворвется в дом. Должна помешать ей пролить кровь, помешать уничтожить свою жизнь и жизни близких, должна предотвратить этот хаос. Она слышит мои шаги и поворачивает голову. Я совсем рядом. Она ускоряет бег, я тоже. Я бегу, движимая одной мыслью помешать ей, все остальное теряет смысл. Во рту металлический привкус. Трава сменяется гравием. Шум шагов оглушает. Деревянное крыльцо с прочными перилами. Преодолеваю ступеньки в два шага, и я на пороге.

Одинокая лампочка зажигается над дверью и освещает Веронику. Она что-то ищет, роняет предмет, который был у нее в руках, оборачивается. Лицо у нее бледное как полотно и искаженное злобой. Крик вырывается у нее из горла, животный крик, я останавливаюсь перед ней.

– Вероника, – выдыхаю я, – ты не можешь...

Больше она не дает мне сказать. Она бросается на меня, острая боль пронзает мне грудь, я теряю равновесие и оседаю. Раздается страшный треск где-то над глазами, и за ним тишина. Полная тишина. Я падаю и остаюсь лежать. Что-то теплое и липкое течет по лицу, по шее, я поднимаю глаза и вижу над собой Веронику.

Потом не вижу ничего – все застилает красная теплая пелена.

За красным приходит черное. А после него... Белый свет.

Я падаю и поднимаюсь.

Мама. Ты там?

Она полусидит на больничной койке, облокотившись на подушки, которые я подложила ей под спину, и постанывает от боли. Настоящие лекарства больше не дают. Это уже позади. Теперь дают только обезболивающее, чтобы уменьшить ее страдания. Никто из нас не знает, помогают эти таблетки или нет. Папа ушел в себя, он почти не разговаривает. Кажется, что он не здесь, а где-то далеко, хотя я слышу, как он грохочет посудой на кухне. Сестра вернулась домой из Лондона, потому что врач посоветовал собрать родных. Мама не жалуется, но я вижу, как она морщится от боли. И каждый раз мое сердце сжимается. Мы не говорим с ней об этом, но обе знаем. Папа с сестрой тоже знают. Осталось недолго.

Мама протирает руку ко мне, показывает, что хочет, чтобы я подошла ближе. Она вся исхудала, кожа обтягивает череп, как маска. Я осторожно ложусь рядом и обнимаю ее, стараясь не причинить ей неудобства. Скоро я уже не смогу ее обнять. И как я ни сдерживаю слезы, они льются. Мама гладит меня по руке.

– Ты уже по мне скучаешь?

Я не хочу плакать, не хочу делать ей еще больнее. Но ничего не могу с собой поделать. Слезы заливают лицо. Я молча киваю.

– Ты же знаешь, что я всегда буду рядом. Даже потом. После.

Я знаю, что мама хочет меня утешить, но все равно по коже бегут мурашки.

– Не говори так, – бормочу я, – пожалуйста, это неправда.

– Но это правда, Елена. Это никакие не выдумки. И речь не о религии или суевериях, а о нас и о том, что нас связывает. Я – в твоих мыслях, когда ты этого хочешь, так долго, как пожелаешь. Пока ты помнишь, я есть.

* * *

Во сне я вспоминаю последние дни с мамой и просыпаюсь с мокрым от слез лицом. Я поднимаю руку, чтобы утереть их, но понимаю, что все мое лицо залито липкой красной жидкостью. Это не слезы, это кровь. Сквозь красную пелену я вижу Веронику, склонившуюся надо мной, и вспоминаю, где нахожусь. Это не сон, понимаю я, я не сплю... она, она

хочет...

Нет, – раздается вопль внутри меня. – *Я не хочу!* Перед глазами мелькает сцена: я сама в темноте на лестнице у себя дома размышляю – броситься вниз или нет. Но я еще не готова, не готова присоединиться к матери. Я думала, что все закончилось, что для меня нет будущего, что я сделала все, что нужно было сделать. Но я ошибалась. Сестра, Петер, Лео... Я изгибаюсь, пытаюсь подняться, но тело меня не слушается. Я слаба, но я не хочу умирать. Я хочу жить, я чувствую жажду жизни всем телом. Наконец мне удается выдать из себя слова.

– Пожалуйста, не убивай меня.

Я предпринимаю еще одну попытку подняться, при помощи рук мне удается сесть. Вероника делает шаг назад. Может, снова собирается атаковать...

– Пожалуйста, – повторяю я, – сжался, не убивай меня. Я не хочу...

Я вжимаю голову в плечи и закрываюсь рукой от удара. Под ладонью ощущаю набухающую рану, из которой идет кровь.

– Что... что ты говоришь? Ты с ума сошла.

– Я – друг, соседка – выдыхаю я. – Я знаю твоего сына Лео. Он просил меня...

Я поднимаю глаза, взываю к ее состраданию. Вероника стоит на крыльце, положив руку на ручку двери, словно не может решиться, войти ей или остаться снаружи. Лицо у нее бледное, и выражение... погоди-ка, испуганное. Не яростное, не кровожадное, а испуганное. Она просто в ужасе. Но может, мне это только кажется? Сильные эмоции могут исказить лицо. Вероника нажимает на ручку, и дверь открывается.

– Подожди! – кричу я. – Не делай этого. Не делай ничего, о чем ты пожалеешь.

Но она исчезает и закрывает за собой дверь. Силы меня оставляют. Я снова падаю на деревянный пол террасы. Меня бьет дрожь. Переворачиваюсь на бок и напрягаю слух. Из дома не доносится ни звука. Ни крика, ни ударов. Полная тишина. Словно там внутри одна Вероника. Словно там никого, кроме нее не было.

Я закрываю глаза и снова открываю их, только когда слышу, как дверь снова открывается.

– Кто ты? Кто ты такая?

Она теребит кончик конского хвоста между пальцами, встревоженный взгляд мечется между мной и досками крыльца. Проследив за ее взглядом, я вижу, что они все в крови. Зрелище не самое приятное.

Слабым голосом я повторяю сказанное ранее. Вероника нагибается.

– Лео говорил что-то про соседку, которая... Это ты писательница?
Я киваю, морщась от боли. Голова раскалывается. Набухшая шишка на лбу пульсирует. Повсюду кровь.

– Пожалуйста, – умоляю я. – Не причиняй мне вреда. Не убивай меня.
– Почему ты все время это твердишь? Ты с ума сошла? – повышает она голос на октаву. – Я вызвала полицию. Они едут.

Полицию? Она вызвала полицию?

– А теперь я хочу, чтобы ты сказала мне, почему ты здесь. Почему преследуешь меня и бросаешься на меня как сумасшедшая.

Мгновение назад она казалась спокойной, но теперь снова производит впечатление безумной. Взгляд мечется. Голос дрожит.

– Лео волновался за тебя, – говорю я. – Я только хотела помочь. Помешать тебе сделать то, о чем ты будешь жалеть потом.

Она качает головой, и у нее такое выражение лица, словно мои слова – самое странное, что она слышала в жизни. Я прижимаю рукав ко лбу, чтобы остановить кровь. Несмотря на то, что я лежу на полу, меня качает.

– Что произошло? – бормочу я.

– Это ты меня спрашиваешь? Невероятно. Она меня еще и спрашивает. Женщина скрещивает руки на груди.

– Я заметила тебя на съезде, но ты ведь ехала за мной от самого города? Ты меня напугала, ты это понимаешь? Мне пришлось спрятаться в кустах. И ты не проехала мимо. Ты припарковалась и...

Голос срывается. Взгляд перемещается с пола на мое лицо, потом опять на пол. Я чувствую, как один глаз заливает кровью.

– Я только тебя толкнула, – говорит она. – Но, видимо, недооценила силу удара. Наверно, причиной тому адреналин в крови. Ты упала и ударилась о перила головой. Думаю, у тебя рассечена бровь.

У нее что-то в руке. Предмет блестит в свете фонаря, когда она жестикулирует. Но это не нож, как я сначала подумала, а ключ. Видимо, это его она пыталась найти и роняла. Чудом мне удастся приподняться и сесть. Вставать не отваживаюсь, боюсь, ноги меня не удержат. Вероника не сводит с меня глаз. Я начинаю осознавать ее слова, испуг на лице, когда она рассказывала, как пряталась от меня в кустах и убегала.

И внезапно я понимаю, что все это – одна сплошная ошибка. Филипа и рыжеволосой в домике нет. Вот почему в доме темно и тихо, вот почему не видно было других машин. Здесь только мы с Вероникой. Грудь сжимается, все плывет перед глазами...

– Мне жаль. Я обещала Лео, что я... Но мне не стоило лезть не в свое...

Чувствую, что если сейчас не лягу, то потеряю сознание, но не могу пошевелиться. Снова прижимаю руку ко лбу и пытаюсь унять кровь насквозь промокшим рукавом. От холода меня бьет крупная дрожь.

Вероника топчется на одном месте,

– В доме есть аптечка... Я могу ее принести...

– Спасибо, не нужно, – шепчу я. – Скоро пройдет.

Она пристально, прищурившись, смотрела на меня.

– Ты сказала, что Лео переживал за меня. Что ты имеешь в виду? Из-за чего ему переживать?

– Он хотел знать, что с тобой все в порядке. И куда ты уехала.

Она меняется в лице.

– Его отец должен был объяснить ему, что мы... Что я уехала сюда. Но, видимо, объяснил недостаточно хорошо. Я оставила записку.

Я осторожно киваю, избегая резких движений. Говорю, как можно медленнее, потому что мешают стучащие друг о друга зубы.

– Он только хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Лицо женщины смягчается.

– У моего сына доброе сердце.

Время идет. Скоро прибудет полиция. Надеюсь, у них есть одеяло.

– Ты его хорошо знаешь?

Я снова киваю и добавляю, что он хочет стать писателем. Видимо, чтобы объяснить наше общение.

– Да, – говорит Вероника, – я в курсе. У него живая фантазия, у Лео, порой это доставляет ему неприятности.

Помедлив пару секунд, соседка выпрямляет спину и смотрит на меня.

– Зайди на минутку, – не терпящим возражений тоном говорит она. – Рану надо промыть. Это абсолютно необходимо.

Соседка стоит рядом, пока я пытаюсь подняться. Не предлагает помощь, но явно готова поддержать, если я снова упаду. Я тащусь за ней следом в дом, с трудом переступаю порог и оказываюсь в гостиной. Там темно и холодно, как и бывает в дачных домах, когда в них долго не приезжают, а батареи отключены. И снова меня осеняет. *Здесь нет никого, кроме нас.*

Вероника щелкает выключателем, и комната озаряется. Она показывает мне, где ванная, достает аптечку и наполовину полную упаковку с ватными шариками.

– Держи, – она протягивает мне один. – Мне кажется, швы не нужно накладывать. Рана неглубокая.

Склонившись над раковиной, я смываю кровь. Вероника уходит и возвращается с кофтой с длинными рукавами, флисовой толстовкой и пакетом для грязной одежды.

– У нас примерно один размер, – говорит она, не глядя мне в глаза.

Она закрывает дверь, оставляя меня одну. Я умываюсь и осторожно вытираю лицо. Набухшая шишка болит, но видно, что Вероника права. Рана широкая, но не глубокая, и кровь уже начала сворачиваться. Я выхожу из ванной комнаты, одетая в ее одежду, с пластырем на лбу, и вижу ее в кресле перед журнальным столиком с бокалом виски в руке.

– Я кое-чего не понимаю, – говорит соседка.

Она вертит бокал в руках, отчего льдинки позвякивают. После ванны мне полегчало, но теперь головокружение вернулось. Ноги меня едва держат.

– Ты меня не знаешь. Вообще не знаешь. Но, тем не менее, сочла тревогу Лео достаточно серьезной, чтобы поехать за мной сюда. Можешь объяснить почему?

В этот момент комната начинает вращаться, а в глазах темнеет. Голос Вероники доносится словно издалека, он говорит мне лечь на диван. Я чувствую, как она помогает мне прилечь. Я закрываю глаза, а когда открываю, вижу на столике перед собой стакан апельсинового сока. Каким-то чудом мне удается сделать несколько глотков и снова упасть на диван.

Вероника закидывает одну ногу на другую и делает глоток виски. Лицо у нее спокойное, испуг полностью прошел. Может, она поняла, что в моем состоянии меня нечего бояться, или потому, что знает, что скоро

приедет полиция.

– Так что заставило тебя так за меня тревожиться?

Сперва я думаю не отвечать – я не обязана ничего объяснять. Потом вспоминаю, как преследовала ее, как бежала за ней к дому, о страхе в ее глазах, когда она увидела меня за спиной, о том мгновении, когда я поняла, что Филипа и Рыжеволосой тут нет.

Я снова тянусь за соком.

– Дело в том, что я кое-что видела...

Вероника не сводит с меня глаз. Сейчас, видя ее так близко, я поражаюсь тому, какая она красавица.

– Что-то видела?

Я открываю глаза и рассказываю о том утре, когда я видела в окно, как она расправлялась с букетом роз при помощи ножниц, как раздирала его в клочья, а потом кричала и плакала.

Вероника сначала бледнеет, потом краснеет.

– Ах вот оно как, – произносит она. – Это было... Понимаю, что со стороны это выглядело странно... Странно и нездорово...

Она подносит бокал ко рту, но тут же опускает.

– Это на меня не похоже. Но я могу все объяснить.

И она рассказывает, что собиралась уехать на выходные. Это было давно запланировано, и Филип, ее муж, обещал остаться дома с Лео. Но в день отъезда заявил, что ему нужно в командировку, возникшую неожиданно из-за встречи с важным клиентом.

– Я протестовала, говорила, что эта поездка важна для меня, но он все равно уехал, хоть и понимал, что мне придется отменить свои планы. Я страшно разозлилась и потеряла контроль над собой.

Она подносит к губам бокал и делает несколько глубоких глотков. Я смотрю на ямочку у нее на горле, смотрю, как движется кожа, когда она сглатывает. Я продолжаю говорить, словно внутри меня запустился механизм, который уже невозможно остановить.

– Потом через несколько дней я снова видела странную вещь. Вы ужинали, а потом ты начала плакать, выбежала из кухни и не вернулась.

Вероника резко поставила полупустой бокал на стол между нами.

– Это у тебя привычка такая? Сидеть за столом и следить за нами в окне? Мне так это понимать?

Я пытаюсь добавить своему голосу искренности и раскаяния.

– Да, это со мной случается.

– Почему? Тебе больше нечем заняться?

Тон был резкий.

– Нет. Нечем. С тех пор, как мы с мужем расстались.

Это ее осаживает.

– Вот как... – отвечает она. – Понятно.

Головная боль усиливается, и я закрываю глаза. Потом вспоминаю, что сестра по-прежнему дома и ждет моего возвращения. Мне нужно связаться с ней, сказать, что все в порядке. Я роюсь в карманах в поисках телефона, но не нахожу его. Потом вспоминаю пакет с грязной одеждой, в котором лежит и жилет. Наверное, телефон в кармане. Я сажусь и роюсь в мешке до тех пор, пока не нахожу то, что искала. Набираю эсэмэс сестре, отправляю и откладываю телефон в сторону. Думаю, что отдых должен был прибавить мне сил. Если сейчас приму обезболивающее, наверняка смогу доехать до дома.

– Мне нужно... Мне пора...

Я кое-что вспоминаю, верчу шей, выглядываю в окно. Вижу только темный лес и пустую дорогу.

– Полиция должна была уже прибыть, разве нет?

Но Вероника не слушает. Она подливает виски в бокал.

– Можно спросить почему? – говорит она, затыкая бутылку пробкой.

– Что почему?

– Почему вы развелись?

Я ерзаю на диване.

– Мы не развелись, а расстались на время.

– На время? Это как?

– Это значит, что мы решили пожить отдельно три месяца, а потом решить, что делать дальше с нашим браком. Если решим его сохранить.

Вероника постукивает обручальным кольцом по бокалу.

– И?

– Прости?

– И что вы решили? Сохранить брак или развестись?

Внутри у меня все сжимается.

Пожалуйста, вернись домой. Я люблю тебя. Всегда любил и буду любить.

Я наклоняю голову.

– Я не знаю.

Из мешка раздается какой-то звук, я понимаю, что это сестра ответила на сообщение. В висках гудит. Я не знаю, что мне делать, не знаю, чего от меня ждут. Я ни в чем не уверена.

Голос Вероники вырывает меня из размышлений.

– ...в том, что я хочу закончить обучение. И из-за этого мы с Филиппом

ссоримся. Он не понимает, насколько это для меня важно. И что я непременно закончу учебу.

Она склоняет голову набок.

– Понимаешь?

Я откидываюсь на спинку кресла, потом снова выпрямляюсь.

– Думаю, да...

Вероника делает еще один глоток виски.

– Я бросила учебу за год до окончания, – продолжает она.

Она ждала ребенка, Лео, и надеялась продолжить обучение после декретного отпуска. Но удачная возможность так и не представилась. Время шло. Сначала Лео был маленький, потом Филипу нужно было строить карьеру. Она работала на временных работах на полставки и ждала, когда наконец придет ее очередь заняться карьерой. Филип все время говорил, что такой момент наступит. «Твое время придет, дорогая, твое время придет», – повторял он как мантру.

– Не знаю, когда он перестал говорить эти слова, может, когда Лео было лет пять-шесть. Думаю, он привык к тому, что я все время дома. Его это устраивало. Какое-то время мне было просто паршиво, не было никаких сил и... да и я, если честно, была плохой матерью. Слава богу, Лео был маленький и плохо помнит тот период.

Я прошу о таблетке от головной боли, и Вероника приносит ее мне вместе со стаканом воды. Сама она уже почти заканчивает второй бокал виски.

Сейчас, говорит она, Филип твердит совсем другое. Он призывает ее развивать свою креативность, искать другие способы самовыражения. Она пыталась. Акварель, чернила, ювелирное мастерство – чего она только не пробовала. Но что-то всегда мешало. Кисти ломались, скальпель для изготовления серебряных украшений терялся.

– Сперва я не понимала, в чем дело. Только потом догадалась, что мне вообще не стоит тратить на это свое время. Мне не нужно развивать свою креативность, мне нужно закончить образование. Мне не нужно занимать себя, мне нужна работа. Работа по специальности. В йоге нет ничего плохого, но если я еще раз услышу слово «ом»...

Вероника бросает на меня затуманенный алкоголем взгляд. Из горла вырывается безрадостный смех.

– Наверное, лучше не продолжать.

Она рассказывает, что записалась на дистанционный курс, решив таким образом продолжить обучение, и что он начинался с обязательного семинара на выходных. Но из-за Филипа она не смогла поехать. И теперь

ей придется ждать год до начала следующего курса.

– Самое плохое, что Филип не понимает, как важно для меня это образование. Он видит, что я расстроена, но пытается утешить меня подарками. Как будто мне нужны все эти сережки. И спа-купоны. Или сюрприз-вечеринки.

В пакете снова плачет. Я хочу достать телефон, но чувствую, что посреди рассказа Вероники это будет невежливо. Видимо, ей тоже нужно выговориться, излить накопившееся за многие годы. И кому это не понять, как мне.

– Так или иначе. Он отвез меня в спа на прошлых выходных, и я сказала все как есть. Что мне не нужны роскошные подарки на день рождения, мне нужно совсем другое. Думала, что все хорошо объяснила, что он понял. Но потом узнала, что муж опять планирует вечеринку-сюрприз. Одна из общих знакомых проговорила. Филип попросил ее помочь с приготовлениями.

Общая знакомая? Я вижу Филипа и рыжеволосую перед собой. Вижу, как они исчезают в подъезде, вижу, как они склоняются над столом в ресторане. Слышу, как они разговаривают о летнем домике. *Вечеринка-сюрприз?* Как я могла так ошибиться?

Вероника поднялась с кресла и теперь ходит по комнате туда-сюда.

– Я потребовала у мужа объяснений. Он изображал непонимание. Но чего тут можно не понять? Мне было так плохо в последнее время, я так разочарована его поведением, как он мог придумать еще одну вечеринку? Только когда я сказала, что вечеринку придется отменить, он понял, что я настроена серьезно. Или когда сказала, что мне нужно побыть наедине и подумать. И что я поеду одна в летний домик на выходных.

Я допиваю сок и натягиваю рукава на озябшие руки.

– Тебе холодно? Батарею я включила.

Я нагибаюсь вперед.

– Если ты планируешь написать на меня заявление...

– Ох, – вздыхает она и теребит сережку.

Я вопрошающе смотрю на нее.

– Я не знала, куда звонить – в полицию или скорую. А потом подумала, что все-таки ты соседка, Лео тебя знает и решила... что лучше полицию не втягивать во все это... Учитывая кровь на крыльце и все такое... Это было бы сложно объяснить. С тобой же все в порядке или?..

Она встречается со мной взглядом, и я вижу у нее в глазах раскаяние.

– Так ты... Ты не звонила в полицию?

Она качает головой.

– Лео тебя высоко ценит. Я мало уделяла ему внимания в последнее время, но поняла это.

Лео. Я зажмурилась. На языке вертится вопрос, который я никак не могу сформулировать.

– Мы забросили сына, и Филип, и я. Он всегда умел сам о себе позаботиться. Легко забыть, что он...

Я поднимаю глаза и вижу, что взгляд Вероники прикован к невидимой точке на горизонте. Потом она моргает и отставляет бокал в сторону.

– Я разберусь со всем этим, – решительно заявляет она. – Я поговорю с сыном.

Я думаю о следах маркера на шее у Лео, об украденных ботинках и прочих вещах. Осторожно киваю и соглашаюсь, что это хорошая идея. Отталкиваясь обеими руками от подлокотников, встаю на ноги. Несколько секунд мы стоим друг напротив друга. Потом Вероника протягивает мне руку. Ее рука теплая, моя – холодная как лед.

– Я верну одежду, когда постираю, – обещаю я.

Она отвечает, что спешки нет, и мы скоро увидимся. Тем более что она знает, где я живу, добавляет Вероника с кривой улыбкой.

По дороге к машине проверяю телефон. Сестра отправила два сообщения в ответ на мое короткое эсэмэс.

Первое:

Рада, что ты в порядке. Дай знать, если нужна будет помощь. PS Ответь НЕТ, если НЕ хочешь, чтобы я читала твою рукопись, пока тебя нет. А то здесь больше нечего делать.

Сперва я думаю, что это шутка, но потом вспоминаю слова сестры о том, как ей нравилось вычитывать мои тексты. И о том, что я говорила, что у нее хороший глаз. Задержав дыхание, я открываю второе сообщение.

Отсутствие ответа означает согласие. Принимаюсь за чтение. Увидимся.

Жена говорит, а я слушаю. Голос у нее спокойный, но по лицу я вижу, как нелегко ей возвращаться в прошлое и рассказывать о том, что произошло после фальшивого аборта.

В рану попала инфекция, у нее была температура, но все равно она приняла решение, что бывший парень вот так просто не уйдет от ответственности за то, что сделал. Справедливость должна быть восстановлена, даже если это будет последнее, что она сделает в этой жизни. Она приняла решение в тот вечер, когда родители были приглашены на ужин и оставили дочь одну дома отдыхать, приняв температуру за симптом простуды. Уходя, они велели ей спать и пить много жидкости. Стоило родителям выйти за дверь, как девушка приступила к делу. Из гардероба достала необходимое снаряжение, закупленное накануне: веревку, повязку на глаза, скотч, черную шапку с прорезями для глаз, нож и молоток. Сложила все в рюкзак и оделась в черное с ног до головы. Рана причиняла ужасную боль, и когда девушка натягивала штаны, в глазах у нее потемнело, но она преодолела эту боль и продолжила сборы.

Несложно было догадаться, где ее обидчик находится этим вечером. Разумеется, дома у новой девушки. Она уже была там пару раз, пряталась за камнем в лесу и следила за ними. Рано или поздно он выйдет во двор позади дома, где стоял горшок с окурками. Там бывший обычно курил. Она видела красный огонек сигареты в темноте и чувствовала аромат никотина. Она была так близко, а он даже не подозревал о ее присутствии. Курил он всегда один, судя по всему, новая возлюбленная не разделяла этой привычки и предпочитала ждать внутри в тепле – перед телевизором или в постели.

Жена рассказала, что взяла рюкзак и пошла к выходу. Голова у нее так сильно кружилась, что она шла, опираясь на стены. В тот вечер она не собиралась снова смотреть из укрытия, как бывший курит и возвращается внутрь, чувствуя, как ее переполняет отчаяние. Нет, она собиралась заманить его в лес или завести туда под угрозой ножа. В темноте она хотела заклеить ему рот скотчем и связать руки, чтобы не дать закричать или убежать. А потом сказать ему все, что ей нужно было высказать, чтобы он услышал и понял, как предал ее и унизил, какую боль причинила ей его измена и каким ничтожеством он заставил ее себя чувствовать. А потом он

должен попросить прощения. А если откажется, она пустит в дело молоток.

План был неидеальным, у него имелось много недостатков. Сначала она думала подождать и подготовиться еще лучше, но в организм проникла инфекция, и она поняла, что все серьезно. Когда Елена потеряет контроль – вопрос времени. И ее беспокоит не здоровье, а перспектива не успеть осуществить задуманное. Ей было совершенно все равно, как все пройдет, она не боялась упасть замертво в конце, ей нужно было лишь одно – отомстить. На то, чтобы завязать шнурки, ушла целая вечность. Нужно было наклоняться вперед, это движение заставляло ее кричать от боли. И когда она под конец, бледная и дрожащая, собиралась выйти из дома, внезапно открылась дверь и вошли родители. Судя по всему, произошла какая-то ошибка, они перепутали время ужина, который должен был состояться через неделю. Они смеялись над своей рассеянностью и не сразу поняли, что происходит.

О том, что было дальше, у нее остались только отрывочные воспоминания. Она бросилась к двери, но мама перехватила ее. Она помнила крики, помнила, как кричала, какие ужасные вещи собирается сделать с бывшим парнем. Она дралась и вырывалась, но они крепко ее держали, не давая сбежать. Она ненавидела родителей за то, что те помешали ей осуществить свой план. Последнее, что она запомнила, это как она наконец сдалась и упала матери на руки, а та заключила ее в свои любящие объятия.

До этого момента она не позволяла себе плакать. Она не плакала, когда узнала, что бойфренд изменял ей, не плакала, когда он ее бросил, не плакала, когда растоптал ее достоинство. Даже когда острый нож вонзался ей в плоть, она не плакала. Но в тот момент в объятиях мамы, шепчущей ей на ухо: *«Это не то, что ты хочешь, ты не такая»*, – слезы хлынули из глаз.

Жена делает паузу и смотрит на руки. Я пытаюсь представить те невыносимые боль и отчаяние, которые она чувствовала, пытаюсь показать, что я ее понимаю, но не могу найти подходящих слов и молча жду продолжения.

Родители обнаружили рану и отвезли дочь в больницу. Каким-то образом они узнали, что она сама себе ее нанесла. Оба испытали шок, особенно папа. Он так никогда и не оправился. После того происшествия он не мог смотреть дочери в глаза и все время смотрел поверх плеча.

Мать была в отчаянии. Как они могли не заметить, что происходит с их дочерью? Они, конечно, видели, что у нее сложный период, замечали, что в последнее время она исхудала, но надеялись, что это пройдет само собой.

Произошедшее будто пробудило их ото сна. В первые недели мать не отходила от дочери. Следила за тем, чтобы та ела, спала в одной с ней комнате, следила за ней круглосуточно. Время шло, жена шла на поправку. Она поступила в университет, завела друзей, к ней вернулись надежды на будущее. Но прошло много времени, прежде чем она снова отважилась кого-то полюбить. Ее романы длились недолго. Но это было до встречи со мной.

Мы смотрим друг другу в глаза.

– Ты первый человек, кому я смогла довериться, – говорит жена.

– Но ты все равно ждала много лет и ничего не говорила до того, как мы поженились. Только потом ты рассказала мне всю правду.

Она медленно кивнула:

– Я хотела рассказать правду, всю правду, много раз делала попытки, но мне было слишком страшно. Страшно, что ты перестанешь меня любить, отвернешься от меня... найдешь другую...

Я прячу взгляд, чувствую, как горит лицо. То, чего моя жена так боялась, произошло. Только сейчас до меня доходят масштабы моей измены. Я предал жену несмотря на все, через что ей пришлось пройти, несмотря на то, что знал, что измена ее первого возлюбленного чуть ее не убила. Как так вышло?

До того, как жена рассказала мне историю шрама на животе, я даже не смотрел на других женщин. Я был уверен, что мы с женой всегда будем вместе и ничто не способно разрушить связывающие нас узы. Но правда перевернула мой мир и заставила увидеть женщину, которую, как я считал, я знал, в ином свете. Теперь кто-то встал между нами, и я ничего не сделал, чтобы помешать этому. Я предал жену, изменил ей, обманул ее. Но перестал ли я любить ее? Нет, не думаю.

Мне хочется обнять ее, прижать к себе, но я вижу ее глаза и вспоминаю, как они почернели, когда думал, что она столкнет меня с края. Думаю о тревоге Анны, о вопросах о моей жене, которые она задавала по телефону. *Не видишь ли ты какие-нибудь признаки склонности к насилию или желания отомстить?* Сомнения снова берут надо мной вверх, и вместо того, чтобы приблизиться, я отклоняюсь назад.

– То, что ты тогда сделала с собой, то, что ты готова была сделать с бывшим парнем... Что, если в глубине души ты по-прежнему на это способна?

Она отвечает не сразу, а когда отвечает, голос у нее тихий, едва слышный.

– Были моменты, когда я сама ни в чем не была уверена. Но сейчас я

знаю, точно знаю, что все так, как говорила мама. Это не то, чего я хочу. Я не такая. Но только ты знаешь, что ты чувствуешь.

Секунды переходят в минуты. Мы сидим молча. Я знаю, чего она ждет, но не могу ей дать это. Просто не могу, пока не могу, не сейчас. Наконец я поднимаю глаза и ищу ее взгляда.

– Я не знаю, чего хочу. Мне нужно время.

Я жду, что она снова разразится рыданиями. Или вернется в спальню и будет лежать там дни и ночи напролет. Но ничего подобного. Она кивает и обхватывает руками колени.

– Ладно.

Затем говорит, что нам лучше пожить отдельно. Она любит меня, но так продолжаться не может. Нам лучше побыть наедине и подумать, стоит ли нам продолжать оставаться в браке. Пожить отдельно? Она это серьезно? Да, я вижу это по глазам. Внезапно мне становится трудно дышать. Из комнаты словно пропал весь кислород. Я не знаю, чего я хочу, я ни в чем не уверен, но одно я знаю точно: я не хочу остаться один.

Жена выпрямляет спину.

– Я надеюсь, что, обдумав все, ты придешь к выводу, что любишь меня целиком. Ту, какая я есть и какой была прежде. Без страха и отвращения.

Она достает сумки и начинает собирать вещи.

И уходит.

Когда я возвращаюсь и паркую машину сестры перед домом, на дворе почти ночь. По улице идут подростки, нарядно одетые по случаю пятницы. Они расступаются передо мной, освобождая путь. Проходя мимо них, я чувствую себя мрачной тенью, точкой на фоне царящих веселья, блесков и ослепительных декольте.

На кухне семьи Сторм горит свет. В свете лампы видно двух человек, сидящих друг напротив друга. Филип и Лео. Мне любопытно, о чем они говорят. Любопытно, вызвал ли внезапный отъезд Вероники отца и сына на искренний разговор, который приведет к переменам к лучшему.

Я послала Лео эсэмэс перед тем, как завести машину.

Твоя мама в порядке. Она с тобой свяжется.

Лео ответил сразу.

Знаю. Сейчас с ней говорю.

Я поворачиваюсь к дому напротив, где уже провела половину отведенного времени. В отличие от дома семьи Сторм, в моем темно. Но сестра внутри и ждет меня. Может, даже заснула, хотя я в этом сомневаюсь. Я не звонила ей, только отправила эсэмэс. Я написала, что еду, но про книгу я не упоминала. Остается только узнать, прочитала она на самом деле или нет, подумала я, открывая входную дверь. В любом случае я должна ей все рассказать. Все. Я скидываю туфли, вешаю куртку и кричу: «Эй», но никто не отвечает.

Сестра сидит в темной кухне на том же месте, где я провела столько часов. Думаю, она видела в окно, как я возвращаюсь. На столе перед ней лежит стопка листов, которые я распечатала днем. Даже в темноте от нее не скрывается, что я в чужой одежде, а на лбу – пластырь, и сестра спрашивает, что случилось. Но голос у нее отсутствующий, как будто мыслями она где-то далеко.

Я осторожно кладу ключ на столешницу. Сомнений в том, что она все прочитала, не осталось. Как и вопроса, поняла ли она, о ком я писала.

– Сколько ты прочитала, прежде чем поняла?

– Прежде, чем поняла, что речь идет о тебе и Петере?

Я киваю.

– Я догадалась, когда прочитала о... шраме.

Меня тянет прижать руку к животу, кончики пальцев так и чешутся, и я борюсь с этой старой привычкой. Больше мне нечего скрывать. Правда вышла наружу. Я сама ее выпустила.

– Только ты мне сказала, что это следы операции по удалению аппендицита. Думаю, выдумка про колючую проволоку со мной бы не прошла.

Наверное, нет. Мы с сестрой были в курсе всех происшествий в детстве, всех шишек, ссадин и синяков. В детстве мы были очень близки.

– Томас, – вспоминает она, – твой первый парень. Я плохо его помню. Видела его только пару раз.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Мне неловко от упоминания его имени.

– Мы собирались жить вместе, – говорю я.

Сестра медленно качает головой.

– Я и не подозревала, что у вас все было так серьезно. Я думала, это только подростковая влюбленность и что это пройдет.

Сестра много лет жила за границей, переезжала с места на место. Неудивительно, что она мало помнит подробности личной жизни младшей сестры в тот период. Но настало время просветить ее на этот счет.

– Мы начали встречаться еще подростками, но на момент разрыва мне был двадцать один год.

В глазах сестры мелькает понимание. Она молчит какое-то время, потом задает вопрос:

– То, что мама мне рассказала, об анорексии. Как она связана с этими событиями?

Я опираюсь на столешницу.

– Я перестала есть, когда узнала, что Томас мне изменяет. Это произошло неосознанно. У меня просто не было аппетита. Я сильно исхудала, но это не было анорексией. После всего, что случилось... что я сделала, что хотела сделать... мне было ужасно стыдно. Я взяла с мамы слово, заставила ее поклясться, что она никому не расскажет. Она могла говорить все что угодно, но только не правду.

Сестра повернулась к окну. Может, мы думаем об одном и том же. О тайне, которую сохранила мама. О том, о чем она предпочла умолчать.

Сестра не удерживается от вопроса:

– Ты не хотела, чтобы она рассказывала мне, твоей сестре?

– Особенно тебе.

Интересно, ненавидит ли она меня теперь. Она тоже отвернется от меня сейчас, когда я наконец ей доверилась?

– Ты же видишь, что эта история сделала с папой, – добавляю я.

Она спрашивает, что я имею в виду. Я объясняю, что наши с отцом отношения кардинально изменились в тот вечер, когда они с матерью вернулись домой раньше запланированного и обнаружили меня в прихожей в полубезумном состоянии. Сперва он, конечно, сочувствовал мне, пытался помочь. Но когда мне стало получше, отстранился и не мог смотреть мне в глаза. Чувствовал ли он страх или отвращение ко мне, я не знаю. Как и не знаю, были ли они вызваны тем, что я сделала с собой, или тем, что собиралась сделать с Томасом. Знаю только, что постепенно мы все больше и больше отдалялись друг от друга.

– Это все моя вина. Что он так поспешно переехал после смерти матери. Я всегда знала это, и мне очень стыдно, что мой поступок так повлиял и на ваши с папой отношения тоже. Это от меня, а не от тебя он старался держаться подальше...

– Елена, ты не виновата в том, что он повел себя как дурак.

Слова застревают у меня в горле.

– Извини.

За то, что я натворила. За то, что лгала тебе все эти годы.

Она встает, идет ко мне, подходит все ближе и ближе, пока не становится совсем рядом.

– Тебе, должно быть, было очень тяжело. Даже представить не могу, что ты пережила, наверно, никто не может представить. Когда я думаю обо всем, через что ты прошла... а я даже не подозревала... и не могла тебе помочь.

Она обнимает меня и прижимает к себе.

– Но теперь с прошлым покончено. С этого момента ты больше не одна. Никогда, пока я жива, ты не будешь одна.

Меня переполняют чувства. Искушение ответить на объятия, прижаться к ее груди и дать волю слезам велико, но страх сильнее. Я осторожно отстраняюсь от нее.

– Это не все, – говорю я. – Я сделала еще кое-что, еще более ужасное. И если ты прочитала книгу до конца, ты знаешь, что я за человек.

– Я знаю только то, что ты моя сестра, – решительно произносит она, – будем решать проблемы постепенно. Сейчас нам надо тебя покормить. Анорексия или нет, а ты худая, как палка, и это плохо для здоровья. Понимаешь, Елена, тебе нужно хорошо питаться, чтобы не умереть.

Она усаживает меня на стул и достает еду из холодильника, поясняя,

что сходила за продуктами, пока меня не было. Выкладывает на стол разные виды мясной нарезки, несколько сортов сыра, оливки, печенье, виноград. Даже бутылку вина она принесла. Судя по всему, она закупила все это еще до моего эсэмэс в надежде на нормальный вечер пятницы. Теперь же все перевернулось с ног на голову, но сестра все равно пытается спасти вечер и даже зажигает свечи и ставит в центр стола.

Я смотрю на нее украдкой, пока она возится с тарелками и бокалами. Что творится у нее в голове, что она думает о прочитанном? Должно быть, у нее много вопросов.

– Я собиралась рассказать о Петере, – бормочу я, – перед тем, как ворвался Лео.

Сестра нарезает сыр и выкладывает рядом с ветчиной на тарелку. Добавив печенье, пододвигает тарелку ко мне.

– Ты сказала, что он позвонил. И что-то про несчастный случай.

Она сует оливку в рот и накладывает себе еду. Я сижу, уставившись на свою тарелку.

– С чего начать... Мы пытались завести ребенка, долго пытались. Но расстались мы не из-за этого. Ты все поняла, прочитав книгу, так ведь?

Она легонько кивает и подливает вина мне в бокал. Я не хочу пить, по крайней мере, пока не выскажу все, что накопилось у меня на душе. Мне нужно пройти весь этот трудный путь до конца. Путь, начавшийся с признания Петера в измене. Я должна рассказать, что чувствовала, когда узнала, что он был в постели другой женщины. И не один, а много раз. Я должна рассказать, что чувствовала, когда осознала, что он не собирается просить прощения, что он вообще не знает, хочет ли оставаться со мной или нет. Должна рассказать, как земля ушла у меня из-под ног и – второй раз в жизни – я чуть не утратила разум.

Должна рассказать о временах, что я провела в постели, не отличая день от ночи, все глубже погружаясь во мрак. О том, как к черному цвету в моих фантазиях добавился красный. Я начала думать о крови, о мести. Книга, которую я купила, вещи, которые искала в интернете. Тайные пробежки, тайные визиты в тренажерный зал, тяжелые гантели, от которых болели мышцы. Полные насилия фантазии со временем стали казаться реальностью. Мне нужно обо всем этом рассказать сестре. В горле пересохло, я перевожу взгляд на стопку бумаг на кухонном столе. *А может, и не нужно ничего не рассказывать, потому что обо всем этом она уже прочитала в книге.*

– Я хотела его убить, – раздается мой хриплый голос. – И у меня было ощущение, что я действительно решусь на это.

Тру пальцем ножку бокала.

– И на этот раз мамы рядом не было.

Некому было обнять меня, удержать, оградить. Некому было верить в меня и любить несмотря ни на что.

Сестра берет еще одну оливку. Мне жаль, что нам приходится пройти через это, но обходного пути нет, надо двигаться вперед. Иначе нам никогда не удастся восстановить искренние и доверительные сестринские отношения.

– Ты упоминала, что чувствовала, что у нас не все в порядке. Еще до того, как мы расстались. Ты звонила с расспросами, но я всегда уходила от ответа, меняла тему. И тот ремонт в подъезде... о котором я все время твердила. С ним тоже не все просто...

Сестра вынимает косточку от оливки изо рта и кладет на край тарелки.

– Я слушаю, – говорит она.

Я рассказываю о лифте. Из-за ремонта его отключили, но проверка позднее показала, что двери на восьмом этаже все равно открывались. На нашем этаже. Петер собирался на работу, совершенно забыв об объявлении про отключенный лифт. Он по привычке нажал кнопку, двери раскрылись, муж сделал шаг вперед... В последнюю секунду он остановился, увидев, что под ногами у него пустая шахта.

На несколько секунд время останавливается. Потом сестра поднимается, подходит к столешнице и берет стопку бумаги. Листает, пока не находит нужное место. И начинает читать вслух:

«Я шатаюсь на краю, оборачиваюсь, встречаюсь с ней взглядом. Эти глаза когда-то встретились с моими перед алтарем крошечной деревенской церквушки. Тогда они были полны жизни, полны любви. Теперь же потемнели от ненависти. Выражение ее глаз говорит о жажде мести. И я вижу на ее лице решимость, целеустремленность, которой давно уже не наблюдал. И только сейчас меня посещает мысль: то, что происходит, то, что произойдет – никакая не случайность. Моя жена выжидала. Желала мне смерти. *Я столько волновался за нее... а теперь понимаю, что волноваться нужно было за себя*».

Она вопросительно поднимает бровь, будто проверяя, там ли она остановилась. Я киваю, сестра склоняется над столом. Свет от свечей дрожит на ее лице.

– Что произошло на самом деле?

Я пристально разглядываю косточки оливок у нее на тарелке.

На самом деле я стояла за дверью и смотрела на Петера сквозь замочную скважину, как я делала каждое утро. Он не знал, что я там, не

знал, что я за ним слежу. Как только он выходил из квартиры, я подбегала к двери. И гадала, идет ли он на работу или на встречу с ней. Мой взгляд был прикован к его спине. Я не могла отвести взгляда, пока за ним не закрывались двери лифта. Но в то утро случилось кое-что неожиданное

– Я слышала, как двери лифта разъехались, видела, как Петер сделал шаг вперед и застыл. В ту же секунду я вспомнила о ремонте и о том, что лифт отключен. Я распахнула дверь и бросилась к мужу. Все произошло так быстро...

Я замолкаю. Напряжение нарастает. Сестра поднимает следующий лист и зачитывает вслух. Может, ей так проще, может, она думает, что текст создает дистанцию между нами и реальностью, хотя каждое слово в нем написано мною.

«Все происходит быстро, но каждое мгновение длится вечность. Она подходит ближе, становится совсем рядом. Поднимает одну руку, потом другую. Сейчас я упаду и разобьюсь. Сейчас все закончится.

Раз, два, три.

Сейчас».

Она смотрит на меня.

– Так Петер считал, что ты готова его убить из мести? Что ты выбежала на лестничную клетку, чтобы столкнуть его в шахту лифта?

Сыр бри начал плавиться, к вину сестра даже не притронулась. Я смотрю ей прямо в глаза.

– А ты что думаешь? Что я собиралась сделать?

Сестра откладывает стопку бумаги и на долю секунды опускает взгляд. Потом смотрит на меня и ровным голосом произносит:

– Я знаю тебя, Елена. Ты бы никогда никого не убила.

Сестра накрывает мою руку своей и легонько сжимает. Я смотрю на ее пальцы.

– Нет, не убила бы.

Я во многом не уверена. Не знаю, что было бы, если бы мама с папой не вернулись домой раньше времени в тот вечер пятнадцать лет назад. Не знаю, хватило ли бы сил в моем состоянии добраться до дома новой девушки Томаса и осуществить тот зловещий план. Я никогда не узнаю, была ли способна пустить в ход нож и молоток не только в целях угрозы. Сейчас мне непонятно даже, как я могла сама нанести себе рану и зашить ее, как мне вообще такое пришло в голову, и как я не потеряла сознание от

боли.

Но есть вещи, в которых я уверена. Я знаю: то, что я сделала с собой, было ужасно, чудовищно, бесчеловечно, и всю жизнь шрамы на животе будут напоминать мне об этом поступке. Когда Петер признался в измене, я хотела причинить ему вред, даже убить его, знаю, что мои фантазии становились пугающе реалистичными. Но также знаю, что когда я увидела его в то утро на лестничной клетке – беспомощного на краю пропасти – я могла думать только об одном – что должна его спасти. По выражению глаз Петера при виде меня понятно было, что он ожидал худшего.

Сестра выливает вино и вместо него наливает нам воды. Я подношу бокал ко рту и опустошаю его в несколько глотков.

– Так весь этот текст, который ты написала, это попытка... своего рода...

Сестра водит рукой в воздухе, пытается выразить свои мысли. Я поворачиваюсь к окну и смотрю во двор. На кухне дома напротив темно. Ни Лео, ни его отца не видно.

– Я снова начала писать после того, как увидела что-то, что напомнило мне о нашем с Петером браке. Сперва мне нужно было просто излить все, что было у меня на душе, на бумагу. Но потом... потом все изменилось.

Сестра следит за моим взглядом. Я знаю, о чем она думает. При чем тут соседи, о которых я ей рассказывала по телефону. Она поднимает руку, трогает пластырь у меня на лбу, спрашивает, что случилось и куда я ездила сегодня вечером. Но я не хочу пока об этом говорить. Не хочу рассказывать о том, что перепутала собственную жизнь с жизнью людей из дома напротив. Не могу объяснить. Я сама еще не поняла, как это произошло. Нужно подождать, пока сознание прояснится, пока все встанет на свои места.

– Когда Петер позвонил, – продолжаю я, – когда я поняла, что он хочет сохранить брак, книга стала меняться. Я думала, что если запишу на бумаге все, что произошло, ничего не утаивая, как бы ужасно это ни было, то смогу понять и простить Петера. И прежде всего – понять и простить себя саму. Только так у нас появится шанс спасти наш брак.

Сестра поднимает тарелку и протягивает мне. Я кладу кусочек пармской ветчины в рот. Знаю, что голодна, но все равно не чувствую голода.

– Мама всегда говорила, что работа – лучшее лекарство. Недавно ты тоже повторила ее слова.

Она жует печенье.

– Да, я не забыла. Как и о совете, что надо копать там, где стоишь.

– На этот раз я в буквальном смысле это и делала.

Мы какое-то время сидим молча, потом я продолжаю:

– С тех пор как умерла мама, я боялась, что что-нибудь случится, что я снова окажусь в сложной ситуации. Боялась своей реакции. Боялась, что снова потеряю контроль над своими чувствами и поступками. А потом Петер изменил мне, и произошло то, чего я так боялась. Я снова оказалась у опасной черты, но на этот раз ее не переступила. Я не сделала ничего, что заставило бы маму стыдиться за меня.

Я трогаю свечку, отчего язычок пламени дрожит.

– Это было как освобождение. Осознать, что я никогда больше не повторю ошибок прошлого, что я не та, какой была в молодости. В прошлом я справилась с этой ситуацией только благодаря маме. Но в настоящем нашла в себе достаточно сил, чтобы преодолеть трудности в одиночку.

Сестра снова берет мою руку в свою и гладит. Я вздрагиваю. Темная тень повисает над кухонным столом.

– Но то, что случилось потом...

Голос отказывает мне, я убираю руку, снова берусь за стакан.

«Ей нужно поехать в одно место.

Навестить кое-кого.

А потом все закончится. Порядок восстановится, грязь смывается. Раз и навсегда».

Рука сестры лежит на столе, но я притворяюсь, что не вижу ее. Я боюсь, она не захочет касаться меня, когда я расскажу, что произошло потом. Когда я расскажу о том дне, когда поехала поговорить с Анной.

Мне звонит незнакомая женщина. Представляется подругой Анны. В начале разговора она не плачет, но говорит тихо, приглушенным голосом. Спрашивает, близко ли я знал Анну. Я замираю с телефоном в руке.

– Простите?

– Ваш номер был в списке контактов в ее телефоне, возможно, вы знали друг друга.

Тон голоса не выдает подозрений или обвинений, но все равно мне становится не по себе и под конец я говорю только, что мы пару раз встречались по работе. И тут до меня доходит.

Знали. Был.

Почему она говорит в прошедшем времени?

– Мы связываемся со всеми знакомыми, – продолжает женщина. – По просьбе родственников.

Я не дышу.

– Это был несчастный случай. Все произошло очень быстро. Врачи говорят, она не страдала.

Она рассказывает, что они с Анной состояли в книжном клубе. В тот вечер встреча клуба должна быть дома у Анны. Но по прибытии гости сразу поняли, что что-то не так. Дверь была не заперта, внутри гудела пожарная сигнализация. В духовке они нашли сгоревший пирог, который Анна планировала подать к чаю. Стол она накрыть не успела. Судя по всему, хозяйка хотела забрать что-то из подвала – салфетки, или, скорее всего, пару бутылок вина.

Они нашли ее у подножия крутой лестницы в подвал. Она лежала с неестественно выгнутой ногой и застывшим взглядом. Одна из женщин начала кричать, но другие не поддались панике и вызвали скорую. Врачи констатировали, что Анна сломала шею, скорее всего, в нескольких местах, в результате падения с лестницы. Она была на высоких каблуках – она обожала каблуки. И несмотря на то, что тысячу раз спускалась и поднималась по этой лестнице, споткнулась и поскользнулась. Никто от такого не застрахован.

– Трагический несчастный случай, – продолжила незнакомка.

Она рыдает на другом конце трубки, женщина, которой выпало прозвонить мой номер. Наконец ей удается взять себя в руки. Она

сморкается и говорит, что Анну уже не вернуть, но родные хотят, чтобы все, кто ее знал, были оповещены о ее трагическом уходе.

– Мы здесь в ее доме, родные и друзья. Мы думаем, это то, чего хотела бы Анна.

Я бормочу что-то в знак согласия, благодарю за звонок, она желает мне всего хорошего, и мы прощаемся. После этого я долго сижу с телефоном в руке и смотрю перед собой. Когда я в последний раз видел Анну? Или говорил с ней по телефону? Совсем недавно, но у меня ощущение, что прошла целая вечность.

Мы отдалились друг от друга после того, как в постели Анна сказала о моей жене: *«Эта женщина не кажется нормальной»*. Впоследствии я понял, что в тот момент что-то изменилось, какие-то невидимые силы сменили курс. Если раньше они все время толкали нас друг к другу, то после того вечера начали тянуть в разные стороны. И то, что нас объединяло, испарилось, и на смену ему пришли тревоги и страхи Анны.

Я все реже звонил ей, отменил одну запланированную встречу, потом другую. Анна не возражала. Наверное, она чувствовала то же, что и я. Какое-то время мы заполняли пустоту в жизнях друг друга, но это время подошло к концу. Наша страсть угаснет сама собой. Так я считал, но оказалось, что все кончится иначе. Все закончилось так неожиданно, так стремительно. И так окончательно и бесповоротно.

Трагический несчастный случай.

На трясущихся ногах я встаю с кресла. Тишина гудит в ушах. Взгляд мечется по знакомым предметам мебели. Когда-то, не так давно, это было моим домом. После отъезда жены это стало только жилищем.

Мы здесь в ее доме, родные и друзья.

У Анны были друзья и семья, с которыми я не был знаком, мужчины и женщины, которых я никогда не встречал. Теперь после ее смерти они собрались вместе и никто не спрашивает, почему меня там нет. И так и должно быть.

Подхожу к окну и смотрю на улицу. Чувствую потребность позвонить жене, но понимаю, что это безумство. Мы не должны общаться в течение трех месяцев, такая была договоренность, мне нельзя ей звонить. Тем более для того, чтобы рассказать, что женщина, с которой я ей изменял, скончалась.

Я не могу звонить, пока не приму решения, хочу ли продолжать быть вместе или развестись. Я закрываю глаза. Откуда мне знать? Я открываю глаза.

Или в глубине души я уже знаю ответ?

Я не хотела ничего о ней знать, о другой женщине. Так я и говорила Петеру много раз.

Но все равно не удержалась и выяснила, кто она. Изучив историю звонков в телефоне мужа и пошарив в интернете, узнала, как ее зовут и где она живет. Решив разойтись на время с Петером, я поняла, что не смогу сделать выбор – сохранять брак или нет, пока не поговорю с Анной, как ее, оказывается, звали. Мне нужно было кое о чем ее спросить и посмотреть, как она будет говорить о моем муже. Мне казалось, что это поможет мне определить, есть ли у нашего брака будущее или нет.

Я поехала в тот район, где она жила, в конце рабочего дня. Заранее звонить и договариваться о встрече я не стала. И никого не посвящала в свои планы. Анна жила в небольшом одноэтажном доме, и когда я позвонила в дверь, была на кухне: я видела в окно, как она что-то проверяет в духовке. У нее были распущенные кудрявые волосы. На бирюзовое платье накинут кухонный фартук. Женщина повернулась, и наши глаза встретились. Она была красивой. Анна открыла дверь и удивленно спросила, не пригласил ли меня кто-то из ее книжного клуба. Только войдя внутрь, я с трудом назвала свое имя.

Она уже спешила назад к духовке, но, услышав мое имя, замерла и повернулась на своих высоченных каблуках. И на ее лице я прочитала не только удивление, но и страх. Даже ужас. Что Петер ей обо мне сказал? Я подошла ближе.

– Нам нужно поговорить, – как можно спокойнее произнесла я. – Мы можем присесть?

Взгляд Анны метался по комнате туда сюда. Она словно искала что-то или кого-то. Только позже я поняла, что означал этот взгляд. Женщине было некомфортно от того, что я преграждала ей путь к выходу. Анна не поверила, что я пришла просто поговорить, она боялась, что я хочу ей навредить. Я сделала еще шаг ближе.

– Послушай... – начала я и больше не успела ничего сказать, потому что любовница мужа бросилась в открытую дверь, находившуюся посреди коридора между нами.

Я ее раньше не заметила, но теперь Анна исчезла за ней и даже попыталась захлопнуть дверь за собой. Видимо, чтобы помешать мне

догнать ее. Но, судя по всему, женщина поскользнулась, потому что раздался ужасный шум, громкий вопль, а потом звук удара. А за ними тишина.

Я стояла словно парализованная, потом подошла к двери. Холодный воздух ударил мне в лицо. Под ногами я увидела узкую крутую лестницу, ведущую в подвал. Анна лежала на полу у подножия лестницы, и я сразу поняла, что она мертва. Но все равно позвала ее по имени. Женщина не отзывалась. Тогда я спустилась вниз и приложила два пальца к шее. Пульса не было. Я впала в панику. Бросилась наверх, вылетела из дома и поспешила прочь из того района. Только позже я осознала, что произошло. Умерла. Умерла из-за меня. Я не хотела ей навредить, но факт остается фактом: если бы я не появилась у нее на пороге без приглашения, катастрофы бы не случилось.

Сестра молча слушает мой рассказ. В какой-то момент встает, убирает остатки ужина, снова садится, не переставая слушать. Она уже знает историю из книги, но только сейчас до нее доходит, что все это произошло на самом деле. Закончив, я бросаю взгляд на ее серьезное лицо и замечаю подрагивающую жилку под глазом.

– Я не могу в это поверить, – говорю я, хватаясь за голову руками, – не могу поверить, что она мертва и что я... Я...

Голос срывается. Я жду, что сестра что-то скажет, все что угодно, но она молчит.

– Какой кошмар, – наконец произносит она. – Кошмар.

Еще несколько минут в молчании. Потом сестра встряхивает плечами, словно желая освободиться от неприятных эмоций. Она смотрит на меня:

– Это не твоя вина, Елена.

– Я пришла к ней домой, – говорю я хрипло. – Что-то в моей внешности или поведении напугало ее. Обнаружив, что она мертва, я не позвала на помощь, не вызвала скорую или полицию. Я просто сбежала.

Сестра отвечает не сразу, и я перевожу взгляд на свечу и смотрю на пламя, пока перед глазами не начинают мелькать цветные пятна.

Первые дни я ждала, что в любую минуту ко мне ворвется полиция. Что они будут меня подозревать, снимать отпечатки пальцев и так далее. Может, кто-то из соседей видел, как незнакомая женщина убегала прочь от дома. Но ничего не произошло. А потом я увидела некролог в газете, где было написано, что Анна неожиданно и трагически ушла из жизни, оплакиваемая друзьями и родственниками. Ничто в коротком тексте не намекало на то, что в ее смерти было что-то подозрительное. Шли дни, недели, но ничего не происходило. А потом позвонил Петер.

– Это не твоя вина, – повторяет сестра. – У тебя был шок, и ты... это не твоя вина. Это несчастный случай. Петер ведь сказал то же самое? Он же должен был быть в курсе.

Я моргаю. Слова Петера звучат у меня в ушах.

Она умерла, Елена. Умерла. Вот что произошло.

Это был несчастный случай. Трагический несчастный случай.

Но дело в том, была в ее смерти моя вина или нет, решать не мне и не Петеру. Но я не озвучиваю эту мысль.

Вскоре после этого мы решаем пойти спать. Мы обе измождены, но сестра изъявляет желание остаться на ночь. При этом она хочет спать на полу у моей кровати. Я протестую, говорю, что привыкла спать одна. И что за мной не нужно присматривать.

Сестра гладит меня по щеке:

– Разве ты не помнишь, что я сказала раньше? С этого момента ты никогда больше не будешь одна.

Когда я иду в ванную чистить зубы, я слышу, как она говорит по телефону с Вальтером, сообщает, что останется со мной на ночь. Голос у нее нежный, и на прощание она говорит: «*Я тоже люблю тебя*». Видимо, некоторые пары умеют сохранить любовь даже в многолетнем браке. Хорошая новость. Я решила, что у сестры с мужем проблемы только потому, что я спроецировала на них свои. То же произошло с Филипом и Вероникой. Теперь я это понимаю.

Я ставлю щетку на место и разглядываю свое отражение в зеркале. Теперь я знаю, что произошло на самом деле, но в этой истории осталась еще пара темных пятен. И только один человек может помочь мне расставить все по своим местам. Я поговорю с ним завтра.

На следующий день сестра будит меня только ближе к обеду. Я открываю глаза и вижу ее одетой рядом с кроватью.

– Мне нужно идти, – говорит она. – У меня запись к хорошему физиотерапевту. Я могу отменить, но к нему так трудно попасть на прием и...

Я отмахиваюсь от нее:

– Конечно, иди, я справлюсь.

– Я позвоню тебе позже, хорошо?

Я киваю, но она не двигается с места. Я заношу подушку.

– Иди уже.

– Соня, – смеется она и идет к двери.

Я запускаю в нее подушкой, но промахиваюсь. Сестра показывает мне язык и исчезает. Я слышу, как она спускается по лестнице и выходит из дома. Я потягиваюсь в кровати и только сейчас понимаю, что впервые за долгое время спокойно проспала всю ночь.

На кухне я замечаю, что сестра заварила в чайнике чай. Я выпиваю чашку, доедаю остатки вчерашнего ужина и мысленно планирую день.

Время от времени поглядываю во двор. И внезапно вижу Лео. Он сидит без дела на лавке перед кустами рододендрона. Даже книги в руках нет, он просто сидит и выводит узоры кончиком ботинка. Словно ждет кого-то.

Я выхожу из дома и иду к нему.

– Можно присесть?

Он кивает и пододвигается, освобождая мне место.

– Как ты? – спрашиваю я.

Он отвечает, что все о'кей и спрашивает про мой лоб:

– Что случилось?

Я пожимаю плечами, опускаюсь на лавку и подставляю лицо теплым лучам солнца. Проходит минута, потом две.

– Лео, – говорю я. – Мне нужно кое-что у тебя спросить. Мы с твоей мамой вчера долго говорили в домике и...

– Я волновался за нее. На самом деле! Это правда.

В голосе мальчика слышится резкость, я касаюсь коленки Лео рукой.

– Никто в этом не сомневается, Лео.

Я поворачиваюсь к нему лицом, но он смотрит перед собой:

– Я хочу, чтобы ты знал, что я никому не раскрыла твоих секретов. Ни о ней, ни о...

– Эта история с сумкой, – перебивает Лео и поворачивается ко мне. – Это действительно произошло. Она швырнула сумку в воду. Нарочно. Она думает, что я был маленький и ничего не помню, но я все помню. И она действительно странно вела себя в последнее время.

Я киваю.

– Думаю, она захочет поговорить с тобой об этом, когда вернется. Это необходимо вам обоим. И тебе не нужно волноваться за родителей. Тебе нужно думать...

Я нахмурилась.

– Сколько тебе лет, кстати?

– Скоро исполнится четырнадцать.

– Тебе нужно думать о себе, быть обычным четырнадцатилетним пацаном.

Он улыбается незаметно, но я все равно вижу.

– Видишь, ты улыбнулся!

Я пихаю его в бок, он отвечает тем же.

– Никто уже не употребляет слово «пацан». По крайней мере, среди моих сверстников.

Он снова становится серьезным.

– О чем вы говорили? Вы с мамой?

– Помимо прочего, о преимуществах богатой фантазии.

Лео краснеет. О'кей, признается он, он что-то преувеличил. И даже выдумал. Например, эту историю с книгой «*Как совершить убийство и остаться безнаказанным?*». Эту книгу он видел только у меня и нигде больше.

– Я хочу понять, – говорю я. – Почему ты решил выдумать такое?

Лео убирает челку со лба.

– Я решил, что вас это заинтересует. Это гораздо интереснее, чем реальность.

– Но почему тебе так важно, что я думаю?

– Вы так ничего и не поняли?

Мы смотрим друг на друга. Затем Лео рассказывает, что увидел меня в первый же день переезда, когда сестра помогала мне с вещами. Он узнал меня, но не мог поверить своему счастью. Настоящая писательница живет на одной с ним улице – в доме напротив!

Мальчик решил любой ценой познакомиться со мной, но прошло несколько недель, прежде чем он отважился позвонить в звонок. К тому

времени он нашел в интернете интервью, в котором я рассказывала, откуда черпаю вдохновение, и что обычно в основе моих произведений – наблюдения за людьми из моего окружения.

Лео замолкает и многозначительно смотрит на меня.

– Ты имеешь в виду... – начинаю я, но сбиваюсь и приходится начать заново: – Ты имеешь в виду, что ты выдумал все эти вещи про свою маму, потому что надеялся, что я использую их в книге?

Лео закусил губу.

– Это сработало. Каждый раз, когда я рассказывал о маме, что ей плохо или что она ведет себя странно, вы слушали очень внимательно.

Все мое существо протестует. Это не так, хочу я сказать. Но вспоминаю наши встречи, вопросы, которые я задавала, намеки, которые делала... Я попала на удочку. Я сама переступила границу дозволенного в отношении Лео и его родителей.

А теперь сижу здесь и требую от него объяснений. Мои плечи опускаются. Не с этого мне стоило заводить разговор.

– Извини, – говорю я. – Я не хотела, чтобы ты так себя чувствовал. И у меня свои странности. В последнее время я совершила много ошибок. Но ты тут ни при чем.

Лео нагибается ниже, упираясь локтями в колени.

– Понимаешь, – осторожно продолжаю я, желая чтобы он точно понял, – все, что произошло, моя ответственность. Мне не стоило...

Не давая мне закончить, он трясет головой:

– Все в порядке.

Мы сидим молча какое-то время. Я думаю о друге, о котором он мне рассказывал, том, который переехал несколько месяцев назад. И о том, что творится у Лео в школе. И о сложных отношениях с родителями.

– Всем нужен друг, с которым можно поговорить. Друг, которому не все равно. Ты мне не безразличен, Лео, я за тебя переживаю. Seriously.

В кустах кричат сороки. Одна из них, вся потрепанная, взлетает над двором. Явно птицы что-то не поделили.

– Я хочу, чтобы у тебя было все хорошо. Никто не имеет права обижать тебя. Никто.

Он выпрямляет спину. И говорит, что несколько девочек из девятого вообще-то заступились за него в начале недели. Они накричали на парней, которые поставили ему подножку в столовой. Извиняться парни, разумеется, не стали, но хотя бы на время оставили его в покое. С тех пор стало лучше. Лео надеется, что так и будет продолжаться.

– Я тоже на это надеюсь. В противном случае расскажи мне. И я

вставлю их в свою следующую книгу. Жертвами ужасного несчастного случая.

Лео смеется.

– Вы не в своем уме.

Я не успеваю ничего сообразить, как он быстро обнимает меня. Внутри разливается тепло, и на глаза наворачиваются слезы.

Мы сидим рядом и еще немного болтаем, а потом я встаю со словами, что мне нужно идти. Лео спрашивает куда, и я отвечаю, что есть одно неотложное дело. Солнце зашло за тучи, пора застегнуть молнию на жилете.

– Кстати, – добавляю я. – Я тебе этого не говорила, но твое сочинение действительно было хорошо написано. Эмоционально. Надеюсь, тебе поставили хорошую оценку.

Лео бросает на меня взгляд из-под челки:

– Это было не школьное задание. Я так хотел заставить вас прочитать что-то из моих творений.

Я сую руки в карманы.

– Как скажешь. В любом случае это была хорошая история.

– Я ее выдумал.

– Этим и прекрасна профессия писателя. Писатель не обязан придерживаться правды. Воображение только приветствуется.

Я улыбаюсь Лео, и он улыбается в ответ.

– Увидимся.

– Да.

Я поворачиваюсь и иду прочь.

Проходят дни, недели. В погожий день я отправляюсь на долгую прогулку. Прохожу мимо пожилой пары: они медленно прогуливаются, держась за руки. Их пальцы переплетены, и видно, что они – пара, что они уже давно вместе и собираются быть вместе до самого конца. Когда я обгоняю их, старик поворачивается ко мне, смотрит своими водянистыми голубыми глазами и кротко улыбается.

Жизнь – хрупкая штука, он словно пытается мне сказать, нужно крепко держаться за того, кого любишь. Слишком легко потерять любовь. Я улыбаюсь в ответ. Порой, думаю я, легко потерять и себя самого тоже.

В парке я сажусь на скамейку передохнуть. Я вижу девочку на качелях. Она кричит папе качать ее сильнее: «Выше, выше». И когда она поворачивается ко мне, я вздрагиваю. Потому что эта маленькая девочка похожа на мою жену. Те же миндалевидные глаза, такая же ямочка на щеке. Сходство поразительное. Она могла бы быть нашей дочерью, думаю я. И потом: *Что мы творим? Что мы уже натворили?* Нерешительность как рукой сняло. Не осталось никаких сомнений, никаких страхов. Я вижу все так четко, как никогда прежде. Все становится так ясно и прозрачно, что я вскакиваю с лавки.

По дороге домой замечая, что что-то изменилось в моей походке. Я иду решительным, целеустремленным шагом. Мы договорились связаться, только если случится что-то серьезное или кто-то из нас примет решение. И то, что случилось, очень серьезно. Для меня все прояснилось, я по-новому смотрю на мир. И мне нужно рассказать об этом жене. И если она только согласится встретиться со мной, я расскажу ей, что я чувствую, чего я хочу.

А потом? Потом увидим.

Я стою перед полицейским участком, собираясь войти и попросить о встрече с комиссаром или другим сотрудником полиции, который выслушает мой рассказ о том, что произошло в тот день дома у Анны. Они решат, причастна ли я к смерти или нет. Не важно, что будет потом. Я не пожалею о принятом решении. Это единственный путь вперед, единственная возможность продолжать жить. Я поднимаю глаза к небу. *Ты бы с этим согласилась, я знаю.*

Осталось сделать только одну вещь перед тем, как подняться по этой лестнице. Я достаю телефон и набираю хорошо знакомый номер. В следующую секунду он рядом со мной. Я слышу его голос в трубке. Мой муж, мой любимый.

– Я подумала, – говорю я, – о твоём предложении встретиться.

Петер не дает мне закончить. С энтузиазмом спрашивает, значит ли мой звонок, что я закончила все дела, и когда я отвечаю, говорит:

– Ты можешь прийти домой, Элена. В любой день, когда тебе удобно. Я приготовлю ужин. Баранину и картофельный гратен. Все, как ты любишь.

Он так рад меня слышать, что от этого мне еще тяжелее. Одновременно я не могу не задаться вопросом, скучает ли он по мне или ему просто тяжело дается одиночество. Я никогда этого не узнаю. Впрочем, это и не важно.

Я прокашливаюсь:

– Я звоню, чтобы сказать... Сказать что нам не стоит встречаться.

Он в недоумении. Муж думал, что... Он берет себя в руки и заходит с другого конца. Если мне нужно еще время, он согласен. Он готов ждать лишь бы...

– Нет, – перебиваю я. – Не нужно. Я не хочу, чтобы ты меня ждал.

В его голосе полное замешательство. Я зажмуриваю глаза, хочу как можно скорее покончить с этим. Затягивать с этим – только продлевать агонию.

– Это самое трудное решение в моей жизни, но я собираюсь подать на развод.

На другом конце трубки тишина. Потом Петер заговаривает:

– Прости, – говорит он. – Прости за то горе, которое я тебе причинил,

за то, что изменил тебе, предал тебя. Я должен был попросить прощения... Я должен был рассказать тебе все раньше...

Я открываю глаза. Я словно ждала от него этих слов. Мне нужно было услышать извинения. Как пятнадцать лет назад от Томаса.

– Петер, я...

– Дело было не в ней, – поспешно добавляет он, – а только в нас, тебе и мне. Или, точнее, во мне. Я не знал, как мне вести себя после того, что ты рассказала. Но теперь я знаю. Знаю, что могу...

Он продолжает говорить, говорит вещи, обещающие будущее, на которое я раньше надеялась, в возможность которого верила. Теперь я знаю, что никакого будущего у нас нет, но это знание причиняет мне невыносимую боль. *Если бы только что-то можно было изменить.*

– Петер, – перебиваю я тихо, – Я приняла решение. Назад пути нет, теперь я это понимаю. Мне жаль.

Я слышу его дыхание на другом конце, и столько еще всего можно было бы сказать, столько всего мне есть сказать ему, но я сжимаю трубку, сжимаю губы, мысленно приказываю себе: *будь сильной.*

– Но почему? – спрашивает он. – Ты больше меня не любишь?

Я делаю глубокий вдох. Как ему объяснить? С чего начать?

Баранина и картофельный гратен – не моя любимая еда, а твоя. Но поскольку они тебе так нравились, я тоже их полюбила. Наша любовь, наш брак были для меня всем. Никогда раньше никого не любила так искренне и безусловно, я делала все, чтобы остаться с тобой вместе. Я не знала, как этого добиться, но делала все, чтобы ты считал, что мы идеально подходим друг другу.

Я готовила тебе баранину и картофельный гратен по праздникам и даже в обычные дни. Я приготовила ее и в тот вечер, когда мы договорились поужинать дома и поговорить. В тот вечер я нарядилась, выставила на стол лучший сервиз в надежде, что в ходе этого разговора мы смогли бы снова сблизиться, потому что расстояние между нами увеличивалось после того, как я раскрыла тебе свою тайну. В тот вечер ты рассказал мне об Анне.

Я купила домой цветы, может, ты помнишь букет на столе, может, нет. Когда мои слезы и твои попытки утешить меня закончились, мы легли в постель и заснули, изможденные. Или ты так думаешь. Ты не знаешь, что я ворочалась в постели без сна, потом встала и начала бесцельно бродить по квартире. На кухне в вазе стояли цветы, и когда я их увидела, на меня что-то нашло. Я не могу объяснить что. Или *не хочу*. Я схватила ножницы.

Ты не проснулся от моего крика и не увидел, что творилось на кухне.

Я не оставила за собой следов. Единственное, что изменилось, это то, что на следующее утро цветов на кухне не было. Ты никак это не прокомментировал, думаю, даже не заметил их отсутствия. Может, ты даже не заметил их предыдущим вечером, как не заметил и всех моих стараний сделать этот вечер особенным. Может, так было всегда за время нашей совместной жизни.

– Это так? Ты перестала меня любить, Елена?

Нет, хочется мне сказать, не перестала. Не переставала и не перестану. Я закусываю губу, не могу не думать о сообщениях, которые он оставил на моем автоответчике. *Я люблю тебя. Всегда любил и буду любить.* Но одно дело – говорить, совсем другое – делать. Я жду немного, чтобы не выдать волнения.

– Спасибо, – говорю я. – Хоть все это и кончилось, я хочу поблагодарить тебя за все эти годы, за то, что ты показал мне, какое это счастье – близость другого человека. Теперь я знаю, что это возможно и что это стоит того, чтобы рискнуть.

Это звучит немного напыщенно, но что поделаешь. Я должна это сказать. Мне это необходимо.

– Это действительно конец, Елена? Ты уверена?

Это не последний наш разговор, думаю я. Нам нужно будет позаботиться о практической стороне вопроса: подписать бумаги о разводе, разделить вещи. Но сейчас, именно сейчас, мы прощаемся, я точно это знаю.

– Пока, Петер. Береги себя.

Я кладу трубку и утираю слезы. Поднимаю глаза и сквозь пелену смотрю на вход в полицейский участок. Но я полна решимости. Я готова пройти и через это тоже. Я начинаю медленно подниматься вверх. Ступенька за ступенькой.

Воскресным вечером, несмотря на солнце, во дворе пусто. Вероника вернулась пару часов назад. Я видела, как она открыла багажник джипа и вынимала сумки. Филип вышел ее встретить, заключил в объятия и помог занести вещи в дом. Они закрыли дверь, и больше никого из семьи не было видно.

Я барабаню пальцами по краю стола и смотрю на лист бумаги передо мной. Мне нужно составить список покупок, но голова занята и другими мыслями.

Я думаю о Лео и о том, что вчера произошло в полицейском участке. Меня отвели в комнату, где со мной беседовал лысый сотрудник в форме. У него были добрые глаза. Я отметила это, пока мы говорили. Он делал записи, пока я рассказывала, задал несколько вопросов, но в основном слушал. Потом сказал, что скоро со мной свяжется, и отпустил домой.

– Хорошо, что вы пришли, – сказал он на прощание.

Посмотрим, что же значили эти слова. Я готова ответить за последствия своих поступков, какими бы они ни были. Возможное наказание меня не пугает. Впервые за долгое время я чувствую что-то похожее на веру в будущее или даже надежду.

То, через что я прошла, то, где я сейчас еще нахожусь, – это туннель, и нужно пройти его полностью от начала до конца.

Я тянусь за ручкой. Сестра завтра придет на ужин, хотя завтра самый обычный день. Она сама себя пригласила, но я сказала, что это возможно только при одном условии – что она возьмет с собой Вальтера. Я помню нежность в ее голосе, когда она говорила с мужем по телефону, пока я была в ванной. И если мы собираемся стать ближе, Вальтер тоже должен быть частью нашей новой жизни. Помимо сестры и ее мужа, мне нужны и другие люди в моей жизни. Потому что в действительности пазла только из двух фрагментов недостаточно.

Вопрос только что приготовить. Все что угодно, но только не лазанью, вспоминаю я с ухмылкой кулинарные потуги сестры. Записав ингредиенты для несложного индийского рагу, я добавляю другие продукты на неделю. Фрукты и овощи, цельнозерновой хлеб, рис, индейку, лосось. «Мне нужно снова начать правильно питаться, заботиться о себе». Есть надо, иначе умрешь, как говорила сестра, а я не хочу умирать.

Мама. Ручка замирает. Сколько времени пройдет, прежде чем

начавшее оттаивать замерзшее горе растает окончательно? У меня нет ответа на этот вопрос, но по крайней мере я больше не одна. Мы с сестрой поможем друг другу справиться и с этим. Пока мы не в силах понять все, что мама нам говорила, но когда-нибудь понимание придет. Верчу ручку в руке и качаю головой. Сестра сказала, что мама просила ее позаботиться обо мне... Я все еще не могу понять, почему.

Не могу решить, изменилось ли мое к ней отношение или нет. Наверно, придется смириться с тем, что мама тоже была всего-навсего человеком. Ей были свойственны страхи и сомнения, и все родители стремятся дать своим детям самое лучшее, даже когда это не представляется возможным.

Звонок в дверь застаёт меня врасплох. *Лео!* Я поднимаю глаза и смотрю в окно, но человек, поднимающий руку в знак приветствия, не Лео.

– Привет, – говорит Вероника, когда я открываю. – Я не помешала?

Длинные медовые волосы, как обычно, убранны, но она выглядит как-то по-другому. Наверное потому, что не накрашена. Я качаю головой. Нет, не помешала.

– Не знаю, зачем я пришла, но...

Мы смотрим друг на друга.

– Точнее, знаю. Я хотела спросить, как ты себя чувствуешь.

Рука инстинктивно поднимается ко лбу. Рана еще побаливает, но уже заживает. Шрам вряд ли останется.

– И еще, – добавляет Вероника, – я хотела объясниться. Я много наговорила тогда в домике. Как будто в последний раз.

Она теребит воротник кофты. Говорит, что где-то читала, что это может быть реакцией на драматичное событие. Шок и адреналин заставляют людей довериться незнакомцам и поведать им самые сокровенные тайны.

– Я испытала шок. Сначала я решила, что меня преследует сумасшедшая, а потом ты лежала вся в крови на крыльце и умоляла не убивать тебя. – Она кривится. – Не говоря уже про алкоголь.

Я прокашливаюсь и плотнее закутываюсь в кофту.

– Да... Вечер выдался бурный.

– Мягко говоря.

Она смеется, и в ее смехе я узнаю Лео. Внешне они не очень похожи, но смеются одинаково.

– Как бы то ни было, – продолжает она, – кажется, все разрешилось. Филипа мой отъезд очень расстроил. Когда я вернулась, он сказал, что осознал, каким был эгоистом и как мало времени уделял мне и Лео, и что

ему стыдно за это. Он даже плакал, и казалось, будто бы он...

Вероника делает паузу:

– Вот я опять говорю много лишнего. – Она закатывает глаза. – А ведь ты даже ничего не спросила.

– Ничего страшного.

Она улыбается.

– Может, дело было не только в шоке и виски, – шепчет она. – Может, дело в тебе. Ты умеешь разговаривать людей, в твоей компании легко расслабиться. Может, это потому, что ты писательница? Умеешь слушать? И задавать вопросы? Лео говорит, что ты хорошая слушательница.

– Как он? – спрашиваю я.

Вероника чешет руку, рассказывает, что сегодня у них состоялся долгий разговор. Это было нелегко, но впервые за долгое время она почувствовала, что они слышат друг друга.

– Он очень хорошего о тебе мнения. «Вот бы все взрослые были такие, как она», сказал мне сын.

– Вот бы все подростки были такие, как Лео, – говорю я.

Вероника смеется, и я испытываю странное ощущение, что нас с ней что-то объединяет. Между нами существует какая-то невидимая связь. А может, не только нас обеих. Может, есть еще женщины, расправившиеся с букетом в минуту гнева. Может, есть женщины, которым стоило бы попробовать.

Вероника бросает взгляд на часы и говорит, что ей пора домой. Потом поднимает глаза и встречается со мной взглядом.

– Надеюсь, у вас с мужем тоже все разрешится, – говорит она. – Или, по крайней мере, у тебя.

И снова у меня в ушах звучит голос Петера. *Ты меня больше не любишь? Ты перестала любить меня, Елена?* Может, он не понял, что вопрос был поставлен неправильно. Это не *моей* любви не хватило, а *его*.

Я прошу передать привет Лео, и мы прощаемся. Закрыв за ней дверь, я иду в гостиную и подхожу к книжному шкафу. Провожу рукой по корешкам книг, чувствую, как энергия таящихся в них историй проникает мне в кровь.

Завтра утром я позвоню на работу и попрошу новые задания. А может, и нет. Может, я пойду на прогулку, зайду в кафе или просто сяду за стол на кухне и буду смотреть в окно.

Сегодня я не та женщина, что раньше. И не та писательница, какой была раньше. И если я снова возьмусь за книгу, то буду тщательно соблюдать границы между выдумкой и реальностью, чтобы не перепутать

свою жизнь с жизнью других людей. Но моя роль наблюдательницы не претерпела изменений. Я по-прежнему знаю, что вокруг меня множество хороших сюжетов и что идеи для книги прячутся там, где их меньше всего ждешь. Нужно только держать глаза открытыми.

Благодарности

В писательских кругах часто говорят о «проблеме второй книги». Я же хочу ввести в оборот новое понятие «проблема *четвертой* книги».

В отличие от моих трех первых книг, четвертая далась мне крайне тяжело. Впрочем, не знаю, можно ли полагаться на мою память. Может, как утверждает мой муж, и в случае первых трех я разрывалась между надеждой и отчаянием. Может, эти муки – неотъемлемая часть писательского процесса. В таком случае помощь и поддержка близких людей ценны как никогда.

Спасибо книжному издательству «Форум», издателю Адаму Далину и редактору Черстин Эдин за то, что вы верили в меня и призывали написать «лучшую книгу» в моей жизни. Спасибо остальным сотрудникам «Бонниерс»: отделу продаж, маркетинга, пиара и других за то, что вы много работали, чтобы донести мою книгу до читателей по всей стране.

Я хочу воспользоваться возможностью и поблагодарить всех книготорговцев страны за интерес к моим книгам. Некоторые из вас мне особенно близки, я искренне надеюсь, что вы знаете, кого я имею в виду. Не буду называть имен, но я помню о вас.

Начиная со второй книги «Исчезнувшие» мои романы издаются за рубежом. Они нашли своих читателей благодаря Элисабет Брэнстрем и Аманде Бертоло Альдерин из литературного агентства «Бонниер Райтс», которое на данный момент продало права на мою книгу аж в целых 26 стран. Горячее спасибо вам и за поддержку во время работы над книгами.

Также хочу поблагодарить мои иностранные издательства за доверие и целенаправленные действия по продвижению моих произведений на книжных рынках ваших стран.

Выражаю благодарность моей тест-группе читателей – Марии, Софии, Александре, Луизе – за то, что вы со всей ответственностью подошли к чтению, за потраченное время и конструктивную критику.

Отдельное спасибо моим чудесным читателям и слушателям (в том числе слушателям подкастов!) за вдохновение, которое вы мне дарите.

Не могу не поблагодарить мою семью, родных и моих любимых друзей из писательского мира и вне его.

И, конечно, маму и папу. За помощь и поддержку всех моих начинаний, за мудрые советы, за теплые объятия, особенно в тот мартовский вечер.

Юханна. Спасибо за наши беседы, которые так много для меня значат.

Нинни. Спасибо за то, что ты радуешься вместе со мной, и поддерживаешь в тяжелые минуты. За то, что ты мой собственный маленький киндер-сюрприз: подруга, коллега, ментор – три в одном.

Никлас. Спасибо за то, что ты заставил меня поверить в себя и дописать эту книгу. Спасибо, что не дал мне поддаться сомнениям. Благодарю тебя, Макса и Молли: в конце концов, все ради вас. Спасибо, что вы есть в моей жизни. Я люблю вас.

Каролина Тэбю, июнь 2017

---

notes

Примечания

1

Что угодно (*англ.*).

Table of Contents

[Каролина Эрикссон Наблюдательница](#)

[Пролог Муж](#)

[1 Элена](#)

[2](#)

[3](#)

[4 Муж](#)

[5](#)

[6 Элена](#)

[7](#)

[8 Элена](#)

[9](#)

[10](#)

[11 Муж](#)

[12 Элена](#)

[13](#)

[14](#)

[15 Муж](#)

[16](#)

[17 Элена](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21 Муж](#)

[22 Элена](#)

[23](#)

[24](#)

[25 Элена](#)

[26](#)

[27 Муж](#)

[28 Элена](#)

[29](#)

[30](#)

[31 Элена](#)

[32 Муж](#)

[33 Элена](#)

[34 Муж](#)

[35 Элена](#)

[36](#)

[37 Элена](#)

[38](#)

[39](#)

[40 Элена](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[46 Муж](#)

[47 Элена](#)

[48 Муж](#)

[49 Элена](#)

[50](#)

[51 Муж](#)

[52 Элена](#)

[53](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)